Н. М. МЕЛЬНИКОВ

А. М. КАЛЕДИН

ГЕРОЙ ЛУЦКОГО ПРОРЫВА И ДОНСКОЙ АТАМАН

Издание «Родимого Края»
1968

ИСПРАВЛЕНИЕ:

Под иллюстрацией стр. 108 вместо слов... **«председателем Дон. Войскового Круга Волошиновым»** следует читать:

...«войсковым старшиной Е. А. Волошиновым»

Н. М. МЕЛЬНИКОВ

А. М. КАЛЕДИН

ГЕРОЙ ЛУЦКОГО ПРОРЫВА
И
ДОНСКОЙ АТАМАН

Издание «Родимого Края»
1968

Printed in Spain

Depósito Legal: M. 5.616 - 1968

Imp. R. T. Suc. de Vda. de G. Sáez.—Mesón de Paños, 6. Madrid

ЧЕЛОВЕК
Он был...
(Гамлет. Шекспир)

ОТ КОМИССИИ ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ АТАМАНА ГЕН. А. М. КАЛЕДИНА

Идея по увековечению памяти Атамана Каледина существовала с давних пор в среде донских казаков. Два года тому назад в Париже было созвано собрание донских казаков, на котором было решено увековечить память высоко чтимого вождя казачества изданием книги с описанием его жизни и деятельности. Для этого была выбрана специальная комиссия, обратившаяся с просьбой к Н. М. Мельникову, последнему председателю Донского Войскового правительства и одному из последних еще оставшихся в живых сотрудников покойного Атамана, взять на себя труд написать такую книгу.

Для осуществления этого проекта, нужны были средства, и не малые. Призыв Комиссии к русским людям и в первую голову к казакам помочь ей в деле сбора средств не остался без ответа.

Мы просим принять нашу искреннюю благодарность всех тех, кто помог нам в этом отношении и в частности: Казачий Союз во Франции, Обще-Казачий Союз в Сан Франциско, Союз Казаков-комбатантов во Франции, Обще-Казачью станицу в Нью-Иорке, Союз Донских казаков в США, Донскую станицу в Лос Анжелос, Донскую станицу имени Атамана Платова в Патерсоне (США), Донскую станицу имени полк. Чернецова в Фармингдале (США), Донскую станицу имени ген. Красно-

ва в Нью-Иорке, Обще-Казачью национальную станицу в Торонто (Канада), Казачью станицу в Афинах (Греция), Донской казачий хутор в Сан Франциско, Союз донских артиллеристов, группу казаков С. А. Павлова в Вашингтоне, Объединение марковцев, Объединение Атаманского Училища, Общество Михайловского арт. Училища, Объединение партизан-степняков, Отдел партизан чернецовцев-семилетовцев Каз. Союза, Донское Войсковое Объединение, Донской казачий хор С. А. Жарова, а также и всех тех отдельных лиц, которые личными посильными взносами дали нам возможность собрать нужную сумму. Особенно трогательна была помощь тех, кто находится в старческих домах и бюджет которых очень ограничен.

Комиссия благодарит Н. М. Мельникова, блестяще справившегося со своей задачей и давшего яркий образ генерала Каледина, не только как Донского Атамана и идейного вождя всего Казачества, но и как выдающегося полководца — общепризнанного героя 1-ой Мировой войны.

Комиссия также просит принять её искреннюю благодарность всех тех, кто помог присылкой материалов, из которых некоторые лишь теперь впервые появляются в печати.

С выпуском книги **«А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман»** комиссия считает свою работу законченной.

Председатель Комиссии

Б. А. Богаевский.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Недаром многих лет свидетелем Господь меня поставил»...

Из этих многих лет, наполненных богатым содержанием пережитой нами бурной эпохи, особо глубокое впечатление оставили в моей душе молниеносно пролетевшие на Дону восемь месяцев работы в ближайшем окружении А. М. Каледина.

Много тяжелых лет прошло с того времени, и чем дальше, тем больше я чувствовал потребность запечатлеть для будущего чистый образ этого большого человека, совершенно исключительной во всех отношениях силы.

Не надеясь в настоящих трудных условиях на возможность издания, я подготовлял необходимые материалы, чтобы оставить их в Русском Архиве при Колумбийском Университете, чтобы после моей смерти — мне, ведь, уже 85 лет — дать будущему историку нашего смутного времени правильное представление о талантливом военачальнике всероссийского масштаба и идеальном выборном Войсковом Атамане, уже оклеветанном слева и справа.

К счастью, создалась Комиссия по увековечению памяти А. М. Каледина и члены Комиссии — такие же «калединцы», как и я — сделали все, чтобы увековечить память Вождя изданием книги, посвященной его светлой памяти.

На призыв Комиссии отозвались и казаки разных Войск и не казаки, и соратники и не соратники. Многие и многие из тех, кто — военные и не военные — имели возможность выехать с юга России заграницу, многим обязаны тому, кто на Московском Государственном Совещании первый зажег звезду, предуказавшую им для спасения путь на Дон. Туда потянулись и тогда, когда А. М. Каледин и его правительство не признали советской власти...

***

Тело Корнилова сожгли и прах развеяли по ветру... Могилу Каледина уничтожили в Новочеркасске, и жители города указывают на кладбище посетителям место, окаймленное тополями: «Здесь была могила Каледина...»

Советские военные историки и теперь еще, в своих исследованиях о Галицийской битве рекомендующие советскому командному составу изучать методы талантливого вождя 8-ой армии, не называют фамилии этого вождя, которого бывший главком на Юге, Антонов-Овсеенко, именует «главным врагом» коммунистов.

Человек редкой скромности, генерал Каледин никогда и никому, даже жене своей, не говорил о своих подвигах... Начальник штаба 12-ой кавалерийской дивизии рассказывает, что когда он навестил тяжело раненого своего начальника дивизии в госпитале г. Львова и, застав у постели больного Марию Петровну Каледину, стал рассказывать ей, ничего не знавшей, об опасностях и подвигах мужа, А. М. Каледин был видимо доволен тем, что об этом рассказывают другие, но не он сам...

Расскажем и мы о них — хотя бы после его смерти...

***

Считаю своим долгом выразить глубокую благодарность Н. В. Шинкаренко за предоставление в мое распоряжение его воспоминаний и С. Л. Ионина за хлопоты в

связи с пересылкой этих документов, Директора Музея Русской конницы В. П. Дробашевского за присылку хранящихся в Музее материалов, Е. Д. Богаевскую, Н. Н. Туроверова и В. М Горина за их воспоминания, П. П. Прокофьева за сообщение стихов офицера Ахтырского Гусарского полка Ерофеева, К. Р. Поздеева, передавшего в мое распоряжение необходимые для моей работы книги, Е. Е. Ковалева за присылку журнала и за большую работу по наведению целого ряда справок и М. П. Чернявского за сообщение ценных сведений, касающихся А. М. Каледина.

Профессора Н. Н. Воробьева прошу принять особую благодарность за его громадный жертвенный труд по перепечатке в идеальном порядке моих черновиков и за сообщение новых данных, найденных им в США.

Н. М. Мельников.

ЧАСТЬ I

А. М. КАЛЕДИН — ДО РЕВОЛЮЦИИ

Генерал А. М. Каледин

Глава 1-ая

БИОГРАФИЯ А. М. КАЛЕДИНА

Трудно, в эмигрантских условиях, установить с абсолютной точностью родословную Алексея Максимовича Каледина. Сопоставив и проверив сведения из разных источников, можно считать установленным, что прадедом генерала А. М. Каледина был Максим Дмитриевич Каледин, казак станицы Усть-Хопёрской, Усть-Медведицкого округа, имевший двух сыновей, Василия и Семёна, и живший в хуторе Каледине, на реке Цуцкане, в тридцати верстах от станицы.

Дед Атамана, сын Максима Дмитриевича, майор Василий Максимович, был соратником Атамана гр. М. И. Платова — участником Отечественной войны, после окончания которой он вернулся из Франции на Дон в 1815 году инвалидом, потерявшим ногу.

У Василия Максимовича было четыре сына — Максим, Прохор, Емельян и Евграф — и дочь Анна.

Старший сын Василия Максимовича — Максим, участник Севастопольской обороны, после окончания военной службы, вышел в отставку в чине войскового старшины и поселился в станице Усть-Хопёрской, где на Дону у него была водяная мельница. У него было три сына и две дочери: Василий, Алексей и Мелетий, Анна и Александра.

Василий Максимович окончил Усть-Медведицкую

классическую гимназию. Окончивши очевидно (точных указаний нет) Артиллерийское училище, служил в Донской артиллерии, будучи командиром 7-ой Донской казачьей батареи, а затем командовал Донским Артиллерийским дивизионом. Во время Первой Мировой войны командовал 12-м Донским казачьим полком и был награжден* Георгиевским оружием. Во время Гражданской войны генерал-майор В. М. Каледин был Управляющим Отделом Внутренних Дел в Атаманство генерала П. Н. Краснова.

Алексей Максимовоич Каледин родился 12 октября 1861 года в хуторе Каледине, Усть-Хопёрской станицы. Начав образование в Усть-Медведицкой классической гимназии, он перешёл оттуда в Воронежскую военную гимназию, переименованную потом в Михайловский Кадетский корпус, окончил 2-ое Военное Константиновское и Михайловское Артиллерийское Училища. Закончил образование в Николаевской Академии Генерального Штаба по 1-му разряду. А. М. Каледин был женат на гражданке одного из французских кантонов Швейцарии Марии Гранжан — Марии Петровне — прекрасно владевшей русским языком и бывшей большой русской патриоткой. У них был единственный сын, в возрасте 11-12 лет утонувший во время купанья в р. Тузлове. Имени его установить не удалось.

В «Списке генералам по старшинству», составленном по 1-ое июля 1910 года в Санкт-Петербурге, в книге, изданной Главным Штабом, мы читаем:

> Стр. 597 «Генерал-майоры:
>
> КАЛЕДИН, АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ — по армейской кавалерии. Командир 2-й бригады 11 кавалерийской дивизии.
>
> Родился 12 октября 1861 г. Вероисповедания

---

* В своём романе «Тихий Дон» Шолохов, описывая службу Мелехова в 12-ом Дон. каз. полку, упоминает, что «командиром полка был полковник Каледин» — это был Василий Максимович Каледин, брат Атамана. **Н. М.**

православного. Получил образование: Михайловский Воронежский кад. корпус, 2-е Военное Константиновское и Михайловское Артиллерийское училище, Николаевская Академия Ген. штаба по 1 разряду.

Выпущен офицером — в Конно-артиллерийскую батарею Забайкальского Казачьего Войска. На службу вступил: 1 сентября 1879 г. — сотник — 7 августа 1882 г., подъесаул — 10 апреля 1889 г., штабс-капитан ген. штаба — 26 сент. 1889 г., капитан ген. штаба — 21 апреля 1891 г., подполковник — 6 декабря 1895 г., полковник — 6 декабря 1899 г., генерал-майор — 31 мая 1907 г.

Занимал должности: командовал эскадроном 1 год; старший адъютант Штаба 6-й пехотной дивизии 26 ноября 1889 г., обер-офицер для поручений штаба 5-го армейского корпуса 27 апреля 1892 г., помощник старшего адъютанта Штаба Варшавского военного округа 12 октября 1892 г., Старший адъютант Войскового Штаба Войска Донского 14 июля 1895 г., Штаб-офицер при Управлении 64-ой пехотной резервной бригады 5 апреля 1900 г., Начальник Новочеркасского Казачьего Юнкерского Училища—25 июня 1903 г., Помощник Начальника Штаба Войска Донского с 25 августа 1906 г. по 9-е июня 1910 года, Командир 2-й бригады 11-й кавалерийской дивизии 9 июня 1910 года.

Награды: Св. Анны 3-й степени в 1897 г., Св. Станислава 2-й ст. в 1902 г., Св. Владимира 3-й ст. в 1910 г.»

На этом список, составленный и изданный Главным Штабом, обрывался. В дальнейшем, А. М. Каледин, с октября 1912 г. по 16 февраля 1915 г. командовал 12-й кавалерийской дивизией. Тяжело раненый в строю, оставил дивизию; в августе того же 1915 года вернулся в строй и вступил в командование 12-м армейским кор-

пусом с производством в генералы-от-кавалерии, а с апреля 1916 года по 5-е мая 1917 года командовал 8-й армией.

За время блестящего командования 12-й кавал. дивизией, за отличия в делах против неприятеля, генерал Каледин был за бой 26-30 августа 1914 года награждён Георгиевским оружием, за бой на реке Гнилая Липа у деревни Руда — Орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени («Русский Инвалид» № 227 от 12 октября 1914 г.), за бой под Калушем — Орденом Св. Георгия 3-й степени («Русский Инвалид» № 259 от 12 сент. 1915).

18 июня (2 июля) 1917 г. ген. А. М. Каледин был выбран Войсковым Кругом Донским Атаманом.

29 янв. (11 февр.) 1918 г., видя невозможность защищать Дон от натиска большевиков, Атаман Каледин покончил с собой выстрелом в сердце.

Младший брат Алексея Максимовича, Мелетий, родившийся в 1875 году и окончивший Донской Кадетский корпус (в составе 4-го выпуска) в 1893 году и Николаевское Кавалерийское училище в 1895 году, был зачислен 12 августа 1895 г. в Донскую артиллерию. Умер в раннем возрасте вскоре после производства в офицеры — по одним сведениям он застрелился, по другим — разбился, упав с лошади.

Сообщения некоторых из дальних родственников Атамана о существовании еще одного брата А. М. Каледина — по имени Савва, жившего в Сибири, не нашли убедительного подтверждения. С одной стороны сообщающие не знали о существовании Мелетия — и тут могла быть простая ошибка в имени — с другой, из предположения о нахождении одного из братьев Атамана в Сибири, делали вывод-догадку, не по этой ли причине Алексей Максимович выбрал Сибирь при назначении в Забайкальское Казачье Войско. Вернее другое предположение — он предпочёл уехать в глушь, чтобы спокойно подготовиться к поступлению в Академию Генерального Штаба. А. М. Каледин, советовавший всегда своим сотрудникам подходить к решению серьез-

ных вопросов «с холодной головой», сам, очевидно, придерживался этого правила с юных лет.

Сёстры Алексея Максимовича были замужем — Анна, жившая в станице Усть-Хопёрской в доме отца, вышла замуж за Наследышева и её сын Николай был адъютантом Атамана и сопровождал его в поездке в августе и сентябре по Области, а Александра — за казака Торгового Общества мануфактуриста П. Н. Шарапова, жившего в станице Федосеевской.

Глава 2-ая

ХАРАКТЕРИСТИКА А. М. КАЛЕДИНА — ПОЛКОВОДЦА И ЧЕЛОВЕКА

Приступая к характеристике А. М. Каледина, как генерала, касаясь той сферы его деятельности, где свидетелем личным я не был и подробности которой мне стали известны в результате изучения первоисточников — дневников, воспоминаний и записей его боевых соратников, а также отзывов военных историков и писателей — я, по существу ничего не прибавляя и не убавляя, их наблюдения и выводы передам их собственными словами.

Ген. Каледин, как кавалерийский начальник, выдвинулся и о нём заговорила не только армия, но и вся Россия, когда он командовал 12-й кавалерийской дивизией.

История кавалерии — история её начальников...

Подвиги 12-й кавалерийской дивизии, совершённые под блестящим руководством ген. Каледина, описаны его соратниками: начальником штаба дивизии, полк. ген. шт. Э. Г. фон-Валем, Н. В. Шинкаренко, ныне генералом, и ординарцем ротмистром Вл. К. Скачковым, — и я отсылаю читателя к их рассказу, подробно, в самом существенном, помещённому дальше в этой книге, здесь же остановлюсь лишь на том, что ярко характеризует личные качества вождя.

В их рассказе подчёркивается, что еще в мирное время начальник дивизии пользовался в офицерской среде исключительным уважением, солдаты же и казаки инстинктивно чувствовали силу личности Каледина, верили ему и любили его, несмотря на его суровый вид и строгость. Дивизия любила его за храбрость, за постоянные удачи, за его заботы о всех и обо всём и прониклась безграничным доверием после своего боевого крещения 9 августа 1914 года под Тарнополем, где Каледин, как пишет офицер-ординарец, «показал себя образцовым начальником и бесконечно храбрым человеком». Эту храбрость, «удивительное спокойствие» и «мудрое управление» ординарец подчёркивает, описывая бой 17 августа 1914 года под Рудой, когда 12-я дивизия под водительством Каледина блестяще сдала крайне трудный экзамен, в течение дня сдерживая яростный натиск больших масс венгерской пехоты, а на Гнилой Липе, в пешем строю отбивая атаки и удачно маневрируя, дивизия на участке 12-го корпуса **удержала положение всей 8-й армии, бывшей тогда под командованием Брусилова.** За этот подвиг ген. Каледин был награждён орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Здесь, в самую критическую минуту боя, когда страшная угроза нависла над всей армией, начальник дивизии сказал своим ближайшим помощникам: «Умрём здесь все, но ни шагу назад!» И все, от полковника до рядового, знали, что это не поза, не слова — ни позы, ни громких слов, предназначенных для истории, генерал не любил — все знали, что Каледин, если надо, действительно умрёт вместе с ними.

Особенно блестящей была конная атака против пехоты 29 августа под Демней, и за неё ген. Каледин был награждён Георгиевским оружием. Совершенно недюжинные способности ген. Каледин проявил в новой для кавалерии обстановке горной войны — им были применены новые «калединские» тактические приёмы, описанные его соратниками, — здесь, под Головецко-Ломна, 12-й дивизии, выполнявшей «безумное», по выражению полк. фон-Валя, «равносильное посылке дивизии на

убой», приказание командира 24-го корпуса ген. Цурикова, грозила несомненная гибель, — Каледин вывел дивизию из узкого горного дефиле, ярко проявив «гениальность» и «неслыханную» храбрость. В самый критический момент уже готовившейся катастрофы, «Каледин не ложится на землю, как все остальные офицеры», пишет начальник штаба... А «ночью австрийцы снимаются в высоты 830-933 и уходят одновременно с отходом всего фронта их армии. Отважному судьба улыбается. То было незабываемое 28-е октября 1914 года», пишет начальник штаба, полк. фон-Валь.

Целый ряд таких же случаев — у дер. Подгорка, у Кропивника и в других местах — описан его соратниками, ярко рисующими необыкновенное самообладание вождя. В своих, предоставленных в моё распоряжение, нигде не изданных воспоминаниях, ген. Н. В. Шинкаренко (в литературе «Н. Белогорский») пишет: «Каледин — человек храбрый, т. е. умеющий, когда надо, не бояться. Под Рудой, надо сказать, и самому Каледину по биноклю, что он в руках держал, пулей проехало. От себя скажу, что видел его своими глазами под Демней, перед атакой нашей конной; и видел весной 1915 года, когда его раненого на руках принесли. Как перевязывали — тоже видел. И по тому, что видел, скажу, что был он человеком большой храбрости, который себя ни от какой опасности не прятал, а наоборот — шёл ей навстречу. Корнилов был одним из самых храбрых людей в мире и Каледин не менее храбр».

Прекрасный организатор, ген. Каледин на большую высоту поставил в дивизии разведку. Требуя от полков присылки самых лучших офицеров-разведчиков, Каледин с каждым из них лично беседовал и сам диктовал задачу, — всегда определённую, ясную, — и офицер, выезжая с разъездом, точно знал, что при данной обстановке важно установить и что именно он должен сообщить начальнику. Каледин, зная лично особенности каждого, для выполнения той или иной задачи вызывал к себе самого подходящего разведчика. Ближайшие его боевые соратники отмечают гениальное «чутьё» Каледина: давая указания разведчикам, он угадывал и ука-

Командир 12-го армейского корпуса
ген. А. М. Каледин
Ноябрь 1915 г.

зывал именно то в неприятельском расположении, на что нужно было обратить особое внимание, чтобы получить точные ответы на возникавшие у вождя вопросы. Благодаря этому, начальник дивизии был ориентирован в том, что происходило у противника. Распоряжения его по своей обдуманности и ясности были понятны каждому исполнителю. Каждый чин дивизии убеждался, что начальник всё предвидел, всё принял в расчёт, и всякое его распоряжение оправдывалось обстановкой. «Военное чутьё», говорит проф. Академии генерального штаба ген. Н. Н. Головин — «это дар Божий. Оно даёт возможность во время войны провидеть события и угадывать исход боя по ничтожным признакам — часто чисто духовного свойства». Чины дивизии в разговорах между собой выражали удивление дальновидности вождя.

Каледин никогда — ни в качестве начальника дивизии, ни командира корпуса, ни командующего армией — не управлял боем «из халупы», не посылал войска, а сам водил их в бой. Генерал Деникин в «Очерках Русской Смуты» пишет: «В победных реляциях Юго-Западного фронта всё чаще упоминались имена двух кавалерийских начальников — **и только двух** — графа Келлера и Каледина — одинаково храбрых, но совершенно противоположных по характеру: один пылкий, увлекающийся, иногда безрассудный, другой спокойный и упорный. Оба не посылали, а водили войска в бой. В рядах **наступающих** полков Каледин был ранен. Таким же оставался он будучи командиром 12-го корпуса и даже став командующим 8-й армией... за руководство боевыми операциями — ордена Св. Георгия 4-й и 3-й степеней».

Н. В. Шинкаренко записывает: «...Австрийское наступление в своём кульминационном пункте... И уже перед нами, всё верхом, Каледин на верхушке ската с Ахтырским командиром Трингамом... Приказание Каледина — по коням, в атаку на пехоту! Весь Ахтырский гусарский полк и мы — 4-й эскадрон Белгородцев... Солнце... Своя цепь... Чужие... Я не сразу даже сообразил, где австрийцы... И потом эти австрийцы, перед тем наступавшие и

как будто побеждавшие, бегут во всю прыть, от лошадей и от наших пик спасаючись...»

В систему Каледина входило всегда быть при авангарде. Часто со своим штабом он выезжал и в головной отряд, что давало ему возможность раньше противника делать распоряжения и тем навязывать врагу свою волю.

Каледин, как подчёркивает ген. Шинкаренко, имел дар увлекать войска, а кроме дара увлекать еще и способность разглядеть в условиях современной войны то, чего не видят другие, менее видящие — и «по дарованию и по инстинкту природному».

Ген. Деникин подчеркивает, что влияние Каледина достигалось не красноречием — наоборот, как говорит А. И. Деникин, «Каледин не любил и не умел говорить красивых возбуждающих слов, но когда он раза два приехал к моим полкам и посидел на утёсе, обстреливаемом жестоким огнём, спокойно расспрашивая стрелков о ходе боя и интересуясь их действиями, этого было достаточно, чтобы завоевать их доверие и уважение».

«Май 1916 г. застает Каледина в роли Командующего 8-й армией. Приехавши на позиции моей дивизии, он, как всегда угрюмый, тщательно осмотрел боевую линию, не похвалил и не побранил, а уезжая сказал: «Верю, что стрелки прорвут линию». В его устах эта простая фраза имела большой вес и значение для дивизии».

Ген. Н. В. Шинкаренко рассказывает, что когда в критический момент очень тяжёлого боя 3-й Оренбургский казачий полк 12-й дивизии не выдержал и стал в беспорядке отходить, достаточно было прискакавшему Каледину прикрикнуть и приказать вернуться, чтобы полк немедленно исполнил приказ и занял покинутую было позицию.

Декабрьский налёт к Балигроду. От Каледина пошла только бригада, и сам он не пошёл. Сперва успех, а затем бригада, вследствие ловкого манёвра австрийцев, отскакивает сразу на полперехода. Настроение подавленное, впечатление отрезанности... И вот приезжает Каледин, сосредоточенный, не улыбающийся. Я не пом-

нию, было ли в этот день солнце, но для всех, и для улан и для гусар, солнце выглянуло с приездом неулыбчивого Каледина... И снова победа!

10 января 1915 года. Грандиозное наступление австро-германцев распространилось почти на весь Карпатский фронт, захватив и подступы к Лутовиске. Размах и напряжённость боёв всё увеличивались. Будучи тогда лишь начальником дивизии, Каледин тем не менее в этот раз командовал крупным соединением войск — большим, чем армейский корпус: ему были подчинены 61-я пехотная дивизия, части 34-й и 65-й дивизий, «Железная» 4-я стрелковая бригада генерала Деникина. Несмотря на сильное в эти тяжёлые дни недомогание Каледина, сила его таланта полководца не ослабела, как не ослабела и незримая и никогда не обманывающая связь, которая существует между любимым вождём и войсками: войска чувствовали, что вождь силен и уверен и что он победит, — и победа была одержана у Линве, у корчмы «Под Острем», на высоте 673 под Лутовиской. Противник вынужден был отступить, и вся его операция, серьёзно угрожавшая прорывом в направлении на Перемышль, не удалась... Это была заслуга Каледина.

И потом, после Луцкого прорыва, после этой последней большой победы России, на Владимир-Волынском направлении, Каледин продолжал проявлять свою «могучую», как говорит Н. В. Шинкаренко, «военную индивидуальность». И тут он хотел лично видеть атакующие волны и хотел, чтобы волны атакующих войск видели его.

«Редкий случай в этой анонимной войне. Здесь, в сфере настоящей, а не дутой, опасности, Каледин наблюдал за боем и управлял им. Его видели волны штурмующих полков и дрались так, как надо драться». Инициатива и самостоятельность Каледина при принятии им решений подчёркивается и ген. Деникиным, который пишет: «Помню встречу под Самбором, в предгорьях Карпат, в начале октября 1914 года. Моя 4-я стрелковая («Железная». **Н. М.**) бригада вела тяжёлый бой с австрийцами, которые обтекали наш фронт и прорыва-

лись уже долиной Кобло в обход Самбора. Неожиданно на походе встречаю Каледина с 12-й кавалерийской дивизией, получившей от штаба армии приказание **спешно** (подчёркнуто мною **Н. М.**) идти на восток к Дрогобычу. Каледин, узнав о положении, не задумываясь ни минуты перед неисполнением приказа крутого Брусилова, остановил дивизию до другого дня и бросил в бой часть своих сил. По той быстроте, с которой двинулись эскадроны и батареи, видно было, как твёрдо держал их в руках начальник». Попытка прорыва фронта была Калединым ликвидирована — австрийцы вынуждены были отступить.

Соратники отмечают бережное отношение Каледина к жизни человека. Когда несколько совершенно безнадёжных атак на одном из участков были отражены противником и войска понесли огромные потери, а Брусилов требовал всё новых и новых атак, Каледин, получив повторный приказ, приводя его в исполнение, дополнил своими «разъяснениями», которые фактически свели операцию к исправлению линии фронта, тем самым прекратив бессмысленное пролитие крови. У Брусилова была своя система, получившая наименование «Стоход» — полевым способом рвать фортификационную систему врага — система бесчеловечная, крайне кровопролитная и бессмысленная. По свидетельству проф. Е. Месснера (статья в ноябрьском номере журнала «Наши Вести» за 1966 год), огромные потери, как неизбежное следствие этой системы, были так велики, что в военных кругах говорили об «истреблении» армии: за время пяти Стоходных боёв потери одной, 15-й например, пехотной дивизии выразились в 150 % штатного состава. По выражению ген. А. М. Драгомирова, «войска вели не в бой, а на убой». Проф. Месснер заявляет, что командовавший 8-й армией Каледин настойчиво протестовал против бесчеловечной системы и, ввиду неуспеха своих возражений, намеревался даже уйти со своего поста.

Каледин, никогда не думавший о своей личной безопасности, проявлял большую заботу о своих сотрудниках: на позиции перед Исае он под сильным об-

стрелом ходил взад и вперед по окопам, вырытым на гребне перед позицией нашей артиллерии, дальнобойность конных орудий которой не соответствовала расстоянию до батарей противника; на позиции была одинокая хата, в которую забрались и заснули на полу уставшие до последней степени начальник штаба, старший адъютант и два офицера-ординарца. Считая, что избушка послужит целью для тяжёлой артиллерии противника, Каледин лично поднял всех на ноги.

Командир 5-й Донской казачьей батареи, войск. ст. И. Г. Седов, находясь в районе Калуша на наблюдательном пункте и будучи там тяжело ранен, телефонировал на батарею: «Командир батареи ранен, подъесаулу Кострюкову прибыть на наблюдательный пункт». Генерал Каледин, стоявший за деревом шагах в тридцати от Седова, услышал эти слова и спросил: «Кто ранен?» — «Я, Ваше превосходительство!» В ответ послышались ругательства: начальник дивизии, сам не имевший никакого прикрытия и через несколько минут тоже тяжело раненный, негодовал, что командиры батарей не окапываются...

В то время, как на других наших фронтах, в частности в Вост. Пруссии и в Польше, при наших отходах оставались отрезанными и забытыми целые эскадроны, Каледин при отходах 12-й кавалерийской дивизии не забыл и не бросил ни одного разъезда, ни одного человека.

От каждого бойца ген. Каледин требовал бережного отношения к населению, которое — говорил он — мы пришли освобождать и которое ждёт нашего прихода; поэтому он строго-настрого запретил подчинённым всякого рода обиды. При остановках в деревнях вахмистры, исполняя распоряжение Каледина, произносили короткую речь на тему: «Не забижай население», с закреплением для пущей «убедительности» веским крепким словцом. При поездках за фуражом по окрестностям Каледин, для ограждения населения от даровых фуражировок, приказывал выезжать обязательно с офицером, который должен был расплачиваться по стоимости взятого.

Рыцарски относился он и к противнику, особенно к поверженному. Так, когда после боя у дер. Новоселки Опарские 27 августа дивизия ушла на ночлег в эту деревню и после грохота орудий и трескотни винтовок и пулемётов стали в ночной тишине доноситься с поля сражения стоны и крики о помощи тех раненых, которых австрийцы бросили на произвол судьбы, генерал Каледин приказал санитарным командам оказать им помощь. Можно себе представить состояние духа этого гуманного высокой культуры человека, когда он, войдя после одного из боёв в избу, увидел тела трёх австрийских пленных офицеров, буквально плавающие в крови; тут он услышал объяснение крестьянина, что офицеров, на коленях умолявших о пощаде, зарезали всадники Туземной дивизии...

Обладая большим умом, будучи глубоко вдумчивым государственным человеком, Каледин часто задумывался над судьбой России и, взвешивая данные, крупные и самые, казалось бы, мелкие, почти невесомые, недоступные для других, многое предвидел. Ген. Шинкаренко рассказывает о весёлой пирушке на празднике 1-го эскадрона Белгородского полка, когда «еще не все победы оставались позади, ни одна надежда еще не была изжита, и ни грусти, ни стыду не приходилось еще спускаться на полки. Уже прошли все обязательные тосты, такие неизбежные и такие приятные. Прошла и официальная чара за начальника дивизии и он отвечал — тоже официально. А потом, когда столовая была полна весёлым шумом, Каледин захотел говорить еще раз — неофициально. Настала тишина, новая, но домашняя, неофициальная.

Каледин заговорил, не улыбаясь, серьёзный, как всегда, — больше, чем всегда... И то, что он говорил своим ровным медленным голосом, с большими паузами, было так же неулыбчиво и серьёзно. И, сверх того, необычно... Он говорил офицерам про то, что война еще далека до конца, что она еще только начинается. Говорил про то, что главная тягота её еще впереди, впереди бои бесконечно более тяжёлые, чем те, которые прошли, потери более кровавые, чем уже понесённые, и

многих из тех, что сейчас сидят в этой халупе, не станет...

Говорил про войну и еще про что-то смутное, чего он сам **не мог** точно **назвать** (очевидно, как начальник дивизии, не считал тогда возможным ставить точки над «I». **Н. М.)** и чего мы не могли в то время понять.

Каледин говорил, и чувствовалось, что он не знает — заслужит ли победы Россия, заслужит ли её армия. Более того: что-то неуловимое, казалось, говорило о том, что **он знает** обратное, что отлетит победа и надвинется на тех, кто не будет к тому времени зарыт в Галицийскую землю, нечто страшное и бесформенное.

В окно смотрел бессолнечный ноябрьский день, и казалось, его сероватый свет заглянул с неулыбчивыми словами генерала в души слушателей. А было это в ту пору, когда впереди чудились только победы. Но он, Каледин, видел лучше и знал то, чего другие не знали».

Предупреждал он, как о том свидетельствует Ян. П. Богаевский, о возможности грядущих потрясений и необходимости для казаков быть ко всему готовыми; это было во время посещения Войсковым Атаманом, вскоре после Московского Государственного Совещания, окружной станицы Каменской, где Атаман произнёс большую речь на эту тему.

Когда Донская делегация, посылавшаяся Донским Войском на Московское Государственное Совещание в составе Председателя Войскового Круга, автора этих строк, члена Войскового Правительства есаула М. Е. Генералова и депутата Войскового Круга А. П. Попова (все казаки Второго Донского округа), возвращалась в Новочеркасск, Алексей Максимович Каледин, приглашённый Временным Правительством на Государственное Совещание в порядке персональном, просил нас задержаться в Москве еще на один день и возвратиться на Дон вместе с ним в его Атаманском вагоне, где мы сможем без помехи обменяться своими впечатлениями. Мы, конечно, с радостью согласились. Во время этого пути в откровенной беседе было затронуто много крупных

наболевших вопросов, всех нас волновавших, причём Алексей Максимович, предвидя мрачное будущее, которое ждёт Родину, подчёркивал срочную необходимость организовать Юго-Восточный Союз, считая, что спасение и оздоровление может прийти с более здоровых, чем центр, окраин.

Глава 3-ья

А. М. КАЛЕДИН, КАК ВОЕНАЧАЛЬНИК И СТРАТЕГ

Как начальник кавалерийский, ген. Каледин особенно выдвинулся и о нем заговорила не только русская армия, но и вся Россия, когда он командовал 12-ой кавалерийской дивизией *, которая под его командованием неизменно проявляла самую высокую доблесть,

---

* Состав 12-ой кав. дивизии: начальник дивизии — генерал-майор А. М. Каледин, начальник штаба — ген. штаба полк. Э. Г. фон Валь.

1-ая бригада: командир бригады ген. м. Кузьмин-Караваев. 12-ый Стародубовский драгунский полк, командир — полк. Хочетуров, 12-ый Белгородский уланский полк, командир — полк. Тусский.

2-ая бригада: командир бригады — врем. исп. должность полк. Жуков. 12-ый Ахтырский гусарский полк, командир полка — полк. Трингам, 3-ий Оренбургский казачий полк, командир полка — полк. Жуков.

2-ой Донской казачий артиллерийский дивизион, командир — полк. Я. И. Антонов, 4-ая Дон. каз. батарея, командир — войск. старш. Л. М. Крюков, 5-ая Дон. каз. батарея, командир — войск. старш. И. Г. Седов.

В авг. 1914 г. к 12-ой кав. дивизии была прикомандирована Туркестанская конно-горная батарея. Командир — полк. А. Богалдин.

проникая в глубокий тыл противника, охватывая фланги его армий, выполняя по заданиям своего вождя крупные стратегические задачи. Проникая вглубь расположения противника, застигнутого Калединым обычно врасплох, дивизия производила и конные атаки и сражаясь наравне с пехотой, применяя Калединскую тактику наступления даже при задачах оборонительных.

Я уже писал в предыдущей главе, какое внимание Каледин обращал на разведку. Во всех полках 12-ой кав, дивизии имелись офицеры, зарекомендовавшие себя, как отважные разведчики и как выдающиеся начальники разъездов, на точность донесений которых Каледин мог положиться. Он знал их всех лично, знал особенности каждаго и выбирал из них самого подходящего для выполнения той или иной задачи.

В совершенстве зная военное дело, Каледин, как человек долга, всего себя, все мысли свои и всё своё время, отдавал взятым на себя обязанностям.

Им были выработаны «калединские» тактические приёмы — в частности, при отступлении кавалерии в горах перед массами пехоты противника. Достаточно было незначительной пехотной части противника с пулемётами опередить по параллельной дороге или по недоступной для кавалерии тропинке колонну конницы, идущую в горном дефиле, и выйти на командующий гребень, чтобы унитожить её, — и Каледин выдвигал по главному пути части, которые на ближайших перекрёстках заворачивали в сторону и оставались тут в виде заслона до тех пор, пока не пройдёт вся колонна. **Ни одна тропинка не оставалась неизученной.**

Донесения Каледина высшему начальству всегда точно соответствовали действительности, чем он отличался от многих других начальников.

Распоряжения его по своей обдуманности и ясности были понятны каждому исполнителю. Каждый чин дивизии убеждался, что начальник дивизии всё предвидел, всё принял в расчёт, и всякое его распоряжение оправдывалось обстановкой.

Разговаривая между собой, чины дивизии выражали удивление дальновидности Каледина. В то же время, это было для всех беспрерывными уроками войны.

Соратники Каледина и военные историки отмечают быстроту принятия им стратегических решений.

В его систему входило всегда быть при авангарде. Часто со своим штабом он выезжал и в головной отряд, что давало ему возможность раньше противника делать распоряжения и навязывать врагу свою волю.

В своей книге, часто здесь мною дословно цитируемой, «Кавалерийские обходы ген. Каледина 1914-1915 гг.», Э. Г. фон-Валь, бывший при Каледине начальником штаба 12-ой кавалерийской дивизии, подробно рассказывает о битве в районе Исае-Мольна-Кропивник. 12-ая кавалерийская дивизия, окружённая, оказалась в «мешке». Оставалась еще некоторая возможность немедленного ухода на Дзианикну, но Каледин приказал держаться и принять атаку противника, наступавшего широким фронтом.

После жестокого боя 12 октября, Каледин, не приказывая сниматься, выехал на горку к западу от Исае, чтобы оттуда руководить дальнейшим боем. Рассчитывал ли он на неспособность австрийцев преодолеть геройские части его дивизии или же, не имея выхода, решил погибнуть? Уже с утра с обоих боевых участков от командиров полков Кульжинского и Матковского получены были донесения, что части не могут держаться и их отход неминуем, но Каледин категорически требует сохранения положения... Он выезжает к выезду из деревни Исае и **ждёт, чтобы последний всадник прошёл назад до него.** Начальник штаба подъезжает к Каледину и просит его стать с ординарцами за дом, так как он на виду у подбегающих австрийцев, которые выкатывают орудия на только что оставленном Ахтырцами участке, — Каледин остаётся на месте... В ту же минуту шрапнели рвутся над его головой... Лошади бросаются в стороны... Ахтырцы проскочили!.. И Каледин шагом едет за дивизией, вытянувшейся на Турже.

Дорога была почти непроходима, местами были

сплошные озёра с вязким дном. Лошади поверх спины погружались в жидкую грязь, путаясь ногами на дне в каких-то препятствиях, горные орудия исчезали в воде... Никто из участников этого движения никогда не испытывал чего-либо подобного... Ужасы этого перехода неописуемы... Манёвр Каледина вызвал переполох у австрийцев, расстроил их план и заставил принять контр-меры, крайне для них невыгодные. Обход на Борислав, предпринятый австрийцами для отвлечения наших войск с фронта, был отражён, и значительные силы, столь нужные им на своём фронте, были привлечены впустую на расположение конного отряда, который, задержав противника и введя его в заблуждение, сам благополучно ушёл.

Первая половина этой удачи была достигнута благодаря блестящим способностям и неслыханной смелости Каледина, благополучным же уходом дивизии при фланговом отходе от Исае, когда войска, связанные барахтавшимися в болоте лошадьми, по пояс или по горло в грязи помогая вытаскивать орудия, при отсутствии пространства, чтобы принять боевой порядок, не могли оказать сопротивление, дивизия обязана нерешительности противника вследствие переполоха, вызванного действиями того же Каледина.

«Отважному судьба улыбается» — заключает фон-Валь — «слава Каледина понеслась по всей армии, по всей России... а крест Георгиевский получил Цуриков...»

***

Кстати, об этом генерале Цурикове... 27 августа 1914 г. 24-ый корпус, которым командовал Цуриков, потерпел полное поражение в бою под Демния. Чтобы спасти положение, генерал Каледин, не бывший тогда в подчинении у Цурикова, бросил конницу во фронтальную атаку на австрийскую пехоту и 12-ая кавалерийская дивизия, проявив высшую доблесть, исполнила, как всегда, свой долг. Положение было восстановлено, но и это не наложило отпечатка славы на имя генерала Каледи-

на из-за враждебного отношения к нему начальника штаба 8-ой армии, полковника Кульжинского.

Гениальность Каледина ярко проявилась, когда он попал под власть командира 24-го корпуса ген. Цурикова, дававшего Каледину явно невыполнимые задачи. Так, во время движения в направлении Старый Самбор-Турка, Каледин неожиданно получил от Цурикова приказание идти на Головецко с тем, чтобы совместно с двумя батальонами под командой генерала Катовича, который подчинялся Каледину, пройти через узкое горное дефиле Головецко-Ломна, в тыл австрийской позиции на высоте к северу от Ломна-Жукотин-Турка. Такое поручение кавалерии, а не пехоте, **было равносильно посылке дивизии на убой.** Каледин, взглянув на карту, так и оценил положение. Приходилось исполнить безумное приказание начальника, не считающегося с пользой дела, а руководствующегося соображениями иного порядка — пишет фон-Валь. Придя к ночи в Головецко, Каледин изучил донесения от разъездов о том, что дорога на Ломну пролегает между отвесными скалами, а на перекрёстке у этого пункта крутая гора, закрывающая выход из гор. Движение в гору в тыл противника на высоте 830-875-933 для лошадей было невозможно из за-крутых скатов.

Когда дивизия, выступив в поход до рассвета, около 10 часов вышла из ущелья между крутых гор, немедленно начался обстрел её слева, справа и с фронта. Снаряды рвались над авангардом так, что они перекрещивались под углом 180° и 90°. Стародубовский драгунский полк был спешен и Каледин приказал ему занять гору на перекрёстке у Ломна.

Через выход шириной в 4 сажени вытягивалась дивизия — через него же она должна была и уйти, как через единственную точку, выводящую из мешка. С потерей этой горы отряд запирался... Каледин приказал командиру полка умирать с полком, но не уходить... Гора, однако, оказалась настолько крутой, что взобраться на неё драгуны не могли. Тем временем остальные полки и пехота спешно выдвигались вперед. Пехота вырыла окопы и открыла огонь в тыл австрийской по-

зиции 830-933. В это врмя прискакал ординарец с донесением о том, что австрийцы ведут наступление цепями с востока и под прямым углом с юго-запада, т. е. в тыл пехоты Катовича и фронтом на наши конные части.

Каледин с начальником штаба садятся на коней, чтобы поскакать на фронт, обращённый к юго-западу. Иначе, как через мост, выехать в этом месте нельзя. Нужно проскочить между двумя очередями шрапнелей.

Лошади пускаются вскачь, но в то время, когда Каледин подскакивает к перекрёстку, над его головой рвётся шрапнель, его лошадь падает на колени и он вылетает из седла на её шею, а сзади наскакивает начальник штаба. Через мгновение Каледин однако в седле и скачет дальше.

Только начальник штаба успел приблизиться к югозападному фронту, как подлетает ординарец от Стародубовского полка с известием, что большие цепи австрийцев безостановочно двигаются с четвёртой стороны на Ломна и что Стародубовцы не могут держаться.

До темноты еще два часа... Дотянуть до темноты, чтобы уйти, кажется невозможным...

Ключ нашего расположения у Ломна — туда и бросается теперь Каледин. Уже издали виден ураганный артиллерийский огонь, направленный на выход из дефиле. Десяток снарядов рвётся ежесекундно. Одновременно трещат пулемёты и идёт ружейная стрельба.

В этот раз австрийцы верно оценили обстановку и направляют главный удар в слабое место.

Каледин приказывает умирать на месте, не отступая ни на шаг... Положение безнадёжное, так как наступают густые цепи на спешенных стародубовцев.

Стоя за забором из тонких досок, Каледин смотрит через него на готовящуюся катастрофу. Пули пробивают доски и превращают забор в щепки. Каледин не ложится на землю, как остальные офицеры, не отходит за постройку. Кажется, что он ждёт от судьбы, чтобы она освободила его от дальнейшего... Он диктует начальнику штаба приказание для отхода дивизии с наступлением темноты...

Темнота, наконец, наступает раньше, чем Стародубовцы, сбитые в кучу, смяты окончательно...

Каледин выходит на шоссе, где проскакивают назад наши части; пули барабанят по телефонным столбам. Вот уже некоторые части исчезли в дефиле... **Последним уходит Каледин.**

Пехота задерживается на высотах.

Ночью австрийцы снимаются с высоты 830-933 и уходят одновременно с отходом всего фронта их армии...

То было незабываемое 28-ое октября 1914 года.

Об этом же сражении рассказывает командир 5-й Донской батареи войск. ст. И. Г. Седов, кавалер Георгиевского оружия: «Когда 12 дивизия вытеснила противника из Борислава, пришло приказание идти на Сходницу-Исае-Турка. Деревни Кропивник, Магура, Исае, расположенные на дорогах, ведущих в горы, были заняты противником...

Я сейчас не представляю себе, как чувствовал себя тогда Каледин... Только его гений и его воля могли дать ему возможность пройти с боем все эти деревни в горах, где кавалерия не могла развернуться. У дер. Исае целый день пришлось бороться с подавляющими силами противника, наседавшего из Турка и забрасывавшего нас тяжёлыми снарядами. Тяжёлое положение создалось у горы около Ломна. Стародубовцы не могли держаться... На место прискакал Каледин, восстановил положение и приказал умирать, но не уходить с позиции.

С наступлением темноты под прикрытием Стародубовцев... дивизия вышла из дефиле.»

* * *

По дороге в деревню Подгорка — рассказывает начальник штаба 12-ой кавалерийской дивизии Каледина — встретил Каледина начальник разъезда, предварительно посланного к реке Быстрице, и доложил генералу, что дальше ему ехать по шоссе невозможно: шоссе обстреливалось как с фронта, так и с правого фланга.

Как и обычно, следуя раз принятому решению, Каледин продолжал свой путь до крайней избы деревни Подгорка, расположенной на самом берегу узкой реки. Под градом пуль он слез с лошади на глазах австрийцев, лежавших в траншеях на противоположном берегу. Начальник штаба добился разрешения отослать лошадей назад за мост, находившийся в 300-500 шагах под огнём артиллерии, отлично к нему пристрелявшейся — обратный переезд верхом не рекомендовался...

После этого Каледин вошёл в избу и начал переговоры по полевому телефону. Чины штаба стояли в дверях избы, выводящих назад, в ожидании неизбежных последствий такого риска.

Противник, увидев с расстояния всего лишь нескольких сот шагов всё это, а также и подъезжающих с донесениями ординарцев, догадался, что в избе находится группа начальников и направил на неё артиллерийский огонь. Пристреляться к избе на таком расстоянии было недолго: после нескольких перелётов шрапнели попали в соломенную крышу, части которой полетели на голову чинам штаба. Каледин, продолжавший разговор и после того, как граната оторвала угол избы, наконец появился в дверях и, разговаривая с начальником штаба, вышел на шоссе там, где оно спускается к реке. Всё живое давно исчезло с этого места. Рядом, в крестьянском дворе за избами лежали раненые гусары; прислонённый к стене, в судорогах корчился контуженный барон Черкасов; на ступеньках избы, обращённой тылом к реке, сидела группа уцелевших офицеров в ожидании приказаний.

Постояв несколько минут под пулями для осмотра другого берега, Каледин медленным шагом пошёл по шоссе к мосту, приказав гусарам, которым тут нечего было делать, отойти. В это время командир конного дивизиона полковник Антонов приехал за приказаниями — что делать вызванной батарее. Каледин приказал сняться по ту сторону моста и открыть огонь. На обратном пути через мост Антонов был ранен шрапнелью. Чины штаба установили очредь для переезда через мост,

чтобы не попасть под разрыв всем одновременно. Каледин перешёл первым.

В то мгновение, когда прошли последние чины, шалаш по ту сторону, в котором они ждали, взлетел на воздух.

Фон-Валь отмечает целый ряд случаев, подобных тому, какой был на позиции около важного перекрёстка Кропивник: цепь спешенных улан шла в контр-наступление. Наблюдая за развитием движения, начальник штаба стал за правым откосом холма, прислонившись к нему, а Каледин стал по левую сторону узкой дороги, ведущей на южный берег Стрыя. Песок осыпался на местах падения пуль. В то мгновение, когда фон-Валь обернулся к Каледину, две пули одновременно ударили в песок — одна на ½ дюйма перед грудью Каледина, другая в таком же расстоянии за его спиной. На просьбу перейти по другую сторону, откуда столь же удобно было наблюдать, Каледин не ответил, а лишь поморщился, оставаясь на месте. Зрителей тут не было — пишет фон-Валь — и о пользе от подобного риска в смысле подъёма духа войск не могло быть и речи.

Горсть спешенных улан — около 70 человек — в этот раз взяли в плен остаток двух батальонов — около 1000 человек — перебив остальных, по шести улан на каждые сто пленных.

***

Просматривая новый французский военный регламент (устав) 1966 года, я пришел к заключению, что по своему развитию, своим взглядам, наш гениальный полководец генерал Каледин уже полвека назад был недалек от того типа идеального вождя, которого мечтает создать генерал дэ Голль.

Учитывая, что в условиях будущей тоталитарной войны, когда рядовые бойцы и их ближайшие начальники, а также и специалисты-техники, силою вещей окажутся рассеянными и разбросанными, часто предоставленными себе самим, не видя и не слыша голоса своего

командующего, ведшего раньше компактные «когорты» с прекрасными кадрами, на вождя будущей войны регламентом возлагается обязанность все обдумать, все учесть и заботиться о «рентабельности» предстоящей операции, за которую вождь несет ответственность.

Если операция будет стоить слишком дорого по расходу человеческих жизней и материала, операцию нужно считать неудачной.

От командующего регламент дэ Голля требует не только высокой ценности профессиональной, но и интеллектуальной, моральной и человечной-гуманной.

Вспоминается протест генерала Каледина против Брусиловской системы «Стоход»...

«Самой высокой славы» — говорит новый регламент — «заслуживает полководец, достигающий больших и решающих результатов с наименьшими потерями».

Глава 4-ая

А. М. КАЛЕДИН — КОМАНДУЮЩИЙ 8-ой АРМИЕЙ. ЛУЦКИЙ ПРОРЫВ

В предыдущем обзоре боевой деятельности ген. А. М. Каледина, когда он стоял во главе прославленной 12-ой кавалерийской дивизии, ярко выступают выдающиеся качества этого талантливого кавалерийского начальника, выдвинувшие его в первые ряды героев 1-ой мировой войны.

Главные же подвиги, создавшие ему мировую славу, как первоклассного тактика и стратега, вписали имя Каледина на страницы не только русской, но и иностранной военной истории.

Советский военный историк полк. Рождественский отмечает: «весь 1916 год на всех многочисленных фронтах мировой войны в той или иной форме проходил под знаком результатов победоносного наступления Юго-Западного фронта», т. е., главным образом, наступления 8-ой армии ген. Каледина, прорвавшей австро-венгерский фронт в направлении на г. Луцк.

Большевистская революция 1917 г. и последовавшие за ней события в России и заграницей явились причиной того, что только военные историки знают и изучают до сих пор все подробности этого подвига. Своим подвигом ген. Каледин, не только военный герой, но и

идейный вождь всего Казачества, наша гордость и слава, прославил не одного себя, но и породившее его Казачество. Вот почему я считаю необходимым, ничего не убавляя и не прибавляя, привести здесь все подробности, касающиеся Луцкого прорыва, как они установлены компетентными военными историками. Казаки должны это знать, и всё это должно оставить след в нашей казачьей литературе.

После неудачных попыток наступления в декабре 1915 года, в марте 1916 года на фронте русской армии наступил период войны позиционной. Фронт её, от Рижского залива у Риги, западнее Двинска, через Полесье восточнее Пинска, мимо Дубно и Тарнополя до русско-румынской границы, протянулся на 1200 километров. За время тяжёлой кампании 1915 года армия, сильно пострадавшая, надломленная, не была, однако, разбита, не была выведена из строя. Наступившая пассивность армии была переоценена противником, и австро-германцы, считая, что руки их теперь развязаны на Восточном фронте, все свои усилия направили против Франции и Италии.

В Феврале 1916 года началась Верденская операция, которая — по мысли ген. Фалькенгайна, начальника германского генерального штаба — должна была стать «жерновом, который должен был перемолоть французскую армию» путём постепенного систематического уничтожения всех резервов материальных средств и живой силы союзников, накопленных в течение передышки, которую летом и осенью 1915 года своей кровью и потерей большой территории им обеспечила русская армия.

Австро-венгерское командование, в свою очередь, — и, как потом выяснилось, по секрету от своего союзника — подготовило план решительной операции против итальянцев, и 19 мая 1-ая итальянская армия на левом фланге итальянского фронта в Трентино была атакована большими отборными силами австрийцев. Итальянская армия понесла крупные потери. Австрийцы захватили 150 орудий и свыше 30.000 пленных.

Верденская операция и наступление австрийцев в Трентино спутали планы Антанты, которая, учитывая развёртывание английской армии и усиливавшееся обострение отношений между Германией и Соединенными Штатами Северной Америки, а также ряд признаков возможного перехода Румынии на сторону союзников, намеревалась в 1916 году окончательно сломить мощь германской армии. По постановлению совещания союзных представителей при французской главной квартире 14 февраля 1916 г. решено было общее наступление всех союзных армий начать в мае 1916 г., но вследствие огромных потерь, понесённых французами под Верденом, и колоссального расхода снарядов, начало наступления было отсрочено, причём для русского фронта оно было назначено на 5 июня. Вскоре, однако, пришлось переменить и эту дату, на этот раз уже в сторону ускорения: поражение итальянцев у Трентино приняло такие размеры, что и генерал Жоффр и русское высшее командование были засыпаны оттуда не только настойчивыми просьбами, но и требованиями о немедленном переходе русской армии Юго-Западного фронта в наступление с угрозой, в случае промедления, выйти из войны путём заключения сепаратного мира с Германией. Несмотря на недостаточную подготовленность, русское командование вынуждено было согласиться на ускорение наступления. И тогда — пишет ген. Фалькенгайн — «4 июня в Галиции, как гром с ясного неба, разразилась беда. Уже 5 июня со стороны австрийцев последовал в немецкую главную квартиру настоятельнейший зов о помощи». Австро-венгерское командование было застигнуто врасплох: в тот день, когда русская артиллерия открыла огонь по всему фронту противника для подготовки наступления, в австрийской главной квартире торжественно праздновали победу на итальянском фронте и день рождения эрцгерцога Фердинанда. На следующий день главная квартира была засыпана паническими телеграммами с фронта, а с 7 июня и к немцам стали поступать телеграммы о необходимости немедленной поддержки. Первый результат операций рус-

ской армии на Юго-Западном фронте: наступление противника в Италии было немедленно остановлено и Италия была спасена от разгрома, а в дальнейшем мы увидим, что операция эта оказала громадное влияние на ход событий не только на всём Восточном фронте, но и на фронте всей мировой войны.

Юго-Западный фронт располагал четырьмя армиями — 7-ой, 8-ой, 9-ой и 11-ой в составе 18 армейских и 4 кавалерийских корпусов (40 пехотных и 14 кавалерийских дивизий) — от Пинских болот до румынской границы. Боевой состав насчитывал до 630 батальонов, 600.000 активных винтовок и 1980 орудий, из них тяжёлых только 168. Противник, по австрийским данным, перед армиями Юго-Западного фронта имел около 625 батальонов, до 620.000 бойцов, вооружённых винтовками, и 2859 орудий, входящих в группу армий германского генерала Линзингена, состоявшую из трёх групп и одной армии, и в группу австро-венгерских армий генерала Бем-Ермолли (две армии); кроме того, на правом фланге австрийских армий располагались Южная и 7-ая Отдельная армии. Ни о каком решительном численном превосходстве русских армий на этом фронте не могло быть и речи, и они значительно уступали австрийцам в отношении артиллерийских орудий, в особенности тяжёлых, и ружейных патронов. В большинстве случаев позиции русских были хуже в смысле использования местности и организации огня.

14 апреля 1916 г. в Могилёве, в Ставке Верховного Главнокомандующего, состоялось совещание главнокомандующих фронтами для выработки плана кампании, на котором было решено «тревожа противника на всём протяжении своего расположения, главную атаку произвести войсками 8-ой армии в общем направлении на Луцк». Юго-Западный фронт должен был начать наступление первым, раньше Западного, 4-го июня.

На съезде командующих армиями фронта, состоявшемся 18 апреля в Волочинске, были обсуждены вопросы, связанные с переходом в наступление, и приняты решения, оформленные в директиве фронту за № 311 от

20 апреля. Главный удар должна была нанести 8-ая армия генерала Каледина на фронте Дубище-Корыто, протяжением около 22 километров, тремя корпусами — 39-ым, 40-ым и 8-ым. Развитие прорыва 8-ой армии предполагалось произвести 4-м конным корпусом в составе 7-ой кавалерийской и 3-ей кавказской казачьей дивизии, усиленной 77-ой пехотной дивизией, в общем направлении на Ковель.

Тщательная артиллерийская и инженерная подготовка потребовала около месяца. Артиллерийская заключалась, главным образом, в выборе артиллерийских позиций возможно ближе к переднему краю противника и поорудийной пристрелке, а инженерная — в улучшении позиций, занимаемых войсками, постройке укрытий для резервов в виде щелей, лисьих нор и блиндажей недалеко от первой линии окопов и в создании плацдармов для атаки в непосредственной близости от окопов противника. Внезапность атаки была полностью обеспечена.

В этот момент 8-ая армия состояла из 8-го, 30-го, 32-го, 39-го и 40-го армейских и 5-го конного корпусов, имея в своём составе 196 батальонов, 96 эскадронов и 581 орудие. Кроме того, она усиливалась 46-ым армейским корпусом, 12-ой кавалерийской дивизией и 24-мя орудиями тяжёлой артиллерийской бригады.

Силы австро-германцев (4-ой австрийской армии и австро-германской группы ген. Линзингена), находившиеся перед фронтом 8-ой армии, насчитывали 151 батальон и 549 орудий. 8-ая армия превосходила противника всего лишь на 45 батальонов и несколько десятков орудий, но уступала в числе гаубиц и тяжёлых орудий, которых противник имел на 60 орудий больше. Учитывая условия местности, генерал Каледин наметил нанесение главного удара в общем направлении на Луцк на участке Носовичи-Корыто, считая его наиболее доступным и выгодным для наилучшего использования артиллерии и для действий крупных войсковых соединений. Кроме того, развитие успеха на этом именно участке в направлении Луцка перехватывало пути отхода противника к переправам через реку Стырь.

Ближайшей целью ген. Каледин (нужно отметить, что Главнокомандующий фронтом ген. Брусилов вообще всем командующим армиями предоставлял широкую инициативу, когда считал, что они не уклоняются от основной идеи) поставил: прорвав укреплённые позиции противника, выйти на линию фронта Ставок-Дерно-Заболотна-Корыто на глубину около двух километров и там закрепиться. На участке прорыва атаковать должны были: 39-ый корпус Дубище-Дидичи (около 7 километров), 40-ой корпус на фронте Дидичи-Носовичи (коло 8 километров) и на левом фланге 8-ой корпус Носовичи-Корыто (около 10 километров). На 1 км. фронта главного удара приходилось в среднем 4 батальона и от 12 до 15 орудий, причём 8-ой корпус, наносивший главный удар, имел на фронте в 10 километров 48 батальонов, 90 лёгких орудий, 36 гаубиц и 8 сорокадвухлинейных пушек. Этим было достигнуто более чем двойное превосходство над противником, который на участке главного удара имел всего 52 батальона. Для обеспечения главного удара справа и слева расположилась группа ген. Зайончковского — справа в составе 30-го армейского и 5-го конного корпусов, а слева — 32-го армейского корпуса. Кроме того, в подчинение командующего 8-ой армией перешёл из 3-ей армии Западного фронта 4-ый конный корпус. В резерве были оставлены 2-ая финляндская дивизия и 7-ая и 12-ая кавалерийские дивизии, намечавшиеся для развития успеха на главном направлении.

Четвёртого июня, с рассветом, по всему фронту 8-ой армии началась артиллерийская подготовка для разрушения окопов в первой полосе австро-германских позиций. К 12 часам почти во всех корпусах были значительно разрушены окопы первой линии и полностью закончено проделывание проходов в проволочных заграждениях. Была разрушена и часть окопов второй линии. До конца дня артиллерия вела методический огонь с целью не дать противнику восстановить разрушенное, К вечеру 4 июня разрушения достигли такой степени, что в некоторых местах противник вынужден был бросить свои окопы, оставив там только охранение, и ото-

шёл на вторую линию, а разведчики и гренадеры подошли на широком фронте к окопам и продолжали подрыв и расчистку заграждений. Только в соседней группе ген. Зайончковского артиллерийская подготовка, вследствие отсутствия тяжёлой артиллерии, оказалась неудачной, а между тем эта группа, по замыслу ген. Каледина, должна была начать атаку на день раньше, чтобы приковать к себе австро-германские резервы, поэтому, когда в 17 часов 5 июня пехота 30-го корпуса 8-ой армии бросилась на штурм окопов в районе Черныж, она встретила сильное сопротивление огнём и только в немногих местах смогла преодолеть проволоку. 30-ый корпус в этот день потерял около 2.000 человек. В остальных корпусах общий штурм был назначен только на утро 6 июня.

В течение всей ночи лёгкая артиллерия вела редкий шрапнельный огонь, мешая противнику производить исправления. Стрельба велась при помощи прожекторов, а пехота ударных корпусов занимала исходное положение для атаки по намеченному плану.

5-го июня, с рассветом, артиллерийская подготовка возобновилась с прежней силой и, после нескольких ложных переносов огня, около 9 часов под прикрытием пыльно-дымовой артиллерийской завесы пехота бросилась в атаку. Через 15-20 минут почти на всём фронте атакующие овладели первой линией окопов, но дальнейшее продвижение встретило упорное сопротивление. Ожесточённые контр-атаки противника целый день отражались введёнными в дело резервами 102-ой дивизии, но к вечеру противник, не выдержав настойчивых повторных атак, оставил на участке Ставок-Дерно всю первую полосу укреплений и начал отход, продолжая удерживать позиции на участке Богуславка-Дубище перед 125-ой пехотной дивизией.

Атака пехоты 40-го корпуса была еще более успешной. Хорошо сопровождаемые артиллерийским огнём, полки 2-ой стрелковой дивизии и 15-ый стрелковый полк одним броском овладели 1-ой и 2-ой линиями окопов на участке Дидичи-Жарнище. Заградительный огонь противника запоздал, и масса защитников была захва-

чена в плен в убежищах второй линии окопов, 5-ый же полк 2-ой стрелковой дивизии захватил участок с командующей высотой 113, 0 в 3-ей линии окопов. Упорные бои за эту линию продолжались в течение целого дня, и только после третьей атаки, 15-му стрелковому полку, понёсшему большие потери, удалось овладеть участком. В итоге, к вечеру не только были захвачены все три линии окопов, но и вся укреплённая линия противника на фронте от Дерно до Носовичи оказалась в руках 8-ой армии. 2-ая австрийская и 13-ая венгерская дивизии были разгромлены и остатки их начали отходить в западном направлении.

За первый же день атаки 40-ой корпус захватил 34 орудия, 47 пулемётов и пленными 254 офицера и 6.386 солдат; но и он потерял ранеными и убитыми около 70 офицеров и около 6.000 солдат. 8-ой корпус, захватив к 10 часам первую линию окопов, в течение всего дня ожесточённо боролся за вторую линию, отражая контратаки противника, и овладел ею лишь к вечеру. Противник, потеряв пленными 48 офицеров и 2.464 солдата и большое число ранеными и убитыми, отошёл к 3-ей линии окопов.

Почти 26-часовая артиллерийская подготовка и напряжённые атаки в течение одного дня привели к блестящему успеху 8-ой армии: была преодолена и захвачена первая полоса обороны австрийцев, потерявших более 10.000 пленных, массу орудий и пулемётов. Устойчивость сопротивления 4-ой австро-венгерской армии была сломлена, и она начала отходить на Луцком направлении.

На 6 июня ген. Каледин приказом по армии предписал корпусам ударной группы продолжать выполнение поставленных им задач, а левофланговым 8-ому и 32-му корпусам напрячь все силы для энергичного наступления. 12-ая кавалерийская дивизия была передвинута в район Метельно-Летчаны ближе к 8-му корпусу.

Несмотря на сильные дожди, наступление успешно продолжалось. 39-ый корпус за день боя продвинулся в среднем на 5-6 км. С 12 часов началось наступление 125-ой дивизии, встретившее сильное сопротивление ав-

стрийцев, для преодоления которого начальник 102-ой дивизии ген. Микулин бросил во фланг австрийцам первую бригаду, которая, смяв неожиданным ударом фланг противника и захватив пленных и орудия, заставила австрийцев поспешно отступить, и в результате 125-ая пехотная дивизия к вечеру 6 июня вышла на линию Сильно-Вулька-Котовская, а 102-ая пехотная дивизия, овладев 3-ей линией окопов у Ставок-Дерно, к вечеру выдвинулась на рубеж Новая Земля-Пальча.

39-ый корпус выполнил поставленную ему ген. Калединым задачу: 37-ая гонведная дивизия и 31-ый гонведный полк были разбиты, в плен было захвачено 654 офицера и 3.611 солдат.

Части 30-го корпуса после двухдневных атак, вынудив 2-ой австрийский корпус к отходу, овладели всей укреплённой позицией противника от реки Стырь до Богуславки.

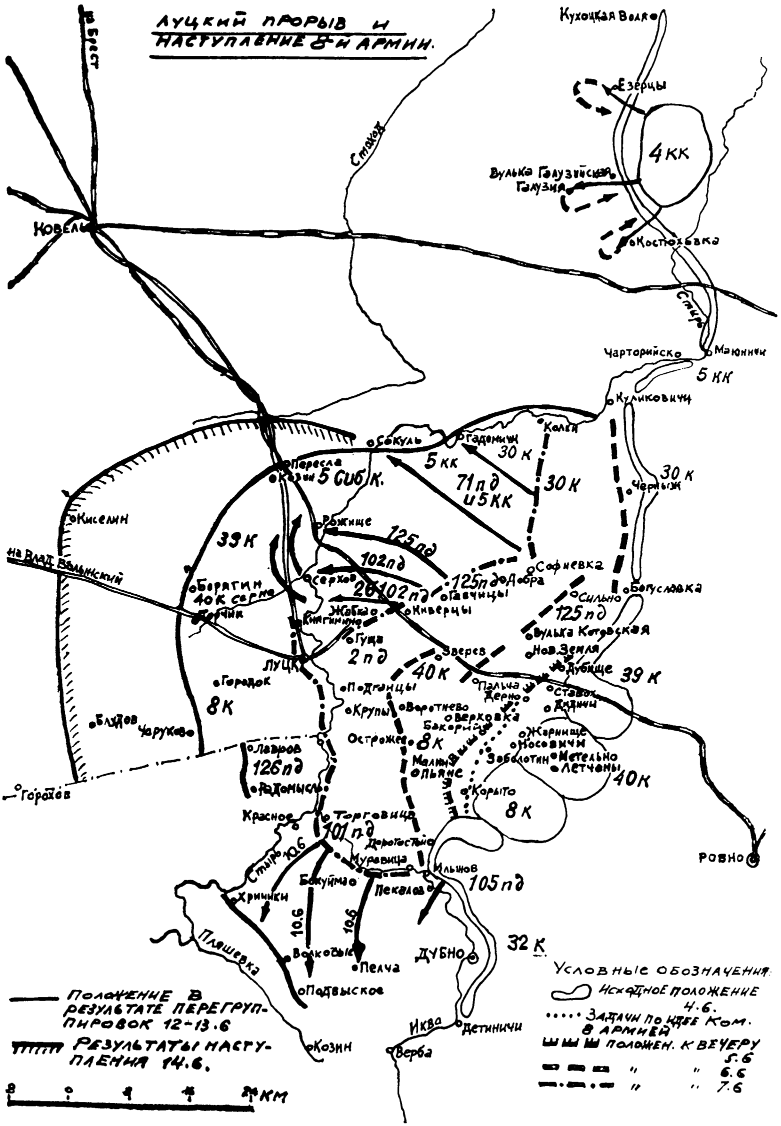
40-ой корпус, усиленный бригадой 2-ой Финляндской дивизии, начав преследование с 5 ч. утра, к 10 часам уже выполнил дневную задачу и к вечеру занял линию Зверев-Гараздижа, пройдя за день до 20 км. и захватив несколько тысяч пленных.

К 10 часам дивизии 8-го корпуса сломили сопротивление противника на линии Бокоржин-Малин и, захватив орудия, пулемёты и пленных, к вечеру выдвинулись на рубеж Верховка-Острожев-Пьяне, выслав охранение в направлении на Воротнево. Используя успех корпусов главного удара, и 32-ой корпус в 12 час. 6-го июня перешёл в наступление и к 15 часам на всём правом фланге овладел всей первой полосой укреплений противника, захватив до 2.500 пленных. К вечеру правофланговые части 32-го корпуса выдвинулись на один уровень с 8-ым корпусом на линию Пьяне-Дорогостий-Муравица. Таким образом, уже 6 июня 4-ая австрийская армия эрцгерцога Фердинанда, находившаяся перед фронтом 8-ой армии, была разбита и находилась в полном отступлении, за исключением линии Муравица-Детиничи и своего левого фланга.

При полном успехе 8-ой армии, ген. Каледин, стремясь тактический успех развить в оперативный, 7 июня

ставит корпусам задачу во что бы то ни стало преследовать противника, причём 8-му корпусу приказывает держать свои резервы за правым флангом в направлении на Луцк, а 12-ой кавалерийской дивизии выдвинуться в Бакорин и оттуда преследовать противника на фронте Чекно-Торговица и дальше в направлении на Чаруков. Преследование 7-го июня происходило в тяжёлых условиях: войска были утомлены непрерывными тяжёлыми боями, австрийцы же при отходе взрывали и сжигали все мосты, устраивали завалы на лесных дорогах и неоднократно пытались задержаться на промежуточных рубежах, особенно упорно обороняясь на Луцком направлении. Всё это, вместе с проливными дождями, тормозило темп преследования, конницы же у командующего 8-ой армии под руками было недостаточно. Разбитые, но недобитые части 4-ой австрийской армии отходили, не подвергаясь окружению.

Тем не менее, части 39-го корпуса после упорных боёв в лесу западнее Домброва к вечеру овладевают ст. Киверцы и выходят на фронт Добра-Гавчицы-Жабка. Наступавший на Луцк 40-ой корпус встретил наиболее сильное сопротивление. Его вторая дивизия преодолевает последовательно три позиции противника и отражает контр-атаки подходящих резервов, в том числе и свежих германских частей. Овладев очень сильно укреплённой позицией на фронте Киверцы-кол. Гуща, 2-ая дивизия выходит к реке Стырь, под огнём противника строит мост, ночной атакой овладевает дер. Княгинино и переправляется на западный берег реки. В это время четвёртая дивизия после упорного боя овладевает сильным Луцким предмостным укреплением, имевшим в районе шоссе четыре линии окопов с проволочными заграждениями до 16 рядов. В течение пяти часов дивизия три раза атакует эти укрепления, и последняя атака завершается успехом. Австрийцы поспешно отходят к Луцку, зажигая мосты. На плечах противника 16-ый полк к 21 часу овладевает горящими мостами и первым вступает в Луцк. Дивизия прочно занимает левый берег реки Стырь.

Луцкий прорыв и наступление 8-й армии.
на Брест
Ковель
Стоход
Кухоцкая Воля
Езерцы
4 КК
Вулька Галузийская
Галузия
Костюхновка
Стырь
Чарторийск
Маюничи
5 КК
Куликовичи
Колки
Гадомичи
30 К
Сокуль
5 кк
71 пд и 5 КК
30 К
Пересла
Козин
5 Сиб. К.
Киселин
Рожище
125 пд
102 пд
39 К
на Влад. Волынский
Серхов
Гавчицы
Софиевка
Сильно
Богуславка
Черныж
125 пд
Торчин
Киверцы
Жабка
Княгинино
Гуща
2 пд
Зверев
40 К
Вулька Котовская
Нов. Земля
Дубище
39 К
Луцк
Городок
8 К
Подгайцы
Крупы
Воротнево
Верховка
Пальча
Дерно
Ставок
Дидичи
Жорнище
Носовичи
Метельно
Заболотин
Летчены
40 К
Блудов
Чаруков
Лавров
126 пд
Радомысль
Горохов
Острожец
8 К
Млынов
Корыто
8 К
Красное
Торговица
101 пд
Дорогостай
Муравица
Стырь
10.6
Хрипники
Бокуйма
Пекалов
105 пд
10.6
10.6
Волковые
Пелча
Дубно
32 К
Плящевка
Подвысокое
Козин
Иква
Детиничи
Верба
Ровно
Положение в результате перегруппировок 12-13.6
Результаты наступления 14.6.
Условные обозначения:
Исходное положение 4.6.
Задачи по идее Ком. армией
положен. к вечеру 5.6
" " 6.6
" " 7.6
км

8-ой корпус в течение дня 7 июня успешно атакует сильно укреплённую позицию противника на фронте Подгайцы-Выгоданка и овладевает ею ударом 14-ой дивизии во фланг в направлении на дер. Крупы. Захватывая пленных и трофеи, корпус к вечеру выходит на р. Стырь, а своей правофланговой 15-ой дивизией совместно с 40-ым корпусом овладевает гор. Луцк.

Один только 8-ой корпус к 7-му июня захватил 11 орудий, 18 бомбомётов, 48 пулемётов, 293 офицера, 14.264 солдата и много разного военного имущества.

Дивизии 32-го корпуса после упорных боёв также выдвинулись на р. Стырь, захватив при овладении м. Торговица около 2.000 пленных.

На всём фронте армии австрийцы были отброшены за реки Стырь и Иква, центр 8-ой армии за трое суток под блестящим командованием ген. Каледина продвинулся почти на 60 км.

За три дня — 5, 6 и 7 июня — было взято в плен 992 офицера, 43.628 солдат и захвачено 66 орудий, 150 пулемётов, 50 бомбомётов, 21 миномёт, масса винтовок, патронов, целые склады снарядов и другого военного имущества. Велики были и потери 8-ой армии: из строя выбыло убитыми 87 офицеров и 6167 солдат и ранеными 327 офицеров и 25.747 солдат.

К 8 июня 8-ая армия сильно выдвинулась вперёд своим центром, фланги же остались на местах, и фронт армии представлял собою сильно выпуклую дугу. Поэтому ген. Каледин, не имея необходимых резервов для дальнейшего развития достигнутого им крупного успеха, предпочёл выравнивать фронт, наступая обоими флангами. Ввиду этого с 8 по 14 июня 8-ая армия, продолжая некоторое выдвижение в центре, в основном ведёт борьбу на флангах, закрепляя тем положение армии.

15 июня Главнокомандующий ген. Брусилов, у которого и на всём Юго-Западном фронте не оказалось достаточных для развития успеха 8-ой армии оперативных резервов, отдал приказ временно приостановить наступление с целью произвести перегруппировки и затем перейти в наступление в направлении на

Ковель. Наступательная роль 8-ой армии закончилась. Входившие в состав Юго-Западного фронта 7, 9 и 11 армии во время Луцкого прорыва играли роль второстепенную-вспомогательную. Исключительная же роль армии Каледина подчёркивается всем ходом событий. В течение всего лишь трёх дней прорвав фронт противника, 8-ая армия под талантливым водительством своего вождя полностью оправдала надежды, возлагавшиеся на неё как Главнокомандующим Юго-Западного фронта, так и Верховным Командованием.

Интересно отметить, что советские военные историки, описывая действия 8-ой армии, наносившей главный удар и прорвавшей австро-венгерский фронт в направлении на г. Луцк, и «рекомендуя командному и начальствующему составу Красной Армии» изучать эти действия, нигде не называют имени вождя 8-ой армии. В то время, как в их работах упоминаются фамилии генералов и полковников, участвовавших в весеннем и летнем наступлении 1916 года (конечно Брусилов, незадачливый Зайончковский *, доблестный Микулин, Гильчевский, полк. Ширинкин), имени Каледина вы не встретите — он фигурирует лишь как «Командующий 8-ой армией» (не называется и другой вождь гражданской войны — ген. А. И. Деникин, первым вступивший во главе своих стрелков в г. Луцк). Говоря об исключительной роли 8-ой армии в наступлении Юго-Западного фронта, советский полковник М. Рождественский признаёт, что атака 8-ой армии на участке главного удара «была блестяще подготовлена и так же блестяще вы-

---

* Ген. Зайончковский, один из первых передавшихся большевикам, после взятия нашими войсками Луцка, в своем донесении генералу Брусилову утверждая, что он первый вошел в город Луцк, настойчиво добивался представить его к награждению орденом Св. Георгия Победоносца... Главнокомандующий фронтом на этом ходатайстве написал: первым вступил в Луцк... и там захватил в плен генерала Деникина и его «железных стелков».

полнена», «артиллерийская и инженерная подготовка была произведена **с тщательностью, необычной для русского высшего командования»**, «сосредоточение превосходных сил в пункте главного удара обеспечило последнему такую силу, что результаты наступления превзошли ожидания...» «Оперативно-тактический успех правого фланга (т. е. 8-ой армии Н. М.) Юго-Западного фронта не вызывал сомнений». Дальнейшее, после Луцкого прорыва, «наступление 8-ой армии германскому командованию удалось задержать ценой очень больших усилий. Достаточно указать, что, помимо использования всех свободных резервов Восточного фронта, германское командование принуждено было снять и перебросить в июне против 8-ой армии 19-ую, 20-ую, 7-ую и 11-ую Баварскую дивизии из Франции, 19-ую ландверную бригаду и сводную ландверную дивизию из Италии».

«Двадцать два года» — пишет в 1938 году советский военный историк — «отделяют нас от Луцкого прорыва, вписавшего одну из славнейших страниц в историю русской армии. Необходимость тщательного изучения опыта успешной борьбы русской армии против армий германского империализма не требует особых доказателств».

ОЦЕНКА ЛУЦКОГО ПРОРЫВА

Полный разгром 4-ой австрийской армии, захват более 50.000 пленных и быстрые темпы наступления, овладение Луцком и создавшаяся угроза Ковелю и Львову.

Огомное мировое значение прорыва общепризнано как в русской, так и в иностранной военной литературе.

Победоносное наступление спасло от разгрома Италию — уже 6 июня австро-венгерское командование начало снимать войска с итальянского фронта, 16 июня приостановило наступление, а 24 июня было вынуждено начать отход, — оно вырвало инициативу у германского командования и сковало его оперативную свободу

на весь 1916 год. Все свободные резервы с Восточного фронта были германским командованием переброшены на Юго-Западный фронт, о чём свидетельствует в своих воспоминаниях и сам ген. Людендорф: «Единственным нашим резервом для фронта в 1.000 км. длиной осталась одна кавалерийская бригада с артиллерией и пулемётами». И этого оказалось недостаточно, и германцы вынуждены были снимать с Западного фронта с трудом накопленные резервы и перебрасывать их на восток.

За период Луцкого прорыва и боёв после него австро-германцами было переброшено против Юго-Западного фронта:

1) 36 германских дивизий, из них 11 с французского фронта,

2) 9 австрийских дивизий, из них 6 с итальянского фронта,

3) 7 турецких дивизий с Салоникского фронта.

Жертвами Луцкого прорыва стали смещённые с должностей командующий 4-ой австро-венгерской армией эрцгерцог Иосиф-Фердинанд и 7-ой армии ген. Пфлянцер-Балтин.

Снятие германских резервов вызвало крупные изменения в ходе военных действий во Франции: уменьшилась напряжённость германских атак под Верденом и, кроме того, французы получили возможность перейти в наступление на Сомме.

Штаб ген. Каледина
в бытность его командующим 8-ой армией

Глава 5-ая

ПОЧЕМУ ГРАНДИОЗНЫЙ ТАКТИЧЕСКИЙ УСПЕХ ГЕНЕРАЛА КАЛЕДИНА НЕ ДАЛ СООТВЕТСТВУЮЩИХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РЕЗУЛТАТОВ?

ГЕН. БРУСИЛОВ И ГЕН. КАЛЕДИН

Главнокомандующий Юго-Западным фронтом ген. А. А. Брусилов, пристрастно относившийся к ген. Каледину, считая его неспособным командовать армией, в дальнейшем своём изложении уже считает Луцкий прорыв «грандиозной победоносной операцией», которая стратегичских результатов не дала по вине генералов Эверта и Куропаткина, не поддержавших 8-ю армию. «Если бы» — пишет Брусилов — «в июле Западный и Северный фронты навалились всеми силами на немцев, германцы были бы безусловно смяты. Грандиозная победоносная операция была непростительно упущена», а между тем «это повело бы за собой выход из войны Австро-Венгрии и к концу того же года **вся всемирная война приняла бы совершенно другой оборот**». (Подчёркнуто мной. **Н. М.**)

Главнокомандующий фронтом генерал А. А. Брусилов, в своих «Воспоминаниях», подчеркнув, что мировое значение Луцкого прорыва общепризнано, как в русской, так и в иностранной военной литературе, упрекает

Ставку, не сумевшую добиться активного содействия Юго-Западному Фронту со стороны других фронтов и превращения разгрома правого фланга восточно-европейского фронта австро-германцев в разгром всего этого фронта. «Никогда эта возможность — утверждает ген. Брусилов — не была так близка, как в мае-июне 1916 года.»

«Результаты наступления» в Луцком направлении «превзошли все ожидания, но победа не была использована — стратегического результата операция не дала, так как решение Военного Совета от 1-го апреля ни в какой мере выполнено не было — Западный фронт (ген. Эверта. **Н. М.**) главного удара так и не нанёс, а Северный фронт (ген. Куропаткина **Н. М.**) имел своим девизом знакомое нам с Японской войны «терпение, терпение и терпение». По тем средствам, которые имелись у Юго-Западного фронта, он сделал всё, что мог и большего выполнить был не в состоянии...» пишет ген. Брусилов.

Профессор Николаевской Академии Ген. Штаба ген. Н. Н. Головин в своем труде «Галицийская Битва» посылает, однако, упрек и самому ген. Брусилову: «Приказ ген. гр. Келлеру, командовавшему 10-й кав. дивизией, выступить — был отдан Брусиловым слишком поздно, когда противник уже успел привести в порядок свои потрёпанные части. Момент был упущен». Тот же упрек посылает и ген. Каледин, как свидетельствует в своем дневнике ординарец Каледина ротмистр Скачков: «... Луцкий прорыв мог бы сыграть крупную роль на Юго-Западном и Западном наших фронтах, но стратегическая ошибка по этому сражению произошла из за нежелания Главнокомандующаго Ю. З. ген. Брусилова во-время дать подкрепление именно 8-ой армии для широкого наступления и развития его на запад.

Привожу слова из письма ген. Каледина от 3-го июня на мое имя, когда я после ранения лежал в госпитале в Киеве:

Ген. Брусилов «убежден», что «сделано было все, чтобы наступление Юго-Западного фронта кончилось ничем»... «Так как», продолжает он, «по решению Воен-

ного Совета главный удар должен был наносить Западный фронт, ему и предоставлены были все средства и только впоследствии Ставка посылала Юго-Западному фронту подкрепление пакетами, по каплям. Ставка неожиданно потребовала от Юго-Западного фронта перейти в наступление первым — для спасения Италии и для облегчения французов под Верденом».

Неожиданно потребовав от Юго-Западного фронта перейти в наступление первым, Ставка не только не предоставила в его распоряжение необходимых резервов, которыми был снабжён Западный фронт, но и сняла с Юго-Западного фронта XX-ый армейский корпус, направив его в 1-ю армию ген. Ренненкампфа. Советский военный историк А. Белой («Галицийская Битва», Москва, 1929 г.) отмечает: «Поражение австро-венгерских армий в Галиции как бы приобретало второстепенное значение, тем более, что исключение XX-го корпуса из состава 4-й армии ослабляло её и уменьшало вероятность выполнения задач Юго-Западного фронта по воспрепятствованию отхода австро-венгерских войск в Галиции на запад к Кракову».

То, что «грандиозная победоносная операция», с таким успехом выполненная армией Каледина, приобрела вдруг второстепенное значение, подтверждается и бывшим послом Франции Палеологом, который на стр. 81 своих «Мемуаров» приводит слова Государя, переданные Палеологу 2/14 августа Министром Иностранных Дел С. Д. Сазоновым: «Я приказал Великому Князю Николаю Николаевичу возможно скорее и во что бы то ни стало открыть путь на Берлин. Я придаю нашим операциям в Австрии лишь второстепенное значение...»

В противоположность гениальным полководцам XIX века Наполеону и Мольтке, которые для того, чтобы дать генеральное сражение с решительным и быстрым результатом, считали необходимым обеспечить за собой на данном поле сражения большой количественный перевес над противником, Главное Управление Генерального Штаба во главе с генералами Сухомлиновым, Ю. Даниловым, Янушкевичем и Жилинским (причём последние три генерала стали автоматически главными

действующими лицами в Ставке), составило план войны, «легкомысленно», по выражению проф. ген. Н. Н. Головина, «разрушив те мудрые начала, на которых долгие годы зиждилась подготовка России к войне по Милютинской системе». Великий Князь Николай Николаевич, сторонник системы бывшего военного министра гр. Милютина, будущий Верховный Главнокомандующий, не был приглашён участвовать ни в выработке плана войны, ни в его пересмотре в 1912 году. Назначенный на пост Верховного Главнокомандующего лишь на второй день после объявления Германией войны, он старался внести коррективы в уже выработанный без его участия план, но Ставка «калечила», по выражению ген. Головина, «мысль Великого Князя». По Сухомлиновскому плану, вместо сосредоточения сил для нанесения главного удара, наступление должно было вестись сразу и на Австро-Венгерском и на Германском фронтах (вскоре к этому прибавилось и третье направление — Познанское, прямо на Берлин).

Генерал Головин приводит целый ряд доказательств, утверждая, что распоряжения Ставки предопределили уменьшение стратегических результатов Галицийской битвы, что Сухомлиновский план войны, приводившийся в исполнение осенью 1914 года, разбрасывал наши силы по расходящимся оперативным линиям.

Невольно вспоминаются слова нашего противника генерала Людендорфа в его «Воспоминаниях»: «Нужно уметь ограничивать свою задачу для того, чтобы добиться успеха...» У нас этого уменья не оказалось... Если вдуматься в заявление того же генерала Людендорфа, что в момент разгрома Калединым австро-венгерских армий все резервы **на всём Восточном немецком фронте** были израсходованы и «единственным нашим резервом для фронта в 1000 километров длиной осталась одна кавалерийская бригада с артиллерией и пулемётами» — пишет начальник германского штаба в своих «Воспоминаниях» — то утверждение генерала Брусилова, что «к концу того же 1916 г. вся Мировая война приняла бы совершенно иной оборот», едва ли грешит преувеличением... Разгром — после разгрома австро-

венгерских армий — и армий германских на нашем фронте повлёк бы за собой крушение всего фронта, полную свободу действий для наших союзников, прекращение Мировой войны в конце 1916 или в начале 1917 г. и... никакой революции и большевизма в России... Генерал Каледин сделал для этого всё, что было возможно, но, по татарской поговорке, — «Аллах, когда раздавал людям благоразумие, обидел» кое-кого...

Враждебное отношение ген. Брусилова к ген. Каледину было известно и соратникам Каледина. Так, командовавший в 8-ой армии «железными» стрелками ген. А. И. Деникин отмечает в своих «Очерках Русской Смуты»: «Как это ни странно, Брусилов, обязанный всей своей славой 8-ой армии, почти два года пробывший во главе её, испытывал какую-то, быть может, безотчётную ревность к своему заместителю...» — «Когда в армию хлынули потоком роковые идеи «демократизации», Каледин органически был не в состоянии не только принять «демократизацию» *, но даже подойти к ней. Он резко отвернулся от революционных учреждений и еще глубже ушёл в себя. Комитеты выразили протест... и Брусилов в середине апреля 1917 года заявил Верховному Главнокомандующему Алексееву, что «Каледин потерял сердце и не понимает духа времени — его необходимо убрать. Во всяком случае на моём фронте ему оставаться нельзя...»

Не могу согласиться с А. И. Деникиным, что эта ревность была «быть может безотчётная». Она была сознательная и основана на определённом расчёте. Каледин заменил Брусилова не на одном только посту Командующего 8-ой армией — он был его заместителем и в должности Начальника 12-ой кавалерийской дивизии, и как армия, так и дивизия, имевшие вообще репутацию лучших, ничем особенным при Брусилове не

---

* «Демократизацию» в ковычках, в её уродливой форме, разрушавшую силу армии и отвергнутую впоследствии и самими вождями Красной армии. **Н. М.**

выдвинулись, при Каледине же, благодаря его таланту полководца и его методам, и дивизия и армия покрыли себя вечной в военной истории славой и о них и об их вожде заговорили не только в русской армии и во всей России, но и в союзных странах. Каледин становился опасным соперником и перед ним, при нормальных условиях, если бы не разразилась так не вовремя революция, открывался широкий путь к самым высшим постам в Русской армии. Его надо было убрать с дороги. Честолюбивый и неразборчивый в средствах, Брусилов увидел в Каледине соперника уже тогда, когда тот вёл от победы к победе 12-ю кавалерийскую дивизию. В своих «Воспоминаниях», на стр. 198-й, он записывает: «... мне не следовало бы соглашаться на назначение Каледина Командующим 8-й армией...» Он настойчиво выдвигал тогда на этот пост своего начальника штаба ген Клембовского, вместе с ним позже перешедшего на службу к большевикам.

Когда ген. Брусилов в половине марта 1916 года получил телеграмму из Ставки с приказанием немедленно вступить в командование Юго-Западным фронтом, он ответил ген. Алексееву, что приказание выполнено и что Командующим 8-й армией он просит назначить на его место начальника штаба ген. Клембовского. Ген. Алексеев ответил, что Государь Клембовского не знает и что, хотя ген. Алексеев не стесняет его, Брусилова, в выборе Командующего армией, но со своей стороны считает нужным усиленно рекомендовать ген. Каледина — «Государь был бы доволен», сообщал ген. Алексеев — если бы Брусилов «остановился на этом лице». Усиленная рекомендация ген. Алексеевым ген. Каледина и желание Государя видеть на посту Командующего 8-й армией, на которую в этот момент возлагалась главная роль по прорыву неприятельского фронта, именно ген. Каледина, объяснялись, несомненно, тем, что, командуя в невероятно трудных условиях 12-й кавалрийской дивизией, Каледин перед этим проявил всю силу своего исключительного таланта полководца, и имя его уже гремело и на фронте и во всей России. Блестяще выдержал он и «экзамен», когда ему в первый раз пришлось командовать

крупным соединением войск — большим, чем армейский корпус — когда грандиозное наступление австро-германцев, распространившееся почти на весь Карпатский фронт, захватило к 10 января и подступы к Лутовиске: начальнику 12-й кав. дивизии в эти тяжелые дни были подчинены 61-я пехотная дивизия, части 34-й и 65-й дивизий и «железная» стрелковая бригада ген. Деникина. Несмотря на то, что бои протекали в крайне тяжёлой обстановке на покрытых снегом высотах, при сильных морозах и холодных ветрах, Каледин победил в боях у Линье, у корчмы «Под Острем», на высоте 673 и под Лутовиской. «Всё время», пишет участник боя, «войска чувствовали, что вождь силён и уверен в себе, и что он победит. Операция, грозившая прорывом в направлении на Перемышль, не удалась — враг отступил по всему фронту — и это была заслуга Каледина».

Брусилов вынужден был бить отбой. В своих «Воспоминаниях», на стр. 175, он пишет: «Я имел раньше случай сказать, что Каледина я считал выдающимся начальником дивизии, но как командир корпуса он высказал себя значительно хуже; тем не менее, поскольку я ничего против него не имел, поскольку за всё время кампании он вёл себя отлично и заслужил два Георгиевских креста и Георгиевское оружие, был тяжело ранен и, еще не оправившись, вернулся обратно в строй, — у меня не было достаточных оснований, чтобы отклонить это Высочайшее предложение, забраковать опытного и храброго генерала лишь потому, что по моим соображениям и внутреннему чувству я считал его слишком вялым и нерешительным для занятия должности Командующего армией. Впоследствии я сожалел, что в данном случае уступил, так как на боевом опыте, к сожалению, оказалось, что я был прав и что Каледин, при всех его достоинствах, не соответствовал должности Командующего армией».

Дело, конечно, не в этом. Если бы не было определённо высказанного царского желания, против которого карьерист Брусилов пойти, конечно, не мог, он

настоял бы на назначении вместо Каледина ген. Клембовского.

Как эти слова: «... на боевом опыте оказалось, что Каледин не соответствовал должности Командующего армией» — противоречат фактам! Занимая именно эту должность, командуя 8-й армией, своим Луцким прорывом Каледин прославил и эту армию и себя и... даже самого Брусилова, как Главнокомандующего Юго-Западным фронтом, в состав которого входила Калединская 8-я армия. В своих «Воспоминаниях» генерал Брусилов не скупится на тёмные краски, чтобы очернить того, в ком он видел своего соперника. На стр. 203 он — вопреки всему тому, что мы знаем о Каледине и о чём свидетельствуют его сотрудники и беспристрастные военные историки — пишет, что «управление войсками было у Каледина нерешительное, войска видели его очень мало, а когда видели, то замечали лишь угрюмого молчаливого генерала, с ними не говорившего и их не благодарившего. Его не любили и ему не доверяли». Последнее утверждение уже совершенно возмутительно! «Воспоминания» изобилуют враждебной критикой и ген. Корнилова и ген. Алексеева. «Понять — простить»... Если и не простить, то можно найти смягчающее вину обстоятельство, принимая во внимание, что «Воспоминания» написаны Брусиловым, когда он был Контролёром советской кавалерии, притом в эпоху Сталина... Даже и после этой эпохи советские военные историки, отдавая должное талантам вождя 8-й армии, не осмеливаются назвать даже его фамилии...

Героем ген. А. А. Брусилов не был. Войск своих в бой он не водил, посылал их в бой «из халупы». Профессор Е. Месснер и полк. М. Георгиевич, бывший начальником штаба 12-й кав. дивизии при преемнике Каледина генерале Маннергейме. утверждают («Наши Вести», ноябрь 1966), что «войска никогда не видали Брусилова», офицеры его штаба Брусилова не любили и «никаких полководческих дарований за ним не

признавали». Полковник Георгиевич не сомневается, что грядущая история, разобравшись в Галицийской битве и вообще в так называемом «Брусиловском» наступлении, не закрепит за этим подвигом имени одного лишь Брусилова.

**
*

ИСТОРИЯ ДОЛЖНА УСТАНАВЛИВАТЬ ПРАВДУ

Те, кто изучал Галицийскую битву, не могли не придти к заключению, что Луцким прорывом Россия обязана Каледину. Не будь на посту Командующего 8-ой армией именно Каледина, прорыва, по всем данным, и не было бы и, во всяком случае, без Каледина он не дал бы известных нам колоссальных результатов.

В самые решительные дни прорыва — их было четыре — Каледин, получая от ген. Брусилова и его начальника штаба Ю-З. фронта ген. Клембовского распоряжения, исполнение которых свело бы к нулю все достигнутые успехи, приказов этих не исполнял и о содержании их командирам корпусов не сообщал. Считая себя в первую очередь ответственным за успех первостепенной задачи, возложенной Ставкой на его 8-ую армию, Каледин невозмутимо продолжал выполнять, то, что раньше было приказано Ставкой — формально Государем, фактически ген. М. В. Алексеевым.

Человек долга в высшем понимании этого слова, Каледин выше всего ставил интересы родины и, служа ей, а не лицам, ставил на карту, в случае неудачи, всю свою карьеру и свое доброе имя, так как Брусилов неудачу приписал бы неисполнению его приказов.

Каледин, как во всех случаях своей жизни, и тут остался верен себе, как и в случае, рассказанном ген. А. И. Деникиным, когда в битве при Самборе Каледин, нарушив приказ «крутого» Брусилова СПЕШНО идти в дру-

гом направлении, остановил на сутки свою дивизию и, бросив ее в бой, спас положение всей армии.

В нем гармонически сочетались и героизм воина и мужество гражданина. «Победителей не судят», и счеты были сведены на другой почве: Каледин был обвинен в том, что он «не понял» духа революционного момента, и Брусилов потребовал удаления Каледина с Юго-Западного фронта... и для героя Луцкого прорыва, прославившего Русскую армию, не нашлось в ней места... Каледин был сдан в «архив» — послан на покой в Военный Совет, а тот, кто в совершенстве проникся духом подлого времени, вскоре был назначен на пост Верховного Главнокомандующего...

Как понимался им этот «дух», красноречиво рассказывает в своих «Вопоминаниях» — том I-ый, стр. 414 — последний Протопресвитер Русской армии и флота о. Георгий Шавельский: «У меня и теперь еще в глазах встреча на Могилевском вокзале прибывшего в Ставку нового Верховного — ген. Брусилова.

Выстроен почетный караул, тут же выстроились чины Штаба, среди которых много генералов. Вышел из вагона Верховный, проходит мимо чинов Штаба, лишь кивком головы отвечая на их приветствия. Дойдя же до почетного караула, он начинает протягивать каждому солдату руку. Солдаты, с винтовками на плечах, смущены — не знают, как подавать руку. Это была отвратительная картина»...

Глава 6-ая

КАЛЕДИН НА ВОЙНЕ
(штрихи)

(Чистилув, Вачув, Руда, Демня, Ластувка, Лутовиска, Беднарув, Луцк...)

Ген. Н. В. Шинкаренко, служивший в 12-ой кав. дивизии во время командования ею ген. Калединым, пишет про своего начальника:

«Каледин на войне — это 12-ая дивизия и Галицийский поход, это вся 8-ая армия и весь Луцкий прорыв, это победы и победы.

Каледин требует книги.

Но теперь, в дни унижения, так приятно и так искушающе думать о победе, что должна проститься попытка вспомнить о победах погибшего Атамана Войска Донского, о победах погибшего полководца хотя бы наизусть, хотя бы без документов, хотя бы в нескольких штрихах. Если при этом придётся слишком много говорить о полках Каледина, то это вина судьбы, сделавшей то, что полки 12-ой кавалерийской дивизии и Каледин — одно.

Пишущий эти строки никогда не был лично близок к генералу Каледину, но он дрался в рядах одного из Калединских полков осенью 1914 года и весной 1915 видел Каледина почти каждый день и мог удер-

жать в памяти хоть несколько отдельных букв из величавой боевой книги, созданной оружием покойного генерала.

**
*

Одно из первых видений, встающих в моей памяти, это удушливо жаркий день 29 августа 1914 года. День усекновения главы Иоанна Предтечи, день поминовенья павших воинов.

Австрийцы ломят на только что отданный ими Львов. Главный удар императорско-королевских войск направлен на левый фланг 8-ой армии. XXIУ армейский корпус побит еще три дня тому назад под Татаринувом, растрёпан позавчера севернее Рычахува. Всю ночь горели отданные вчера деревни. С утра, с самого рассвета, начался новый бой.

Сегодня разыгрывается решительная партия. Войскам сообщено, что где то далеко на севере, почти за пределами выданных нам карт, близка победа, но для того, чтобы победа эта не улетела — надо, чтобы мы удержались.

12-ая дивизия и сегодня так же, как и накануне, так же, как позавчера, прикрывает левый фланг XXIУ корпуса и всей армии.

Ночевали в Линденфельде, брошенной населением немецкой колонии. Ничего не ели. Напились тёпленькой воды с одним куском сахара на троих. Потом эскадроны выводили, вся улица наполнилась тем сдержанно-энергичным полушумом, который всегда бывает там, где много конницы и который складывается из позваниванья пик, лёгкого поскрипыванья кожи не успевшего постареть конского убора и движенья лошадей. В строй четвёртых эскадронов стали штандарты, полки пошли искать победу.

Влево и впереди вытянулась Демня. Туда одна за другой ушли все сотни синих Оренбуржцев. Над Демней рвались двуцветные императорско-королевские шрапнели и оттуда несли раненых.

Спешили драгун. Жёлтая бригада — Белгородцы и

Ахтырцы — ждали своей очереди, спешившись в извилистой и глубокой лощине северо-западнее Линденфельда. Было жарко, устало и сонно. Людям, сидевшим в счастливой безопасности крутого ската, больше всего на свете хотелось спать, и им совсем не думалось о бое.

А бой разгорался.

С нашего уже берега болотистой речушки Щерека гремели австрийские батареи, и там, где не было несжатого хлеба, то и дело показывались идущие вперёд серо-синие цепи; показывались и исчезали, и только непрекращающаяся ружейная стрельба, похожая на треск сухого дерева в печке с хорошей тягой, только она не позволяла забыть о том, что враг придвигается всё ближе и ближе.

Начальник дивизии был на маленькой высоте, впереди: Каледин никогда не управлял боем из халупы. К нему вызывали то одного, то другого эскадронного командира, и уходили вперёд один за другим эскадроны жёлтой бригады. Те, кто остался, — не знали куда.

Около двух часов дня, положение на фронте дивизии стало особенно напряжённым. Оренбуржцы и сводный батальон 48-й пехотной дивизии, не выдержав огня противника, начали очищать Демню. 3-й эскадрон Белгородского полка, бывший в прикрытии артиллерии севернее Демни, ушёл назад, бросив 4-ую Донскую батарею, которой грозила опасность быть захваченной. Еще севернее австрийцы заняли небольшую рощу в непосредственной близости лощины, в которой оставались еще последние эскадроны улан и гусар.

Каледин поскакал к беспорядочно отходящим из Демни оренбургским сотням. В первый раз еще, — и в последний, — полк его дивизии отходил, и притом без приказания, и притом в беспорядке. Генерал, обычно спокойный и бесстрастный, не мог равнодушно видеть, как его казаки уходят.

Он громко приказал пиками загонять Оренбуржцев. Вблизи не было никого с пиками, и вообще не было никого, но так велико было боевое обаяние Кале-

дина, и так непривычно было для казаков идти назад, что они остановились. А затем сделали то, что для них было более привычно: снова пошли вперёд и заняли почти всё селение Демню. Только на западной окраине её, в крайних дворах, шёл бой. Каледин мог быть спокоен за Демню, по крайней мере в этот момент.

Но вырастала новая опасность. Австрийская пехота, наступавшая в почти пустом от наших войск промежутке между Демней и двумя рощами севернее селения, всё продвигалась вперёд. Густые цепи серо-синих пехотинцев показались совсем близко, в нескольких стах шагах.

Наступил грозный момент, когда неприятель мог опрокинуть стоявший против него спешенный 6-ой эскадрон улан, прорвать жиденький фронт дивизии, окружить то, что было в Демне, а в дальнейшем, кто знает, разгромить весь левый фланг армии...

Решалась судьба сражения.

В резерве у Каледина оставалось 4 эскадрона гусар и 1 эскадрон (4-й) улан. Имелся еще, но на каком-то неопределённом положении, 2-й Лабинский полк Кубанского казачьего Войска. Всего около 1200 сабель. И больше ничего... Опасность надвигалась, как быстро идущая грозовая туча. Её надо было парировать немедленно.

Каледин решился поставить последнюю карту: бросить в атаку последние свои эскадроны.

А эскадроны, стоящие в лощине, еще ничего не знали. Нам ничего не было видно, нам попрежнему хотелось спать, и только со свистом пролетающие высоко над головой пули начинали говорить о том, что впереди нехорошо.

И вот к нам рысью подъехал Каледин. С ним был Рот * и еще кто-то.

---

* Расстрелянный большевиками в Новочеркасске. **Н. М.**

Начальник дивизии быстро сказал что-то командующему эскадроном и проехал дальше к гусарам. Он был очень спокоен.

Из-за поворота лощины, оттуда, где, как мы знали, были гусары, послышались движение и слова команды, Эти команды и те, которые были поданы у нас, были командами перед атакой.

Спокойное, почти улыбающееся лицо Каледина, его тихое приказание, его неторопливая рысь, всё это, оказывается, предвещало атаку. Нам и гусарам он отдал приказание лично, Лабинскому же полку приказание было послано.

Пошли в атаку только мы и гусары. По какой причине не атаковали лабинцы, мне неизвестно.

Главную роль в этой атаке сыграли четыре гусарских эскадрона. Насколько можно было выяснить, перед приказанием Каледина они стояли в линии колонн. Для атаки интервалы между эскадронами, кажется, увеличены не были; каждый же эскадрон разомкнулся поэшелонно. Таким образом гусары атаковали в довольно густом строю и примерно четырьмя волнами, причём волны эти шли очень скоро одна за другой и, вероятно, с самого же начала перемешались.

Уланский эскадрон, шедший на левом фланге, разомкнулся в одну шеренгу на 5-6 шагов между всадниками и шёл в очень жидком строю. Позади него новых волн не было.

Пошли с места галопом и сразу же увидели совсем близко от себя спешенных улан, а подальше густую неприятельскую цепь. Солнце светило в глаза, и австрийцы представлялись тёмными фигурками; лиц разобрать было нельзя. Шла большая стрельба. Стреляла пехота, пулемёты, какая-то батарея, а может быть и две.

Уланы и гусары шли по нескольким сходящимся направлениям, и потому скоро их фланги перемешались.

Галоп стал полевым. Встретилась какая-то канава и лошади немного замялись, но кто-то крикнул «ура», хотя и не полагалось кричать — канаву перемахнули.

Затем всадники были уже в неприятельской цепи, и цепь эта оказалась бегущей. Затем была вторая, была

третья, цепь, и, наконец, образовалось целое бегущее стадо.

Стадо пехотинцев бежало версты полторы и всё время посреди него скакали гусары и уланы жёлтой бригады.

Стали собираться. Ахтырцы понесли очень тяжёлые потери, уланский эскадрон, благодаря своему одношеренгожному строю, отделался гораздо дешевле.

Главное же, цель была достигнута: императорская и королевская пехота отхлынула по всему фронту, очистила рощу, выскочила из Демни. Кризис боя миновал благополучно.

Дивизия, а также и части XXIУ корпуса, получили требуемую передышку, а когда перед заходом солнца успевший устроиться противник вновь перешёл в наступление, поредевшие бойцы Калединской дивизии хотя с трудом, но удержали Демню.

На следующий день 30 августа снова собирались полки, снова выносили штандарты и снова полки готовились идти в бой. На сборном пункте дивизии Каледин встретился с командиром XXIУ корпуса генералом-от-кавалерии Цуриковым.

Цуриков просил неподчинённого ему Каледина еще раз прикрыть его растрёпанный корпус, просил идти на подвиг, и когда Каледин согласился снова бросить свои полки вперед, обнял и перекрестил его.

Но и Цуриков и все мы ошибались в своих предчувствиях. Брусиловское обещание было выполнено: мы продержались требуемые 24 часа, и победа была уже одержана.

В ночь на 30 августа австрийские армии начали отход, и 12-ая кав. дивизия почти без сопротивления вышла к остававшемуся всё время в наших руках Миколаюву. Бои западнее Львова кончились.

Влияние, оказанное Калединым на благоприятный исход этих боёв, было велико. Пишущему эти строки пришлось несколько позднее услышать от самого Брусилова, что в конце августа армия победила благодаря

блестящим действиям 3-ой стрелковой бригады и 12-ой кавалерийской дивизии.

12-ая же дивизия — это был Каледин.

***

Пронеслись месяцы. Многое изменилось и многих не стало. Каледин со своей дивизией, преследуя отходящих австрийцев, дошёл до Сана у Лиско, а разведывательные эскадроны перешли за Сан.

Тяжёлая разведывательная работа.

Потом новый переход австрийских армий в наступление. Вся наша армейская конница отходит на несколько переходов назад, наводя австрийцев на наши главные силы, остановившиеся на линии Фельштвен-Старый Самбор.

12-ая дивизия тоже отходила. И в то время, когда в Восточной Пруссии и в Польше при наших отходах оставались отрезанными и забытыми целые эскадроны, Каледин не забыл и не бросил ни одного разъездика, ни одного человека.

Октябрьский поход в Карпаты. Бросок почти в тыл противнику к Турке. Невозможно рискованные положения.

Невозможные для всякого другого, но у Каледина большое счастье и умение воевать еще большее, чем счастье.

И для него всё возможно и ничто не рискованно. Движение конницы Каледина от Дрогобыча до Турки, бои у Ластувки, у Волосянка Велька, у Исае, у Ломны, горные бои без свободы в движениях, с угрожаемым зачастую тылом — это маленькие перлы в военной короне Каледина.

Потом зима. Декабрьский налёт к Балигроду. От Каледина пошла только бригада, и сам он не пошёл.

Сперва успех, а затем 15 декабря бригада, вследствие ловкого манёвра австрийцев, отскакивает сразу на полперехода. Настроение подавленное, впечатление отрезанности... И вот приезжает Каледин, сосредоточенный, не улыбающийся.

Я не помню, было ли в этот день солнце, но для всех, и для улан, и для гусар, и для артиллеристов, солнце выглянуло с приездом неулыбчивого Каледина. И снова — победа!

Наступил 1915 год. Дивизия в составе 2-го конного корпуса стояла в районе Лутовиска, высылая вперёд только разведывательные эскадроны. Противник, на этот раз уже австро-германцы, подготовлял новую операцию большого стиля. Грандиозное наступление, распространившееся почти на весь Карпатский фронт, захватило к 10 января и подступы к Лутовиске.

С каждым днём размах и напряжённость завязавшихся боёв всё увеличивались. Каледину в первый раз пришлось командовать крупным соединением войск, большим, чем армейский корпус: 61-ая пехотная дивизия, части 34-ой, 65-ой дивизий, «железная» 4-ая стрелковая бригада генерала Деникина, всё это было подчинено ему.

В эти тяжёлые дни Каледин сильно недомогал. Изможденный, жёлтый, он казался теряющим силы. Но сила его полководческого таланта не ослабела.

Та незримая и никогда не обманывающая связь, которая существует между вождём и войсками, не ослабевала ни на минуту И всё время войска чувствовали, что вождь силён и уверен, и что он победит.

Несмотря на то, что бои протекали в крайне тяжелой обстановке на покрытых снегом высотах, при сильных морозах и холодных ветрах, уверенное настроение, сообщенное войскам Калединым, было неизменно. Весы успеха долго колебались. Целая серия боёв у Панышува и на высотах севернее Скородне дала Каледину лишь незначительное продвижение вперед.

Но победа отдаётся более настойчивому.

Более настойчивыми оказались мы, и победа засияла нам в боях у Линье, у корчьмы «под Острем», на высоте 673 и под Лутовиской.

Австрийцы отступали по всему фронту, и операция их, грозившая прорывом в направлении на Перемышль, окончательно не удалась. Это была заслуга Каледина.

Вскоре после этого 12-ая кавалерийская дивизия бы-

ла переброшена в Южную Галицию на Станиславовское направление. Но Каледину недолго уже оставалось командовать дивизией. Судьба уже подготовляла разлуку.

⁂

Мне ясно представляется последний день Калединского периода жизни 12-ой дивизии.

Февральское утро, и утро тёплое. Над долиной незамёрзшей Ломницы поднимается мокрый туман. Покрытые лесом холмы с пологими скатами. Лес в чудном порядке — императорская дача.

12-ая дивизия уже перешла Ломницу и ведёт бой с арьергардами австрийцев, отходящих к Станиславову.

День особенно замечателен потому, что командир корпуса в первый раз выехал к ведущим бой войскам. В свите шутили, говоря, что должно случиться что-нибудь особенное.

Шутка, к сожалению, оказалась пророчеством.

Пишущий эти строки был в свите командира корпуса. Мы переехали вброд через Ломницу у Бабинских выселков (Zu Babin). В долине реки и на улице было видно много трупов убитых австрийских пехотинцев: здесь накануне ходили в атаку туземцы.

На южном берегу, там, где Станиславовская дорога поднимается в гору, вытянулись эскадроны главных сил дивизии. Эскадроны были спешены и лошадей держали в поводу. В голове колонны был уланский полк. Каледин находился еще более впереди, на артиллерийском наблюдательном пункте.

Шёл редкий артиллерийский бой. Австрийцы обстреливали ту высоту, на которой находился Каледин. Высота эта лежала влево от большой дороги и отделялась от нас довольно глубокой лощиной, поросшей молодым лесом и кустарником.

Командир корпуса захотел пройти на наблюдательный пункт. Его предупреждали, что нужно спешиться. Все слезли с лошадей и, продираясь через кустарник, пошли на соседнюю высоту. Артиллерийский огонь австрийцев усилился и видны были разрывы шрапнелей

как раз над самым наблюдательным пунктом, маленьким окопчиком под группой голых деревьев.

Оставалось шагов триста, когда показался быстро идущий, почти бегущий навстречу командиру корпуса ординарец Каледина, поручик Макаров. Он был взволнован и кричал издали: «Идите укрыто. Начальник дивизии ранен!»

Каледин ранен... Эта весть поразила всех, как будто бы все были уверены, что его ни ранить, ни убить не может. Вся группа командира корпуса остановилась как раз на опушке кустарника и точно ждала чего-то.

Очень скоро со стороны наблюдательного пункта показался Каледин. Его поддерживали под руки и почти несли ординарец поручик Скачков и какой-то казак артиллерист. Группа эта медленно приблизилась к нам. На снегу расстелили солдатскую шинель и положили на неё раненого. Каледин был очень бледен серо-землистой бледностью. На лице выступал крупными каплями пот. Вероятно, он сильно страдал, но сдерживался, разговаривал с командиром корпуса медленным, немного прерывающимся, голосом и даже пошутил с несколько терявшимся врачом, который осматривал его рану и накладывал перевязку.

В первый раз я слышал, чтобы он шутил.

Рана была неприятная. Шрапнельная пуля попала в ногу выше колена, пошла по кости и застряла около кости же, повредив надкостницу. В возрасте Каледина это было серьёзно.

Раненому пришлось пролежать на шинели с четверть часа, пока из головного уланского эскадрона не принесли носилок. При помощи одеял и шинелей постарались получше приспособить эти носилки, и четверо улан понесли раненого. Его несли как раз по той дороге, на которой стояли его эскадроны. У людей были серьёзные, грустные лица. Все думали о том, что-то теперь будет с дивизией... И всем было жалко и самих себя и раненого.

Каледина перенесли в Бабин, в штаб корпуса, помещавшийся в господском доме, и положили в комнате

командира корпуса. Снова приезжали врачи, осматривали, перевязывали.

Через несколько часов был подан обыкновенный легковой автомобиль, который по возможности приспособили для перевозки раненого, и автомобиль этот увёз от дивизии её начальника.

Трудно описать, как велика была для 12-ой кавалерийской дивизии утрата, понесённая в лице Каледина. Правда, победа не отлетела от неё и успех продолжал сопутствовать её штандартам, но это объясняется в значительной степени тем, что Каледин создал школу, дал метод, оставшийся жить в дивизии и после того, как сам он ушёл.

***

В день ранения Каледина, почти в тот самый момент, когда его ранили, была получена телеграмма с предложением ему временного командования корпусом. Ранение отсрочило получение корпуса, и только осенью, вернувшись в армию, Каледин оказался во главе своего же, этого же XII корпуса. Всю осень и зиму он был вдали от нас.

Но весной 1916 года, когда Каледин получил 8-ую армию, дивизия, только что пришедшая на Волынь, снова очутилась под его начальством.

Первой встречей был смотр, произведённый дивизии в последних числах марта. Уже немного оставалось участников галицийских побед Каледина: большинство их ушло на тот свет. Но вся молодёжь всё-таки знала Каледина, прониклась его неумирающими заветами, и дивизия всётаки оставалась Калединской. Вероятно, это чувствовал и сам полководец и говорил с дивизией как с родной.

В последовавшие дни подготовки Луцкого прорыва нам не пришлось часто видеть Каледина. Так же было и в дни самого выполнения прорыва. Но по тому, как велись бои, по тем сведениям, которые до нас доходили, дивизия чувствовала, что ею руководит всё тот же Каледин, не изменивший своей военной манеры.

Луцкий прорыв был последней большой победой России. Последовавшие за ним бои со стягивавшимися отовсюду германцами, кровавые полупобеды были уже началом паралича, в который постепенно впадала теряющая волю к борьбе армия.

И в этот период полупобед еще раз Каледин проявил свою могучую военную индивидуальность.

Это было в дни Шельвова и Корытницы, Затурц и Свинюхов, когда после кровавой Безобразовской неудачи на путях к Ковелю центр тяжести наших наступательных стремлений был перенесён дальше на юг, на Владимир-Волынское направление.

У Каледина были собраны блестящие, привыкшие к победам, полки, ему была передана гвардия.

Перед началом прорыва Каледин отдал приказ, в котором напоминал старым полкам 8-ой армии их недавние блистательные победы, а частям гвардии их исторические традиции.

Севернее Корытницкого леса есть резко выделяющаяся высота с большим обзором. Через неё проходила первая линия наших окопов, и на ней же был устроен наблюдательный пункт командующего 8-ой армией.

Каледин хотел видеть атакующие волны и хотел, чтобы волны атакующих войск видели его. Редкий случай в этой анонимной войне. Здесь, в сфере настоящей, а не дутой опасности, он наблюдал за боем и управлял им. Его видели волны штурмующих полков и дрались так, как надо драться.

Если прорыв не удался, если победа не увенчала огромного усилия 8-й армии, то не она и не Каледин виновны в том. Причины неудачи лежали в общих условиях борьбы за укреплённые полосы, борьбы, истинный метод которой лишь начинает выявляться. Причины неудачи лежали еще глубже, коренясь в той усталости армии и в том исчезновении воли к борьбе, которые годом позже привели к братанию и к торжеству большевизма.

Каледин же оставался самим собой, солдатом и пол-

ководцем. Он побеждал до тех пор, пока мыслимо было остаться непобеждённым.

***

Это воспоминания о днях боёв, о днях побед, но вспоминается один день, когда Каледин был не бойцом, а учителем и почти что пророком.

Это было глубокой карпатской осенью в ту пору, когда до Вены оставалось четырнадцать листов 1/50000 карты.

Еще не все победы оставались позади, ни одна надежда еще не была изжита, и ни грусти, ни стыду не приходилось еще спускаться на наши полки.

Каледин был на празднике 1-го эскадрона Белгородского полка. В самой просторной и всё же маленькой халупе Жукотина, полной народу, всё было так, как и положено быть на хорошем эскадронном празднике в хорошем эскадроне, на празднике, для которого рассылают и в Киев и в Одессу гонцев со всеми возможными удостоверениями, берут поваров со всего полка, и на котором в результате весело всем — и гостям и хозяевам.

Уже прошли все обязательные тосты, такие неизбежные и такие приятные. Прошла и официальная чара за начальника дивизии, и он отвечал — тоже официально.

А потом, после тостов за все полки, после песен про Збруч и про Руду, когда вся столовая была полна весёлым обеденным шумом, Каледин захотел говорить еще раз. Неофициально.

Спустилась тишина, тоже новая, но домашняя, не официальная. Каледин заговорил, не улыбаясь и серьёзный, как всегда — больше, чем всегда; и то, что он говорил своим ровным, медленным голосом, с большими паузами, было так же неулыбчиво и серьёзно. И сверх того — необычно.

Он говорил офицерам про то, что война еще далека от конца, что она еще только начинается. Говорил про

то, что главная тягота её еще впереди, впереди бои бесконечно более тяжёлые, чем те, что прошли, потери более кровавые, чем уже понесённые, и многих из тех, что сейчас сидят в этой халупе, не станет.

Каледин говорил про работу и про победы, которые заслуживаются, которые надо заслужить. Говорил про войну и еще про что-то смутное, чего он сам не мог точно назвать и чего мы не могли в то время понять.

Каледин говорил, и чувствовалось, что он не знает, заслужит ли победу Россия, заслужит ли её армия. Более того: что-то неуловимое, казалось, говорило о том, что он знает обратное, что отлетит победа и надвинется на тех, кто не будет к тому времени зарыт в галицийскую землю, нечто страшное и бесформенное.

В окно смотрел бессолнечный ноябрьский день и, казалось, его сероватый свет заглянул с неулыбчивыми словами генерала в души слушателей.

А было это в ту пору, когда впереди чудились только победы.

Но он, Каледин, видел лучше и знал то, чего другие не знали.»

Глава 7-ая

РАНЕНИЕ ГЕН. КАЛЕДИНА

В своём дневнике, офицер-ординарец штаба 12 кавалерийской дивизии, ротмистр В. К. Скачков, рассказывает об обстоятельствах, при которых в период ликвидации намечавшегося австрийцами прорыва нашей 8-ой армии у города Калуш был тяжело ранен ген. Каледин. Из его подробного описания воспроизведу здесь самое существенное.

2 февраля 1915 года австрийцы стали теснить наши части от Станиславова в направлении на г. Галич. 3 февраля 12-ая кавалерийская дивизия получила приказание командующего 8-ой армией ген. Брусилова немедленно идти в г. Калуш в распорояжение командира 2-го конного корпуса ген. Хана Нахичеванского. Прибывши в Калуш, дивизия застала там I-ую бригаду Кавказской Туземной дивизии ген. Крымова. Ген. Каледин едет в штаб ген. Крымова и сговаривается о совместных дальнейших действиях. Общая задача для 2-го конного корпуса была выйти во фланг австрийцам и, сбив их в районе Вистово-Беднарув, наступать в тыл Галичской группы неприятеля. Согласно возложенной на дивизию задаче, ген. Каледин с начальником штаба полковником ген. шт. фон-Валь и офицерами-ординарцами утром 15 февраля выехал к деревне Подгорки на боевой участок I-ой бригады Туземной дивизии. На пути ген. Каледин

встретил начальника разъезда и конного артиллериста, которые доложили, что дальнейшее продвижение по шоссе опасно, ввиду сильного обстрела с юга и юго-востока, на что ген. Каледин ответил: «Я думал, что вы доложите мне что-нибудь более интересное» и тронул своего «Наивного». Подъехав к деревне и остановившись у крайней избы, где находился телефон Туземной дивизии, ген. Каледин приказал всем спешиться. Ознакомившись с обстановкой и осмотрев мост через Ломницу, который был длиной около 300 шагов и завален трупами людей и лошадей, ген. Каледин приказывает вызвать из Калуша два эскадрона Ахтырцев. Когда Ахтырцы под командой ротм. Лермонтова подходили к деревне Подгорки, по ним был открыт убийственный огонь батареями противника, находившимися за высотой 380 у Вистово, а также ружейный и пулемётный огонь пехоты, занимавшей позицию на склоне высоты 265 — в 1500 шагах от деревни Подгорки.

Первая попытка эскадрона перейти мост не увенчалась успехом; гусары потеряли убитыми трёх гусар и ранеными двух офицеров и семь гусар. Ген. Каледин посылает поручика Скачкова в Калуш за батареей. Когда 4-ая Донская батарея под командой войск. ст. Антонова двигалась по шоссе к дер. Подгорки, она была обстреляна батареями противника и сразу лишилась половины состава лошадей, вследствие чего принуждена была остановиться. Казаки-артиллеристы пытались навести орудия по противнику, но следующие очереди батарей противника вывели из строя большую часть прислуги. Войсковой старшина Антонов при выборе позиции для батареи был ранен. 4-ая Донская батарея, лишившаяся командира, прислуги и лошадей, осталась на шоссе и только с наступлением темноты прибывшие люди и лошади вывезли орудия.

Когда дивизия втянулась в бой, для лучшего управления боем ген. Каледин со штабом пошёл к небольшой рощице на холме, где находился наблюдательный пункт конно-горной батареи. Австрийские батареи стали нащупывать наши батареи, которые с первых же очередей стали причинять им сильный урон. Заметив движение на

холме у рощицы, австрийцы начали сильно его обстреливать. Бой начал принимать жестокий и упорный характер. К ген. Каледину беспрерывно подъезжали ординарцы с донесениями. Холм и рощица превратились в сплошной ад; не было секунды, чтобы туда не ложились снаряды.

Ген. Каледин, стоя во весь рост, не отрывался от бинокля. При очередном разрыве шрапнели Каледин падает от сильного ранения в бедро. К нему подбегают оба его ординарца пор. Жовнер и пор. Скачков и относят его за гребень холма, где кладут на снег и посылают за доктором. Вскоре приходит старший врач дивизии Антоневич и делает перевязку. К ген. Каледину подходит командир корпуса ген. Хан Нахичеванский. Пересилив боль, Каледин делает ему доклад об общей обстановке, после чего раненого уносят, в сопровождении пор. Скачкова, с поля битвы. (В этом бою был ранен и доблестный командир 5-ой Донской батареи, кавалер Георгиевского оружия, войск. ст. Илья Г. Седов). В это время драгуны Стародубовцы и Оренбургские казаки подходят вплотную к железнодорожному полотну, переходят его и наступают на Вистово, а Белгородцы и Ахтырцы сбивают австрийцев у Беднарув и гонят их. Неприятель переходит в общее отступление, и 2-ой Конный корпус его преследует.

Намечавшийся прорыв австрийцами фронта 8-ой армии, которой командовал тогда ген. Брусилов, был ликвидирован Калединской 12 кав. дивизией, и за этот бой под Калушем Каледин был награждён орденом Св. Георгия 3-й ст. («Русский Инвалид», № 259 от 12 сентября 1915).

Командир 5-ой Донской батареи, войск. ст. И. Г. Седов, кавалер Георгиевского оружия, раненый в один ден с Калединым, рассказывает в № 42 «Военной Были»: когда он, раненый, телефонировал с наблюдательного пункта в батарею — «Командир батареи ранен, подъесаулу Кострюкову немедленно прибыть на наблюдательный пункт», генерал Каледин, стоявший под деревом в 30 шагах от Седова, услышал эти слова и спросил: «Кто ранен?» В ответ на: «Я, Ваше Превосходи-

тельство!» — Каледин разразился бранью, упрекая в том, что командиры батарей не принимают необходимых мер предосторожности, не окапываются, — сам же начальник дивизии, наблюдая в бинокль за ходом боя, стоял, **по обыкновению**, во весь рост у дерева на открытом месте.

Когда И. Г. Седов был доставлен в деревню Бабин, он услышал, как эскадроны 12-ой дивизии, стоявшие в резерве, кому-то отвечали: «Рады стараться, Ваше Превосходительство, покорнейше благодарим...» Фельдшера, выскочившие из халупы, сообщили, что только что пронесли раненого генерала Каледина...

Как видим из воспоминаний войск. ст. Седова, начальник дивизии, будучи тяжело раненым, нашёл в себе силы и счёл необходимым, преодолевая страдания, приветствовать своих соратников, поблагодарить и ободрить их, опечаленных разлукой с любимым вождём.

Мария Петровна и Алексей Максимович Каледины

Глава 8-ая

ПИСЬМА А. М. КАЛЕДИНА И К НЕМУ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К НАЧИНАЮЩЕЙСЯ СМУТЕ

В письме к жене с фронта в то время, когда имя Каледина, благодаря его блестящим победам, пользовалось уже широкой известностью не только во всей армии и России, но и заграницей, Алексей Максимович отвечает Марии Петровне на её сообщение о том, что в Новочеркасске его, героя Луцкого прорыва, уже называют будущим Донским Атаманом:

«Ты знаешь», пишет он, «как я всегда сердился, когда ты, еще до войны, начинала мечтать о моей карьере, повышении и т. д. Разве недостаточно того, что судьба нам послала? Не следует её искушать и говорить еще о чем-нибудь. Пишу тебе по поводу нелепых слухов, которые распространяют в Новочеркасске и о которых ты мне собщаешь — относительно всяких перемен. Ты знаешь, какое обострённое положение было у меня, а теперь в моей скромной роли * моё имя, сделавшее одно время всероссийский шум, очень скоро совершенно забудется. Я не буду в претензии, лишь бы Бог дал мне успешно выполнить мою задачу (даже маленькую) до

---

* Очевидно, ген. Каледин говорит о скромной роли Члена Военного Совета.

конца, и лишь бы был общий успех наших армий. Поэтому, дорогая, мечтай только об этом и, пожалуйста, не возмечтай, что твой муж какая-то особая птица, а ты, его жена, важная дама. Ну, вот тебе маленькая проповедь, короткая. Ты не будь в претензии, что я иногда стремлюсь стащить тебя с облаков, куда ты охотно забираешься!»

А. М. Каледин весь тут в этих, как всегда немногих, словах...

Если он несправедлив, то только по отношению к Марии Петровне, которой давно уже говорили со всех сторон, что её муж — «собственность государства и истории». Сколько скромности, сколько спокойствия и незлобивости, когда он — так, мимоходом — упоминает об «обостренном положении», о котором будет рассказано мною позже.

К глубокому сожалению, все письма Алексея Максимовича, вся его переписка, погибли в огне революции. Ничего не осталось... В нашем распоряжении имеется еще лишь одно письмо к нему одного из младших его сослуживцев по Новочеркасскому юнкерскому училищу. Автор письма — русский военный агент в Скандинавии. «Я ни на что жаловаться не могу, особенно на положение, но в душе сильно думаю о России и скучаю по ней. Здесь всё есть: самостоятельность, независимость, общественное, даже государственное, положение, но здесь нет того, к чему я привык со школьной скамьи — товарищей. Все милы, предупредительны, но со всеми надо иметь ухо остро: лишнего не скажи, будь всегда отменно любезен, хотя сознаёшь, что имеешь дело с человеком, до глубины души ненавидящим Россию — плохи наши дела... По всем швам всё порется и разлезается. Живя здесь, где нас не любят, над нами издеваются, смеются, строят козни, особенно Швеция, читаешь такие вещи, что волосы дыбом становятся. Даже если одна сотая правды, то и того довольно, чтобы сказать: плохо! Ой, как плохо! Что-то будет, чем-то всё окончится...»

Никаких других писем — ни А. М. Каледина, ни ему адресованных — нигде найти не удалось: всё погибло в лихолетье.

**
*

Ротмистр Скачков, ординарец при штабе Каледина, записывает в своём дневнике:

«Генерал Каледин крайне тяжело переживал надвигавшийся развал армии и фронта. Как человек исключительного ума, он предвидел развал армии и крушение России и старался сделать всё возможное, чтобы спасти свою армию, но не получил поддержки от штаба Юго-Западного фронта ген. Брусилова, посылавшего на фронт агитаторов.

Февральский переворот 1917 года и последующая политика Временного Правительства внесли невероятный сумбур, что докатилось и на фронт. Когда началось разложение и на фронте, ген. Каледин скорбел душой, крайне горячо воспринимая и переживая надвигающиеся события развала фронта. Он старался сделать всё, чтобы спасти свою победоносную армию, но не имел поддержки в этом вопросе от Главкома Ю. З. Появился совет солдатских комитетов, и митингующие ораторы начали, сначала в тылу, под флагом русских побед, разносить открыто пораженческие речи: «Без аннексий и контрибуций! Долой войну! Долой офицеров!»...

«В первых числах апреля 1917 года, под влиянием агитаторов, солдаты обозов штаба собрались у штаба комендатуры, требуя коменданта для ареста. Каледин идёт к зданию комендатуры. Его спокойная фигура проталкивается между солдатами. Крик, шум, бурные речи... Ген. Каледин поднимается на грузовик. Всё смолкло. Не спеша, ясно и громко Каледин заявил: «Пока я жив, вы коменданта не увидите... Стыдись, русский солдат, ныне свободный, по воле агитаторов связавший душу армии и честь России! Офицеров, которые, как и вы, не знали отдыха и умирали на полях сражений... Что вы хотите с ними делать?!.. Что вы будете без них делать? Марш по домам!» Все стали без шума спокойно расходиться.

Не прошло и десяти дней после этого случая, как из штаба Ю-З фронта прибыло 32 агитатора для пропаганды. Это крайне возмутило ген. Каледина и он приказал начальнику штаба до его приезда агитаторов никуда не пускать, а сам едет в Каменец-Подольск, в штаб фронта. Разговор с Брусиловым длился очень долго, так как Каледин настаивал на решении основного вопроса о недопущении пропаганды в армии, о пагубном влиянии работы солдатских комитетов и резко встал на защиту офицерской среды и её прав. Глубоко страдая за армию и не желая способствовать её развалу, Каледин закончил разговор словами: «Вчера я знал кому служу, сегодня не знаю».

Глава 9-ая

ОТЗЫВЫ О А. М. КАЛЕДИНЕ

По мнению ген. Н. Н. Головина, профессора Николаевской Академии Генерального штаба, Алексей Максимович Каледин — один из старших и лучших генералов Русской армии; высоко благородная личность, исключительно сильный человек, крупный государственный ум. Во время Брусиловского наступления в Галиции в 1916 году Каледину, командовавшему 8-ой армией, главным образом обязаны блестящей победой — он наносил главный удар. В этой грандиозной битве, продолжавшейся около четырёх месяцев и приведшей к захвату 430.000 пленных и занятию территории в 25.000 кв. километров, выявились в Каледине таланты крупного полководца.

Войск. ст. В. М. Горин рассказывает: «Это было весной 1916 года, когда ген. Каледин принял 8-ую армию. Наша 7-ая кавалерийская дивизия, в состав которой входил 11-й Донской казачий полк, стояла в армейском резерве в районе г. Ровно.

Вскоре по принятии армии ген. Каледин произвёл инспекцию всем своим частям, как находившимся на передовых позициях, так и стоявшим в резерве.

Утром наша дивизия была построена в поле для встречи Командующего Армией. Ген. Каледин объехал все полки и батареи дивизии, тщательно знакомясь с состоянием всех частей и обращая особое внимание на обмундирование, конский состав и строевую подготовку. Отъехав затем с своим штабом на некоторое расстояние от частей дивизии, он остановился на небольшой возвышенности. По сигналу трубача все офицеры дивизии прискакали к генералу и стали перед ним полукругом. Его представительная фигура на красивом статном коне резко выделялась среди офицеров его штаба. Спокойным, твёрдым и уверенным голосом, отчеканивая каждое слово, генерал обратился к собравшимся офицерам с речью. Сперва он поблагодарил Начальника дивизии ген. Рерберга и командиров бригад, а также и всех командиров частей за отличное состояние и боевую подготовку полков и батарей. Не позабыл он в своих похвалах и чинов младшего командного состава, подчеркнув, что именно на них лежит вся тяжесть войны. Осветив потом положение, создавшееся на фронте его армии после нашего беспрерывного отступления в 1915 году, он закончил речь словами: «Господа! Вы скоро увидите, как обстановка на фронте резко изменится и неприятель будет разбит и уничтожен!»

Эти слова — предсказание ген. Каледина — особенно запомнились многими из нас и часто впоследствии были предметом обсуждения и разговоров.

И, действительно, подготовив и блестяще выполнив Луцкий прорыв, в котором приняла участие и наша дивизия, Каледин разбил противника, и мы всё время преследовали его, а он бежал от нас в паническом страхе. Мы видели бесконечные ряды проволоки, укреплённые по последнему слову техники, окопы в три ряда на фронте противника, но всё это смела и разметала ураганным огнём наша славная артиллерия, проделав бреши, через которые неустрашимая пехота штыковой атакой на большом протяжении фронта выбила неприятеля из его укреплений.

Полным разгромом австрийцев закончилась славная Луцкая операция генерала Каледина, принёсшая нам огромные трофеи и выдвинувшая дальновидного генерала в первые ряды выдающихся полководцев, создавших честь и славу Русскому оружию».

Приехав в конце 1917 года в Новочеркасск, А. И. Деникин в двадцатых числах ноября явился с визитом к Атаману. В томе 2-ом своих «Очерков Русской Смуты» он пишет об этом посещении и об А. М. Каледине: «Направился к Каледину, с которым меня связывали давнишнее знакомство и совместная боевая служба.

В Атаманском дворце пустынно и тихо. Каледин сидел в своём огромном кабинете один, как будто придавленный неизбывным горем, осунувшийся, с бесконечно усталыми глазами. Не узнал... Обрадовался.., Очертил мне вкратце обстановку: власти нет, силы нет, казачество заболело, как и вся Россия. Крыленко направляет на Дон карательные экспедиции с фронта. Черноморский фронт прислал ультимативное требование «признать власть за советами рабочих и солдатских депутатов». В Макеевском районе объявлена «Донецкая социалистическая республика». Вчера к Таганрогу подошёл миноносец, несколько траллеров с большим отрядом матросов, траллеры прошли гирла Дона и вошли в Ростовский порт. Военно-революционный Комитет Ростова выпустил воззвание, призывая начать открытую борьбу против «контр-революционного казачества». А Донцы бороться не хотят. Сотни, посланные в Ростов, отказались войти в город. Атаман был под свежим еще, гнетущим впечатлением разговора с каким-то полком или батареей, стоявшими в Новочеркасске: казаки хмуро слушали своего Атамана, призывавшего их к защите казачьей земли. Какой-то наглый казак перебил: «Да что там слушать! Знаем, надоели...» и казаки просто разошлись... Два раза был еще у Атамана с Романовским — никакого просвета, никаких перспектив. Несколько раз при мне Атамана вызывали к телефону, он выслушивал доклад, отдавал распоряжение спокойным и теперь каким-то бесстрастным голосом и, положив трубку, повернул ко мне своё угрюмое лицо со страдальче-

ской улыбкой: «Отдаю распоряжения и знаю, что почти ничего исполнено не будет. Весь вопрос в казачьей психологии. Опомнятся — хорошо, нет — казачья песня спета...»

Каледина я знал еще до войны по службе в Киевском военном округе — знающий, честный, угрюмый, настойчивый, быть может упрямый.

Каледин командовал в первые месяцы войны 12-ой дивизией — успех за успехом дал имя и дивизии и её начальнику. В победных реляциях Юго-Западного фронта всё чаще и чаще упоминались имена двух кавалерийских начальников — только двух — конница в эту войну перестала быть «царицей поля сражения» — графа Келлера и Каледина, одинаково храбрых, но совершенно противоположных по характеру: один пылкий, увлекающийся, иногда безрассудный, другой — спокойный и упорный. Оба не посылали, а водили в бой свои войска, но один делал это — вовсе не рисуясь, это выходило само собой — эффектно и красиво, как на батальных картинах старой школы, другой — просто, скромно и расчётливо. Войска обоим верили и за обоими шли. Неумолимая судьба привела к одинаковому концу: оба, следуя разными путями, в последнем жизненном бою погибли на «проволочных заграждениях, оплетённых дикими парадоксами революции».

Наши встречи с Калединым носили эпизодический характер, связаны с воспоминаниями о тяжких боях и могут дать несколько характерных чёрточек к его биографии. Помню встречу под Самбором, в предгорьях Карпат, в начале октября 1914 г. Моя 4-ая стрелковая бригада вела тяжёлый бой с австрийцами, которые обтекали наш фронт и прорывались уже долиной Кобло в обход Самбора. Неожиданно на походе встречаю Каледина с 12-ой кавалерийской дивизией, получившей от штаба армии приказание спешно идти на восток, к Дорогобычу. Каледин, узнав о положении, не задумываясь ни минуты пред неисполнением приказа крутого Брусилова, остановил дивизию до другого дня и бросил в бой часть своих сил. По той быстроте, с которой дви-

нулись эскадроны и батареи, видно было, как твёрдо держал их в руках начальник.

В конце января 1915 года судьба позволила мне уплатить Самборский долг. Отряд Каледина дрался в горах на Ужгородском направлении, и мне приказано было усилить его, войдя в подчинение Каледину. В хате, где расположился штаб, кроме начальника отряда собрались командир пехотной бригады ген. Попович-Липовац и я со своим начальником штаба Марковым. Каледин долго, пространно объяснял нам манёвр, вмешиваясь в нашу компетенцию, делал указания не только бригадам, но даже батальонам и батареям. Когда мы уходили, Марков сильно нервничал: «Что он — за дураков нас считает?» Я успокоил его, высказав предположение, что разговор относился преимущественно к Липовацу — храброму черногорцу, но малограмотному генералу. Дня через два приезжает из штаба отряда офицер генерального штаба — «ознакомиться с обстановкой»... «Это — официально», говорит он мне —«а неофициально — хотел доложить по одному деликатному вопросу. Вы не сердитесь, генерал всегда так вначале недоверчиво относится к частям, пока не познакомится. Теперь он очень доволен действиями стрелков — поставил вам задачу и больше вмешиваться не будет».

Каледин не любил и не умел говорить красивых возбуждающих слов. Но когда он раза два приехал к моим полкам и посидел на утёсе, обстреливаемом жестоким огнём, спокойно расспрашивая стрелков о ходе боя и интересуясь их действиями, этого было достаточно, чтобы возбудить их доверие и уважение...

Май 1916 г. застаёт Каледина в роли Командующего 8-ой армией. Приехавши на позиции моей дивизии, он, как всегда угрюмый, тщательно осмотрел боевую линию, не похвалил и не побранил, а уезжая сказал: «Верю, что стрелки прорвут линию». В его устах эта простая фраза имела большой вес и значение для дивизии.

В конце мая началось наступление всего фронта, увенчавшееся огромным успехом, доставившее новую славу и Главнокомандующему Брусилову и генералу

Каледину. Армия Каледина разбила наголову 4-ую австрийскую армию Линзингена и в девять дней с кровавыми боями проникла на 70 верст вперед. На фоне общей героической борьбы не прошла бесследно и боевая работа 4-ой стрелковой дивизии, которая на третий день после прорыва австрийских позиций у Олыки ворвалась уже в Луцк». (Начальник этой дивизии ген. Деникин за взятие Луцка получил бриллиантовое Георгиевское окружие. **Н. М.**) Ген. Каледин имел мужество и не исполнять приказа высшего начальства, явно неосуществимого, требовавшего неисчислимых жертв человеческими жизнями. Ген. Деникин рассказывает такой случай, когда Командующий фронтом Брусилов настойчиво требовал возобновления безнадёжных штурмов. «Новый штурм, новые ручьи крови... и полный неуспех». Когда Каледин получил новый приказ Брусилова «продолжать выполнение задачи» и вынужден был отдать соответствующий приказ по своей армии, он, «через несколько часов — пишет А. И. Деникин — «прислал в дополнение к официальному приказу частное разъяснение, сводившее всё общее наступление к затяжным местным боям, имевшим характер исправления фронта».

«В первый раз, вероятно, суровый и честный солдат обошёл кривым путём подводный камень воинской дисциплины» — говорит ген. Деникин. «Когда вспыхнула революция и в армию хлынули потоком роковые идеи «демократизации», Каледин органически был не в состоянии не только принять «демократизацию», но даже подойти к ней. Он резко отвернулся от революционных учреждений и еще глубже ушёл в себя. Комитеты выразили протест, и Брусилов, который, как это ни странно (пишет Деникин), обязанный всей своей славой 8-ой армии, почти два года пробывший во главе её, испытывал какую-то, быть может безотчётную, ревность к своему заместителю,—заявил в середине апреля 1917 г. Верховному Главнокомандующему Алексееву, что «Каледин потерял сердце и не понимает духа времени, его необходимо убрать. Во всяком случае, на моём фронте ему оставаться нельзя». Вновь назначенный Главно-

командующий Румынского фронта генерал Щербачев согласился было предоставить Каледину 6-ую армию вместо Цурикова, окончательно запутавшегося в демагогии, но по требованию комитетов Цуриков был оставлен. Тогда я, будучи весною начальником штаба Верховного, предложил Каледину 5-ую армию на Северном фронте и вошёл в соответственные сношения по этому поводу. Но генерал Драгомиров отстаивал своего кандидата — Юрия Данилова, Верховный не поддержал меня, и для ген. Каледина, давшего армии столько славных побед, не нашлось больше места на фронте: он ушёл на покой в Военный Совет.

Приехав на Дон, Каледин, после неоднократных отказов (выставить свою кандидатуру на пост Донского Атамана), в конце концов согласился и был избран 18 июня огромным большинством голосов Войскового Круга. Власть он принял, как тяжёлый крест.

Русский патриот и Донской Атаман! «В этом двойственном бытии», пишет А. И. Деникин в своих «Очерках Русской Смуты» — «трагедия жизни Каледина и разгадка его самоубийства. Этот, всей революционной демократией и тёмной толпой подозреваемый, уличаемый и обвиняемый, человек проявлял такую удивительную лояльность, такое уважение к принципам демократии и к воле Казачества, его избравшего, как ни один из вождей революции. В этом было его моральное оправдание и политическое бессилие. Он мыслил и чувствовал, как русский патриот, жил в эти месяцы, и работал, и умер, как Донской Атаман. Каледин ставил себе государственные задачи так же ясно, как Алексеев и Корнилов и не менее страстно, чем они, желал освобождения страны. Но в то время, когда они, ничем несвязанные, могли идти на Кубань, на Волгу, в Сибирь — всюду, где можно было найти отклик на их призыв, Каледин — выборный Атаман, отнесшийся к своему избранию, как к некоему мистическому предопределению, кровно связанный с Казачеством и любивший Дон, мог идти к общерусским национальным целям только вместе с Донским Войском, только возбудив в нём порыв, подняв чувство, если не государственности, то по край-

ней мере самосохранения. Когда пропала вера в свои силы и в разум Дона, когда Атаман почувствовал себя совершенно одиноким, он ушёл из жизни.

Ждать исцеления Дона — не было сил».

***

Генерал П. Н. Краснов, избранный на пост Донского Атамана после самоубийства А. М. Каледина и расстрела А. М. Назарова, в одной из своих речей, произнесённых в заседании Войскового Круга, говоря о ген. Каледине, выразился так: «и загорелась на Юге звезда — выборный Донской Атаман А. М. Каледин сказал своё веское слово, и пронеслось оно от края до края Земли Русской и вселило надежду: еще живы, мол, казаки! Гулким эхом раздался по Донской Земле Калединский выстрел и пробудил совесть казачью...»

Самый близкий сотрудник Атамана, Помощник, или, по официальному наименованию, Товарищ Войскового Атамана Митрофан Петрович Богаевский в своей речи на Малом («Назаровском») Войсковом Круге 6 февраля 1918 года, незадолго до своей мученической смерти, говорил (цитирую по отрывкам речи, записанным депутатом 4-го Круга, студентом Донского Политехнического Института А. Павловым. Н. М): «Я имел несчастье или счастье поверить в Казачество, в его бытовые устои, в устои государственности. Шесть месяцев я стоял около величайших русских людей. Много я видел и многое я понял... Алексей Максимович сказал: пришёл я с чистым именем, а уйду с проклятием». Прокляла Каледина молодёжь казачья (М. П. Б. имел ввиду, конечно, фронтовиков. Н. М.), а в контр-революции Алексей Максимович чист, как никто из тех, кто его упрекал в контр-революции. Войсковые Круги выносили решения, что Казачество идёт своими путями, и Атаман выполнял волю Круга... Алексей Максимович был человеком большого ума и здравого смысла.»

В своём «Ответе перед историей» Митрофан Петрович Богаевский писал: «Все, кто знал Каледина, могут подтвердить, насколько он был самостоятельным и

твёрдым человеком. Он был с большой волей, переходившей в упрямство... За всеми политическими делами он следил очень зорко, к новым людям присматривался внимательно и относился крайне осторожно. Влияние его на Казачество было очень велико, и с его голосом считались всегда. Не я оказывал на него влияние, а он оказывал его на меня, и на Кругах были случаи, когда мне приходилось выступать по его указанию».

По поводу избрания Каледина Войсковым Атаманом Митрофан Петрович говорил: «Ему поверили потому, что это был не только генерал с громкой боевой славой, но и безукоризненно честный и безусловно умный человек». В заседании Малого Назаровского Круга М. П. Б. говорил: «На мою долю выпало счастье работать с одним из великих русских людей нашего времени. Да, великих! Когда Алексея Максимовича выбрали Атаманом, многие боялись этого избрания; говорили: это боевой генерал, как бы он нас не вернул к старому строю. По всей России, да не только России — по всему свету пошло имя Каледина. Не только боевой генерал, но и честный человек, знающий дело, видный администратор, герой войны, раненый, заслуженный. Все его знали, все к нему шли. Да когда нужно было — о нём забыли. И ушёл он от нас. С проклятием ушёл. Говорили, что Атаман — контр-революционер. Да и многое такое говорили. Никто доподлинно не мог сказать, в чём выразилась эта контр-революционность. Но говорили. Говорили и верили. Всё это была ложь. Никаких контр-революционных замыслов у него не было. В этом отношении, как и во всём, что он делал, он был чист. И едва ли кто из молодых может похвалиться, что и он так же чист, как был чист Атаман Каледин. Ведь на Круге его единогласно переизбрали. Весь Круг, за исключением каких-нибудь тридцати человек, оказал ему доверие. А на Круге, знаете, участвовали и фронтовики. На последнем Круге, когда переизбирали Атамана (Каледин подал в отставку после освобождения Ростова от большевиков — после «пролития крови». Н. М.), фронтовиков было не меньше полутораста: значит, свыше ста фронтовиков голосовало за Атамана Каледина».

Вокруг имени нашего покойного Атамана распускались самые нелепые, самые фантастические слухи. Враги Казачества говорили, что у Алексея Максимовича тридцать тысяч десятин земли. Говорили, что и у меня имеется, ни много-ни мало, как шесть тысяч...

Кто видел Каледина в последние дни, тем понятно, почему он был сумрачен и почему на душе у него было уныние. Ненавистно было имя Каледина не только в России, но и на Дону... «Я уйду от власти», заявил Кругу Алексей Максимович, но Круг упросил его остаться.

Программа Каледина не могла иначе определиться, как программа старого казака, к тому же и военного — служилого. Он был образованным и умным человеком и потому в нём обнаружился высокосознательный гражданин и народный патриот прежде всего России, а потом уже Дона. Настойчиво подчёркиваю характерную черту Каледина в политическом его кругозоре: он был решительным противником федеративных стремлений некоторых групп, считая их запоздалыми мечтами. В этом вопросе мы были с ним вполне согласны и в своей работе никогда не стремились порвать тесные связи с Россией, ибо твёрдо верили, что без СВОБОДНОЙ РОССИИ никогда не будет ВОЛЬНОГО ДОНА. Устраивая у себя демократический строй, мы думали способствовать укреплению порядка и в остальной России, с которой мы неразрывно связывались Учредительным Собранием, воле которого считали своей обязанностью подчиниться».

Наш большой талантливый Донской журналист. В. А. Краснушкин, писавший на Дону под псевдонимом Виктора Севского, редактор «Донской Волны», расстрелянный большевиками, писал в Ростовской газете «Приазовский Край» через полгода после смерти А. М. Каледина: «Теперь, когда его нет, когда есть свидетельские показания, записки современников и исторические документы, повернётся ли у кого язык бросить упрёк Каледину мёртвому, но живущему в умах и сердцах честных? Не «белый генерал», а гражданин в белой тоге независимости мысли. Гражданин, каких мало. Россия гибнет потому, что нет Калединых».

Советский военный историк полк. Рождественский в своей книге «Луцкий прорыв» рекомендует «командному и начальствующему составу Красной армии» изучать действия Командующего 8-й армией. «Двадцать два года», пишет Рождественский в 1938 году, «отделяют нас от Луцкого прорыва, вписавшего одну из СЛАВНЕЙШИХ страниц в ИСТОРИЮ РУССКОЙ АРМИИ (курсив мой. Н. М.). НЕОБХОДИМОСТЬ тщательного иузучения... не требует особых доказательств». Атака 8-й армии на участке главного удара «была блестяще подготовлена и так же блестяще выполнена». «Артиллерийская и инженерная подготовка была произведена с тщательностью, НЕОБЫЧНОЙ ДЛЯ РУССКОГО ВЫСШЕГО КОМАНДОВАНИЯ... РЕЗУЛЬТАТЫ НАСТУПЛЕНИЯ ПРЕВЗОШЛИ ОЖИДАНИЯ» (курсив мой. Н. М.).

**
*

Ген. Свечин — командир Кирасир Её Величества, позднее — командир I Кавалерийского корпуса пишет:

«Находясь в столице Донской Области, я явился к Атаману А. М. Каледину в его приемные часы. В то время в Новочеркасск прибывало немало людей, и Атаман принимал всех, желающих ему представиться и повидать. На приемах бывало много представляющихся и Атаман, войдя в залу, обходил пришедших. Мне раньше не приходилось встречаться с Калединым, но, конечно, я знал о его блестящих действиях на войне и о нем, как о решительном, знающем, образованном и деятельном начальнике, проделавшем войну от Начальника дивизии до Командующего армией. Я стал в общей группе и, когда Атаман подошёл ко мне, назвал свой чин и фамилию. Атаман прислушался к моему имени и просил, по окончании им обхода, зайти к нему в кабинет.

Когда я вошёл в кабинет, мне сразу бросилась в глаза его строгая, печальная задумчивость; как будто бы его мысли были где-то далеко.

Я предложил Атаману, если буду нужен, свою помощь и просил информировать меня об обстановке.

Он задумался и потом, не торопясь, высказал:

«Нетрудно очертить тяжёлое положение, в котором мы находимся. Всем известно, что мы окружены надвигающимися на нас карательными отрядами, но нужно вникнуть в психологию казаков в переживаемое время. Вот с месяц назад, я объезжал все округа Области; все меня радушно, не только наружно, но искренно, приветствовали, а теперь, когда я призываю к защите Края от надвигающейся на нас грозы, мои распоряжения не выполняются. Возвращаются с фронта наши казачьи части, приходят к нам, как будто в порядке, со своими офицерами, но тотчас расходятся по своим станицам, не желая принять участия в защите. Вот и разберись в причинах: не то усталость от тяжёлых переживаний на войне — хочется домой; не то уверенность, что большевики оставят их спокойно жить в хуторах и станицах; непонимание сущности захватившей Россию власти, которая захлестнёт их так же, как всю страну. Между тем нельзя пропустить время: что нам возможно сейчас, то будет трудно, если не невозможно, потом, когда сама власть установится, организуется, сформирует вооружённую силу для направления на нас».

Он замолчал. Не зная, можно ли мне дольше занимать время Атамана, я, чтобы прервать наступившее молчание, обратился с вопросом:

«А всё же газетные листки, продающиеся на улицах города, описывают и теперь подвиги частей на подступах к городу, отбивающих напор красных банд».

«Так ведь это же — горсточки мужественных людей, в большинстве молодёжи, чуть ли не детей», с горечью ответил Каледин, «почти каждый день мне приходится провожать в лучший мир убитых юных партизан. Фронтовые же казаки отсутствуют, хотя старики-казаки и стыдят их...»

Я встал, чтобы откланяться. На прощанье Атаман сказал:

«Сейчас не могу воспользоваться вашим предложением о помощи, но если обстановка изменится, то без-

условно обращусь и воспользуюсь вашим опытом и знаниями».

Мы распрощались. На меня всё это произвело грустное впечатление. Каледин глубоко переживал драму, происходящую в душах казаков. Вместе с тем ему хотелось верить и он знал, что болезнь кончится, что близкие ему по сердцу, родные ему по крови Донцы отрезвяться, но его тревожил вопрос — когда это произойдёт? Сколько времени понадобится на выздоровление? Не будет ли поздно, когда большевики окрепнут...»

ЧАСТЬ 2-ая

А. М. КАЛЕДИН — ДОНСКОЙ АТАМАН.

Донской Атаман ген. А. М. Каледин

Глава 1-ая

КАЛЕДИНСКИЙ ПЕРИОД ДОНСКОЙ ИСТОРИИ, КАК ОН ЗАПЕЧАТЛЕЛСЯ В МОЕЙ ПАМЯТИ КО ДНЮ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ СО ДНЯ КОНЧИНЫ АТАМАНА

Перефразируя широко известные слова поэта о Москве, мне хочется то же сказать и об Алексее Максимовиче: Каледин! Как много в этом слове для сердца нашего слилось, как много в нём отозвалось...

Наша гордость, наше знамя...

Прежде всего, ЧЕЛОВЕК — с большой буквы, в полном благородно и гордо звучащем значении этого слова, человек высокой культуры духа, широких взглядов и такой же терпимости, мудрый деятель государственного масштаба, чуждый рутины и трафаретов.

Идейный вождь не одного только Войска Донского, но и всего Казачества, всех двенадцати Казачьих Войск Европейской России, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока.

Никем не превзойденный вождь Русской армии периода Первой Мировой войны, талантливый, гениальный полководец, одержавший самую большую победу на Восточно-Европейском фронте, герой Луцкого прорыва, вписавший славнейшую страницу в историю Русской армии.

Безукоризненный конституционный Глава старейше-

го Войска Донского, пример и образец выборного Войскового Атамана.

«Гражданин в белой тоге независимости мысли. Гражданин, каких мало. Россия гибнет потому, что нет Калединых...» — так охарактеризовал его в 1918 году, через полгода после смерти Атамана, В. Севский-Краснушкин, через два года расстрелянный большевиками.

Первая моя встреча с А. М. Калединым была не из приятных. Выдержав осенью 1906 г. государственные экзамены при Московском Университете, я поспешил в Новочеркасск, чтобы к 1-му января зачислиться в один из Донских полков: в качестве вольноопределяющегося 1-го разряда мне предстояло отслужить один год в полку по моему выбору. В Новочеркасске, в семье сестры, я узнал, что недавно вольноопределяющийся, окончивший Лесной Институт, отбывал воинскую повинность, с разрешения высшего начальства, не в полку, а в отдельной сотне, стоявшей в Новочеркасске. Перспектива бывать в свободное от службы время в семье родных меня соблазнила, и я написал соответствующее прошение на имя Наказного Атамана, указав, как на мотив, на существование в Новочеркасске хорошей библиотеки, необходимой мне для научной работы при получении от Университета диплома 1-ой степени. Когда в приёмной Атаманского дворца, обходя просителей, ко мне подошёл Наказный Атаман кн. Одоевский-Маслов и я изложил вкратце содержание подаваемого ему прошения, сопровождавший Атамана незнакомый мне полковник, принимая от князя моё прошение, сказал ему, что многие наши полки стоят в больших городах, где имеются библиотеки, более богатые, чем в Новочеркасске. Было ясно, что просьба моя будет отклонена, и когда на следующий день я пришёл в Войсковой Штаб за ответом, ко мне вышел этот самый полковник, объявивший, что на моём прошении Атаманом положена резолюция отрицательного характера и что я должен не позже 31-го декабря явиться в избранный мною полк. Считая виновником моей неудачи этого полковника, я посмотрел на него с недобрым чувством и, выходя, спросил у остававшегося в приёмной обер-офицера, как фамилия

полковника, разговаривавшего со мной, и тот ответил: помощник Начальника Войскового Штаба, полковник генерального штаба Каледин.

Это было в декабре 1906 г... Прошло десять лет, — и в мае 1917 года я снова увидел Каледина.

Когда произошла февральская революция, казачество, никогда не знавшее крепостного права, привыкшее к самоуправлению, в своём быту осуществлявшее когда-то равенство и братство, не опьянело от свободы; оно трезво расценило её — в применении к условиям своей казачьей жизни — как реальную возможность и право возродить древние «вольности» свои, отобранные в 1709 году Императором Петром Первым, и быстро воплотило их в жизнь, после перерыва более, чем в двести лет, воссоздав былое народоправство, сумев сочетать свободу с порядком и новое с тем самым лучшим, что было светлого в прошлом. Идея народоправства никогда не умирала на Дону, — приглушённая, придушенная внешней силой, она, как огонёк, всегда тлела под пеплом, и этот огонёк при первом дуновении ветра вспыхнул ярким пламенем.

Уже в марте 1917 года собрались в Петербурге полномочные представители всех существовавших тогда в Европейской России, Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке двенадцати Войск и на Общеказачьем Съезде учредили Совет Союза Казачьих Войск, а в следующем месяце, в апреле, начал свою работу первый Донской Казачий Съезд.

Работа шла быстро и продуктивно. Без долгих разговоров, не разбрасываясь, Съезд наметил себе всего лишь две задачи: 1) выработать основные начала нового устройства Дона, 2) поставить на надлежащее место организовавшийся в первые дни революции Донской Исполнительный Комитет, который, не считаясь с хозяином Земли Донской — казачьим населением, успел захватить в свои руки управление всем Краем, присвоив себе даже право избрания Атамана.

По пункту первому — Съезд единогласно признал необходимым восстановить седую старину — Войсковой Круг и Выборного Войскового Атамана, поручив остав-

ленному в Новочеркасске временному Исполнительному Комитету Съезда организовать и провести выборы в Войсковой Круг и подготовить для Круга проекты необходимых законов. По пункту второму вопрос решен был быстро: от организованности и спайки Донского казачества веяло такой силой, сила эта так импонировала, что через несколько дней после начала работ Съезда президиум Донского Исполнительного Комитета по требованию Казачьего Съезда уже давал свои объяснения, а избранный им в первые дни марта Временный Атаман просил Съезд о подтверждении его атаманских полномочий.

Казачий Комитет выработал Инструкцию по выборам в Войсковой Круг и сейчас же приступил к самым выборам, и во второй половине мая в Новочеркасске уже собрались надлежащим образом уполномоченные избранники народа.

Под председательством М. П. Богаевского начал свою работу местный парламент — Круг и с первых же дней глубоко задумался над вопросом: кого поставить на высокий пост первого выборного Атамана Войска. Деловая работа кипела в комиссиях, избранных Кругом, и в заседаниях округов, президиум же Круга занялся выяснением возможных кандидатур на высокий пост Атамана, наводил справки, вёл переговоры и... приходил в смущение от слишком большого количества выдвигаемых депутатами кандидатов: их насчитывалось уже около двадцати... Пожилые члены Круга вспоминали добром оставивших добрую память своих начальников времён действительной службы, ставших уже полковниками и генералами, называли и штатских. Совещания по округам показывали, что голоса на Круге разобьются и авторитетного Атамана мы не получим, а между тем вся обстановка требовала поставить во главе старейшего Донского Войска человека сильного, опирающегося на общее доверие, за которым пошло бы всё Войско Донское. Момент был тревожный, президиум Круга нервничал...

Я никогда не забуду сияющего лица нашего председателя, Митрофана Петровича Богаевского, когда он

однажды, сильно запоздав на заседание президиума, быстрыми шагами вошёл в зал заседания и возбуждённым голосом заявил:

«Извините, господа, за опоздание... Знаете, у кого я задержался? Приехал генерал Каледин... Вот человек, вокруг которого объединятся Донцы!»

Выяснилось, что Каледин в Новочеркасске проездом по пути в Кисловодск, где думает отдохнуть и подлечить свою рану, и о кандидатуре своей на пост Атамана и слышать не хочет: он уже пережил на фронте развал армии и видел моральное падение человека...

На другой день имя Каледина было у всех на устах — и у членов Войскового Круга, как у «стариков», так и у фронтовиков, и во всём городе, и в печати... Со всех сторон слышалось только одно: «Лучшего Атамана не найти». Других кандидатов уже не называли — все отпали, как по мановению волшебного жезла. Со всех сторон повели атаку на будущего Атамана, но он не сдавался. Долго ломали волю А. М. Каледина, пока, наконец, не нашли его «Ахиллесову пяту» — уязвимое, слабое место человека, для которого долг и честь и любовь к Родине превыше всего, выше покоя, здоровья и жизни... Стали убеждать и доказывать, что во имя интересов родного Дона он не имеет права отказываться в трудную минуту, что долг его, как казака, обязывает его согласиться на баллотировку, ибо только на нем — и ни на ком другом — может объединиться весь Дон.

Помогло и другое. Часто присутствуя в качестве гостя на заседаниях В. Круга, где обращали на себя внимание спокойное достоинство, сознательная дисциплина и порядок, вслушиваясь в речи ораторов — и представителей Донской интеллигенции и рядовых станичников — выступления которых, без громких фраз и позы, были проникнуты здоровым государственным смыслом, стремлением созидать, а не разрушать, — генерал Каледин поверил в политическую зрелость казачества, которая, в отличие от крестьянской массы, несмотря на всю сложность созданной революцией обстановки, поможет ему разобраться в ней и не допустить того, что

случилось на фронте, — и Алексей Максимович согласился...

Те овации, которыми герой Луцкого прорыва был встречен на Круге, когда он выступил на трибуне с кратким приветствием Войсковому Кругу, не оставляли никаких сомнений относительно результатов предстоявших выборов. Только среди депутатов северных—Усть-Медведицкого и Хопёрского — округов замечалось некоторое смущение: наиболее радикально из них настроенные побаивались «царского генерала», высказывая опасение, что в дальнейшем ходе революции он не захочет или не сумеет в трудную минуту отстоять казачьи «вольности», если им будет грозить опасность. Представители остальных округов убедили северян, что интересы Дона требуют, чтобы будущий Атаман был избран подавляющим большинством голосов.

Все остальные кандидатуры отпали сами собой, и Алексей Максимович баллотировался один, получив 18 июня 1917 года из семисот (приблизительно) свыше шестисот голосов. Голосовали против или воздержались — надо думать, так как голосование было тайным — небольшая группа непримиримых северян и такая же группа представителей войсковых частей, находившихся на фронте и в пределах Дона.

«Православный Тихий Дон» и за всё время революции и в период ожесточённой борьбы с большевиками никогда не порывал со своими дедовскими обычаями и каждое важное событие в своей жизни ознаменовывал торжественным молебствием.

Несколько сот членов Войскового Круга, при огромном стечении народа, в торжественной процессии направились в Войсковой Собор, на площади которого воздвигнуты памятники Ермаку и Бакланову. Возглавлял шествие новый Атаман, впервые после двухсотлетнего перерыва свободно избранный своими Донцами. Алексей Максимович, имея в руках древний пернач, шёл осенённый старинными бунчуками, а впереди процессии колыхались знамёна Отечественной войны; депутаты «старики» несли регалии, вынесенные из Донского Музея.

После молебна, перед парадом войскам, со специально воздвигнутой трибуны народу было объявлено об избрании Войскового Атамана. Член Войскового Круга Н. Д. Дувакин, обладавший сильным голосом, прочитал с трибуны грамоту следующего содержания (воспроизводится по новой орфографии):

«Грамота от Первого Войскового Круга всего Великого Войска Донского избранному вольными голосами Войсковому Атаману, нашему природному казаку, генералу и Георгиевскому кавалеру,

Алексею Максимовичу Каледину.

По праву древней обыкновенности избрания Войсковых Атаманов, нарушенному волею царя Петра I в лето 1709 и ныне восстановленному, избрали мы тебя нашим Войсковым Атаманом.

Подтверждая сею грамотою нашу волю, вручаем тебе знаки Атаманской власти и поручаем управление Великим Войском Донским в полном единении с членами Войскового Правительства, выбранными также вольными голосами Войскового Круга. Руководством к законному управлению в Войске нашем должны служить тебе, Атаман наш, постановления, утверждённые Войсковым Кругом, в соответствии с общегосударственными законами.

Грамота сия дана в городе Новочеркасске в 1917 году июня 18 дня. Утверждена нашими подписями и приложением Войсковой печати.

Председатель Войскового Круга Митрофан Богаевский. Товарищи Председателя Круга Александр Бондарев, Василий Бирюков, Павел Агеев, Николай Мельников, Василий Васильев.

Секретари Круга Иван Никитин, Аполлон Левочкин, Павел Зимовнов, Константин Попов.

Уполномоченные депутаты Круга Василий Косоротов, Петр Лошкобанов, Иосиф Богачёв, Матвей Савостьянов, Иван Пономарёв, Андрей Зенкин, Абуша Сарсинов.

Распорядитель Войскового Круга, подъесаул Василий Васильевич Пузанов.»

***

После оглашения грамоты стоявший рядом с Атаманом Председатель Круга М. П. Богаевский громко провозгласил:

«ВОЙСКО ДОНСКОЕ ПОСТАНОВИЛО СЧИТАТЬ ТЕБЯ СВОИМ АТАМАНОМ!»

У всех нас было тогда необычайно приподнятое настроение... Надежды на лучшее будущее, вера в счастье Дона и России, вера в своего Атамана... У всех, находившихся поблизости, я видел на глазах радостные слёзы... Казачество вернулось к своим старым заветам и обычаям, оно снова, как встарь, получило возможность устраивать свою жизнь так, как хочет само, вернуло свои вольности...

Донцы крайне осторожно отнеслись к выборам Главы Войска, понимая всю важность и значение переживаемого момента, и они не ошиблись в своём выборе. Лучшего нельзя было найти...

***

Помню, как во время принесения Атаману поздравлений, тут же, на Соборной площади — к Алексею Максимовичу подошёл седой, с большой бородой казак и, обращаясь к избраннику Войска, сказал:

«Смотри, не измени, Атаман...»

Алексей Максимович тихо ответил старику:

«СЕБЕ не изменю, станичник!»

Молчаливый, тишайший, слов своих он не бросал на ветер.

18 июня 1917 г. Принесение присяги председателем Дон. Войскового Круга Волошиновым

Новочеркасск. 18 июня 1917 г. Поздравление городской депутацией

***

Я никогда в своей жизни не встречал человека, обаяние личности которого было бы так велико. Искренность, прямота, абсолютная честность, чистота какая-то особая, я бы сказал «Калединская» чистота — и доминировавшее над всем, наполнявшее, казалось, всё его существо, чувство долга, — при более близком знакомстве с ним всё это обезоруживало даже его бывших врагов и превращало их в друзей и почитателей. Случаев таких было немало, приведу хотя бы такой. В Новочеркасске был доктор Вас. Вас. Брыкин, донской казак, — как говорили, социал-демократ меньшевик — враждебно относившийся к Каледину и публично выступавший против него. Очевидно вследствие такой репутации Брыкина, он — казак — в декабре 1917 года был избран Донским Крестьянским Съездом в числе эмиссаров не-казаков представлять неказачью часть «Паритетного» Объединённого Правительства. Эмиссары, в некотором роде «чиновники особых поручений», как наши Войсковые есаулы при Войсковом Правительстве, присутствовали на заседаниях Объединённого, а иногда и Войскового Правительства. Часто встречаясь с Атаманом, прислушиваясь к его выступлениям и обмениваясь мнениями о нём с членами Войскового Правительства, Брыкин переродился, и вскоре мы стали свидетелями его жарких схваток с его коллегами. Когда наступили трагические дни конца января 1918 года, Брыкин нервничал, метался и настаивал на срочной необходимости принятия мер для сохранения для будущего «великого Атамана», «замечательного человека».. О превращении бывшего «Савла» в «Павла» и совершенно искреннем, знали немногие, главным образом члены Правительства, прежняя же репутация «социалиста» Брыкина впоследствии, если не ошибаюсь, в эпоху Атамана Краснова, привела к зверской над ним расправе: ночью к нему позвонили два офицера, личности которых не удалось установить, и попросили его, как доктора, поехать к больному. По пути они его убили, а тело бросили в колодезь.

Сошлюсь и на перемену отношений Областного Крестьянского Съезда, созванного по инициативе Атамана, считавшего, что управлять Краем, опираясь лишь на одну часть населения, невозможно. «На неказачьем съезде» — по словам М. П. Богаевского — «Алексея Максимовича встретили молча, ему не хлопали в ладоши, но верили. В конце концов, Съезд с ним помирился, холодок растаял». Поверили... А холодок «растаял» настолько, скажу от себя, что неказачий Съезд, составленный из крестьян и иногородних, резко враждебно относившихся к казакам (главным образом из-за «земельки»), под влиянием простых, искренних выступлений Каледина, всегда говорившего одну лишь правду, стал изменять и отменять некоторые, уже вынесенные, решения, в частности — постановление-требование разоружения и роспуска Добровольческой армии, заподозренной Съездом в намерениях восстановить «старый режим».

Опасения и тревога, высказывавшиеся при выборах Атамана депутатами Круга северных округов, быстро исчезли. «Царский генерал», сын скромного донского офицера, никогда и не бывший реакционером, а теперь искренно признававший, что без народа управлять нельзя, честно, искренно и последовательно проводил в жизнь начала казачьего народоправства, признанные им единоспасающими. Это был безукоризненный конституционный глава Донской Земли.

Черта эта совершенно правильно отмечена и А. И. Деникиным, соратником Каледина по Галицийской битве, во втором томе «Очерков Русской Смуты», где он пишет по адресу А. М. Каледина: «Этот всей революционной демократией и тёмной толпой подозреваемый, уличаемый и обвиняемый человек, проявлял такую удивительную лойяльность, такое уважение к принципам демократии и к ВОЛЕ КАЗАЧЕСТВА, ЕГО ИЗБРАВШЕГО (подчёркнуто мной. Н. М.), как ни один из вождей революции». Я вычеркнул бы одно слово — «удивительную»: для нас всех, имевших счастье быть близкими сотрудниками Алексея Максимовича, узнавших и полюбивших его, эта лойяльность не была уди-

вительной — она логически вытекала из его честности, искренности, прямоты и чувства долга. Этим объясняется и то, что недоверчиво сначала относившиеся к нему, еще не знавшие его северяне, стали его верными и преданными друзьями.

Именовавшийся в большевистских прокламациях «кровожадным извергом», Каледин, видевший на фронте мировой войны много крови и тогда еще мужественно протестовавший против Брусиловского метода, получившего название «Стоход», когда солдат вели «не в бой, а на убой», — вынужденный при защите Дона от большевиков пролить братскую кровь в боях 1 декабря 1917 года под Ростовом, тяжело переживал эту неизбежность и говорил тогда на Круге: «Я пришёл на Дон с чистым именем, а уйду, быть может, с проклятием...» Атаман сложил свои полномочия, поставил вопрос о доверии и категорически потребовал произвести новые выборы. В положительном результате перевыборов никто из нас не сомневался. Чем больше жили казаки с А. М. Калединым, тем больше в процессе ответственной работы его узнавали, тем выше вырастал он в их глазах. Его авторитет, обаяние, доверие к нему были безграничны. Как-то само собой исчезло самое слово «генерал» — просто оно в применении к Алексею Максимовичу перестало существовать, как термин и остался лишь «наш Атаман», «Алексей Максимович». Так, а не иначе, все называли его в глаза и за-глаза — и произносили эти слова, вкладывая в них очень хорошее, тёплое чувство. Результаты декабрьских выборов Атамана не были для нас неожиданными. Свыше 700 депутатов голосовало за Каледина — против 20-30 (точной цифры не помню). Если принять во внимание, что фронтовиков на Круге было около двухсот, то значительно больше сотни их голосовали за него. В числе голосовавших «за» были и северяне, еще в мае месяце относившиеся недоверчиво к кандидатуре Каледина. Отмечали враждебное отношение лишь безусого хорунжего Автономова, открыто ведшего агитацию среди представителей полков. Это тот самый Автономов, который

позже, в 1918 году, командовал советскими войсками на Северном Кавказе.

Обаяние личности А. М. Каледина особенно ярко проявилось на примере фронтовиков. Почти все они приезжали с фронта предубеждёнными, настроенными против Атамана, а на Круге их настроение у подавляющего большинства менялось. Особенно это сказалось именно при декабрьских перевыборах: в это время власть за пределами Войска Донского была уже в руках большевиков, которые вели чрезвычайно сильную пропаганду именно в казачьих частях, остававшихся на фронте, и фронтовые казаки — члены Круга — приезжали на Дон распропагандированные, озлобленные, уверенные в том, что засевший на Дону Каледин — контр-революционер, кровожадный изверг, стремящийся отнять у народа свободу. И наши фронтовые казаки приезжали мрачнее тучи, решившие одним ударом покончить с «гидрой контр-революции» и, в первую очередь, избавиться от Каледина. Фронтовая группа на Круге была значительной силой, насчитывавшей около 200 депутатов. Группа эта бурлила и кипела, но проходили дни, казаки встречались с Атаманом, вслушивались в его, всегда краткие, речи и в ответы его на вопросы, оценивали их, всматривались в него, узнавали ближе, вникали в свободные порядки, установленные при Каледине на Дону — и разводили руками... Где же, в чём контр-революция? Проходило еще немного времени — и в частных заседаниях фронтовой группы исчезал «генерал» Каледин, превращавшийся в «Алексея Максимовича»...

А молчаливый сумрачный Атаман, на лице которого так редко вообще можно было увидеть улыбку, улыбался в эти дни своей особенной кроткой улыбкой, делавшей его лицо очень привлекательным.

Как сейчас, вижу перед собой небольшую группу депутатов-фронтовиков, обратившихся в сентябре 1917 года ко мне, бывшему в то время Председателем Войскового Круга, с просьбой посоветовать — как им выйти из создавшегося трудного для них положения. В сентябре Круг был созван М. П. Богаевским — по «сполоху» — в чрезвычайную сессию, вне программы, в связи

с отрешением ген. Каледина Председателем Временного Правительства Керенским от должности Атамана с привлечением к ответственности по обинению в измене России и подготовке восстания для поддержки выступления ген. Корнилова.

Круг отказал в выдаче Каледина и, выразив резкий протест против действий Временного Правительства, судил своего выборного Атамана сам и единодушно оправдал; за оправдание голосовали и фронтовики, а между тем они явились на Круг с «наказом» свалить «контрреволюционного» Атамана. Фронтовики боялись появиться перед своими частями, не надеясь, что они сумеют убедить пославших их, что ген. Каледин в действительности совсем не такой, каким его описывают социалисты и большевики. Рассказывая мне о своих затруднениях, они такими трогательными словами говорили об «Алексее Максимовиче», объясняя, почему они не могли действовать в духе «наказа», что мне оставалось только посоветовать им и в своих полках и сотнях рассказать то же самое, что они говорили мне. Я успокоил их, выразив уверенность в том, что казак не может не понять казака, что как бы ни расходились иногда казаки во взглядах по частным вопросам, они всегда найдут общий язык по вопросам первостепенной для казаков важности.

И теперь, после всего пережитого за полустолетие, я попрежнему держусь того же взгляда, отметая в сторону лишь платных предателей справа и слева, продававших и продающих интересы Казачества за чечевичную похлёбку.

**
*

Помимо личного обаяния, громадное влияние оказывал на окружающих и глубокий государственный ум Каледина. Как-то раз в сентябре 1917 года Алексей Максимович заявил мне, как Председателю Круга, что в этот день он сильно занят, а между тем очень хотел бы присутствовать при обсуждении одного из вопросов, стоящих на повестке — какого именно — я не помню —

и просил не ставить этого вопроса в начале заседания Круга, оттянув его обсуждение до часу дня. Атаман добавил, что, если к часу он не придет, значит не сможет прийти совсем, а потому после часа вопрос придётся поставить, как тесно связанный с общей повесткой дня.

Так как Атаман к часу не пришёл, я после короткого перерыва поставил этот вопрос и, после долгих и горячих прений, решение большинством голосов членов Круга было принято. Когда Круг перешёл к обсуждению следующего пункта повестки, вошёл Алексей Максимович и сел на своё обычное место рядом с председателем и, нагнувшись ко мне, тихо спросил, состоялось ли уже решение по интересовавшему его вопросу и какое именно. Выслушав ответ, Атаман заволновался и, заявив мне, что Круг, приняв такое решение, допустил ошибку, которая может привести к неприятным последствиям, взял слово для внеочередного заявления и внёс предложение о пересмотре уже состоявшегося решения.

Войсковой Круг, всегда относившийся с чрезвычайным вниманием к выступлениям своего Атамана, согласился с предложением Алексея Максимовича. Атаман кратко и сжато, как всегда, изложил свои соображения, по которым он считал принятое решение ошибочным. Доводы его были глубоки и так ярко с новой стороны осветили этот вопрос, что когда я предложил желающим высказаться, желающих не оказалось, и вопрос, при первом обсуждении которого было так много «поломано копий», единогласно был разрешен уже иначе — в смысле предложения А. М. Каледина. Ясность и глубина ума, широта взглядов и способность предвидеть и точно взвешивать могущие быть от того или иного решения последствия, особенно проявлялись во время участия Атамана в работах Правительства. Не раз случались казусы, подобные описанному выше. Они особенно рельефны были тогда, когда к управлению Краем было привлечено так называемое «паритетное» правительство — Объединённое, когда, кроме казаков, в управлении Краем приняли участие и неказачьи слои населения.

Среди членов Объединённого Правительства от неказачьей части были и люди, сочувствовавшие большевикам или, точнее, балансировавшие на грани этого сочувствия; избранные Съездом неказачьего населения, они вошли в состав нового Объединённого Донского Правительства, как принципиальные противники генерала Каледина, с целью бороться против его «реакционности», опираясь на местные революционные организации, и в этом случае нам, «калединцам», пришлось быть свидетелями той же постепенной перемены, какую мы отметили раньше в отношении наших фронтовиков, — под влинием непосредственного общения с А. М. Калединым, соприкасаясь с ним в процессе текущей работы, они с изумлением (как сами же после признавались) начинали видеть в Атамане совсем другого человека, далёкого от того чудища, которое рисовалось их воображению со страниц хлёстких большевистских прокламаций. Не все, конечно, ибо в их числе были и люди, сознательно работавшие на большевиков, но большинство их начинало отдавать должное его глубокому уму, такту, его прямоте и искренности и высоко честному отношению к принятым на себя обязанностям. Та особенная, Калединская, чистота, которая веяла от всего его существа, доканчивала дело — члены правительства неказаки доктор Шошников, присяжный поверенный Мирандов, эмиссар доктор Брыкин, и некоторые другие, превращались на наших глазах в «калединцев»... О паритетном правительстве, как и о нашем с А. М. Калединым участии в Московском Государственном Совещании, я расскажу подробнее отдельно.

Возвратившись из Москвы, Алексей Максимович решил немедленно привести в исполнение свой план объезда станиц, чтобы ближе ознакомиться с положением дел на местах, и в двадцатых числах августа отправился в северные округа, так как оттуда поступали сведения о полном неурожае и, вместе с тем, о чрезвычайном развитии тайного винокурения; имел он в виду также поговорить с казаками о предстоявших выборах в Учредительное Собрание.

Атаман уехал без свиты, без охраны, с одним лишь адъютантом, и «как в воду канул» — о нём не было «ни слуху ни духу», а между тем в это время в центре и на Дону разыгрались события, требовавшие присутствия Атамана в Новочеркасске.

Не прошло и двух недель, как мы оставили Москву, когда неожиданно для всех нас (в том числе и для А. М. Каледина, ибо иначе он не забивался бы в глушь) разыгралось «Корниловское выступление».

В то время, когда Атаман переезжал из станицы в станицу, вдали от железной дороги, в Усть-Медведицком и Хопёрском округах, мирно беседуя со станичниками, 29-го августа почтово-телеграфное агентство разослало по всей России провокационную, составленную опытной в этих делах рукой, телеграмму: «От Атамана казачьих Войск Каледина, по сообщению газет, Временным Правительством получена телеграмма о присоединению его к Корнилову. В случае, если правительство не договорится с Корниловым, Каледин грозит прервать сообщение Москвы с Югом»... Провокация попала на благодарную почву: представители Советов и Комитетов на Московском Государственном Совещании уже кричали по адресу А. М. Каледина в связи с оглашением им Декларации от имени всех дведнадцати Казачьих Войск: «контр-революционер!»

И Временное Правительство, не запросив Донского Атамана, не осведомившись даже у своего Областного Комиссара М. С. Воронкова, члена Государственной Думы от Дона, жившего в Новочеркасске, насколько правильны слухи, не взирая даже на то, что никакой телеграммы с угрозами прервать сообщение с Югом оно само от генерала Каледина не получало, Правительство объявляет Донского Атамана изменником России и отдаёт его под суд, а в Новочеркасск присылает первому выборному Атаману старейшего Казачьего Войска приказ явиться в Могилёв для дачи показаний Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Одновременно с этим против Донского казачества и его вождя объявляется мобилизация двух военных округов — Московского и Казанского.

Митрофан Петрович Богаевский, оставшийся за Атамана в Новочеркасске, получая все эти сведения и видя, что тучи сгущаются над Доном, объявляет «сполох», — и из станицы в станицу, из хутора в хутор мчатся «летучки», разыскивая Атамана и призывая его немедленно вернуться в Новочеркасск, а всех членов Большого Войскового Круга — на экстренную сессию Круга, на защиту чести и достоинства Донского казачества, на защиту своего выборного вождя.

А в это же время «Комитеты спасения революции», возникшие, как грибы после дождя, во время Корниловского выступления, делали своё дело: указанная выше телеграмма не была случайностью, в то же время за А. М. Калединым была установлена слежка, каждый шаг Атамана кому нужно был известен и «Комитету спасения революции» в Царицыне было поручено ликвидировать Каледина.

Нужно отдать им справедливость, момент был выбран удачный: с одним только адъютантом, без охраны, вдали от железной дороги, ничего не подозревая и не имея никаких оснований на родной земле принимать какие-либо меры предосторожности, Атаман медленно продвигался грунтом к линии жел. дор. Царицын-Лихая, держа путь на станцию Обливы, в 40 верстах от Нижне-Чирской станицы Второго Донского Округа. Я в это время был в Нижне-Чирской, где занимал пост Председателя Съезда Мировых Судей округа. Расставшись с А. М. Калединым 17-18 августа на ст. Лихой по пути из Москвы, я ничего не знал о дальнейших событиях и лишь числа 31-го августа (числа точно не помню) получил от Помощника Атамана М. П. Богаевского тревожную телеграмму, значительная часть которой была искажена при передаче. Одно было ясно: Митрофан Петрович вызывал меня в Новочеркасск. Около часу ночи мне принесли срочную телеграмму, адресованную безымянному «Председателю Комитета Спасения революции». Так как такого комитета в станице не существовало, телеграмму доставили мне — «Председателю Комитета Общественных Организаций 2-го Донского округа». В телеграмме сообщалось, что из Усть-Медве-

дицкого округа на линию жел. дор. Царицын-Лихая едет Атаман Каледин, «поднявший восстание против революции» и что для захвата его будут высланы солдаты Царицынского гарнизона. В эту же ночь, часа в два, ко мне явился из Окружного Управления есаул А. М. Наумов и по поручению Окружного Атамана в. ст. А. И. Жданова сообщил, что в связи с Корниловским выступлением крайние левые в станице объединились и сегодня учредили местный «Комитет спасения революции», что заседание комитета идёт непрерывно с 5 часов вечера, что у них обсуждается вопрос об аресте ген. Каледина, который якобы «скрывается» во 2-м Донском округе. Окружной Атаман просил передать мне, что он только что (во 2-м часу ночи) получил от Комитета письменное приглашение пожаловать на заседание «по чрезвычайно важному вопросу, не терпящему отлагательства». А. И. Жданов хотел бы посоветоваться со мной, как ему поступить.

В этот момент раздался стук, и в дверях появился посланец нового «Комитета спасения революции» с письмом, приглашавшим и меня на то же заседание.

Так как Окружной Атаман жил на полпути от меня но направлению к зданию, где заседал Комитет, я с ес. Наумовым пошёл на квартиру Атамана, чтобы переговорить с ним обо всём этом деле. Мы остались вдвоём, отпустив Наумова (что было очень кстати, так как вскоре ес. Наумов передался на сторону большевиков), и А. И. Жданов сообщил мне, что по имеющимся у него сведениям Атаман Каледин должен находиться где-то недалеко от нас, что это известно революционному комитету, который принимает меры, чтобы захватить Войскового Атамана.

Обсудив создавшееся положение, мы решили пойти на заседание и узнать там всё, что удастся и затем принять контр-меры для защиты Атамана. По пути в Комитет мы условились отвечать уклончиво на вопросы, которые могут быть нам заданы и вообще меньше говорить, а, наоборот, попытаться выяснить возможно больше и узнать намерения наших противников. Одна-

ко, оказалось, что и противники задались той-же целью, и из словесного турнира ничего не вышло.

Выйдя из заседания часа в 4 ночи, мы быстро наметили дальнейший ход наших действий. Для нас было ясно, что если А. М. Каледин действительно желает выйти к железной дороге, то он неминуемо должен оказаться на ст. Обливы, а потому решили: мне пока остаться на месте и наблюдать за действиями Комитета, обратившись в случае надобности за содействием к командиру и офицерам 4-го Донского запасного полка (казаки же в полку были ненадёжны — распропагандированы), а А. И. Жданову, не теряя времени, мчаться на лошадях на ст. Обливы и предупредить Атамана о грозящей ему опасности. Окружной Атаман немедленно послал туда Ст. адютанта Управления В. М. Горина, а вслед за ним выехал и сам и — очень вовремя...

А. М. Каледин уже сидел на этой маленькой станции, ожидая прихода поезда из Царицына. Телеграфист станции, не знавший генерала Каледина в лицо, по секрету сообщил А. И. Жданову, что к поезду, который должен часа через два прибыть из Царицына, прицеплены два вагона с солдатами Царицынского гарнизона, разыскивающими важного государственного преступника. Вовремя предупреждённый А. М. Каледин, удаляясь от железной дороги, направился грунтом вглубь I Донского округа, в направлении на окружную станицу Константиновскую, где его встретили юнкера, высланные на автомобилях М. П. Богаевским.

Царицынский отряд проехал дальше до ст. Морозовской, где захватил два автомобиля с юнкерами, на всякий случай высланными сюда Помощником Войскового Атамана.

Через два дня я уже ехал в Новочеркасск на заседание Войскового Круга. Хорошо помню подробности этой экстренной сессии, так как был тогда переизбран Председателем Круга (в первый год существования В. Круга Председатель выбирался на каждую сессию). Круг этот, заявив устами М. П. Богаевского, что «с Дона выдачи нет», сам судил своего избранника — Атамана, обвинённого Временным Правительством в государствен-

ной измене, и мне, юристу, довелось быть председателем этого своеобразного суда.

Никогда не забуду речи обвиняемого: в этой речи-исповеди было столько благородства, столько человеческого и атаманского достоинства, столько в ней было искренности и прямоты, что авторитет нашего выборного вождя после этого испытания стал уже безграничным... Войско Донское гордилось своим избранником...

К этому времени дело Корнилова было уже проиграно, Верховный Главнокомандующий был уже арестован и ему грозила смертная казнь, а А. М. Каледин, обвиняемый в соучастии, в это время гласно перед всей Россией заявил, что хотя он никакого участия в выступлении генерала Корнилова не принимал и о нём не знал, но если бы знал, то в интересах Родины всемерно поддержал бы Корнилова и готов нести полную ответственность, как идейный соучастник...

Получив официальное сообщение о привлечении его к ответственности за государственную измену, Алексей Максимович, всегда корректный в отношении государственной власти, немедленно сложил с себя полномочия Войскового Атамана, и мы судили уже бывшего Атамана. Суд был триумфом для обвиняемого. Единодушно оправдав, Круг восстановил его в правах и «приказал» Атаману немедленно вступить в исполнение обязанностей.

При торжественной обстановке, в открытом заседании Войскового Круга, я, стоя перед Атаманом, прочитал ему «грамоту-приказ», составленный в древне-казачьем стиле...

Алексей Максимович поклонился Войсковому Кругу и сказал:

«Слушаю!»

Прошло три дня. В кабинете Товарища Войскового Атамана, за несколько минут до открытия пленарного заседания Круга, идёт заседание Президиума. Внезапно в кабинет влетает М. П. Богаевский, очень взволнованный, быстрыми шагами подходит ко мне и просит пре-

вать заседание для внеочередного спешного заявления. «Дело вот в чём», заявляет Помощник Атамана, «получив сегодня вторичное предложение Временного Правительства явиться в Могилёв для дачи показаний всё той же Чрезвычайной Следственной Комиссии, Алексей Максимович приказал вестовому уложить дорожные принадлежности и сегодня вечером выезжает из Новочеркасска. Никакие убеждения не помогли. Атаман заявляет, что он не может неисполнением предложения ронять престиж центральной власти и не хочет, чтобы кто-нибудь мог сказать, что Войсковой Атаман кого-то боится...»

Мы не могли, конечно, допустить этой поездки: после московского выступления Атамана и после обвинения его в государственной измене и контрреволюционных планах, Донской Атаман и не доехал бы до Могилёва. Если не те, кто спровоцировал это дело и пытался захватить Атамана во время его поездки даже в пределах Донской территории, то, во всяком случае, разнузданные и распропагандированные солдаты в пути сделали бы с Атаманом то, что два с половиной месяца спустя они сделали с Атаманом Терского Войска М. А. Карауловым, вагон которого был изрешечен пулями при остановке на одной из станций на Тереке.

Алексей Максимович, конечно, знал всё это, но присущее ему в высшей степени чувство долга отметало в сторону все другие доводы. У нас оставался один способ: приказать... Я быстро набросал проект приказа, президиум его единогласно одобрил, а через полчаса принял его и Войсковой Круг. Пригласили Атамана. Выслушав «приказ», Алексей Максимович произнёс лишь одно слово:

«Слушаю!»

В этот раз он был мрачнее тучи и после заседания жестоко выругал своего Помощника, а также и автора приказа, заявив нам, что мы ставим его в невозможное положение...

***

В связи с «Калединским мятежом», в сентябре 1917 года на Дон прибыл министр Временного Правительства (он же Товарищ Председателя Петроградского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов), М. И. Скобелев в сопровождении свиты, подобранной таким образом, что в её составе оказались донские уроженцы: рабочий, военный и крестьянин. Очевидно, они должны были изображать собой уполномоченных от неказачьего населения Дона.

Вся эта компания, за исключением рабочего (Председателя Ростовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов), державшегося с достоинством, произвела на Круг отчасти комическое, а больше тяжёлое впечатление. Военный — молодой офицер Юрий Мазуренко — держался «Наполеоном», всё время принимая на трибуне наполеоновские позы и потешая этим казаков, в конце его речи, неожиданно для оратора, ожидавшего других результатов, разразившихся хохотом. Крестьянин (если не ошибаюсь, фамилия его Ткаченко) за время пребывания в Новочеркасске разобравшийся, очевидно, в событиях и правильно понявший их, хотел выразить своё сочувствие Каледину и казачеству, но, видимо, боялся своих товарищей по Петрограду, и конец его речи оказался запутанным, неопределённым. Напрасно я, в качестве Председателя Круга, заметив затруднение оратора, пытался его ободрить, заявив ему, что в Донском парламенте можно говорить, не оглядываясь, — оратор не мог побороть своей боязни...

А. М. Каледин, не выносивший вообще проявления рабского духа, не выдержал: вскочил со своего места, быстро подошёл к оратору, смущённо сошедшему с трибуны, резким движением молча схватил его за руку и быстро повёл опять на трибуну, где, глядя на него в упор, тихо, но отчётливо, сказал: «Будьте гражданином, говорите по-человечески...» Не помогло — раб остался рабом...

Хуже всего было с М. И. Скобелевым.

Его выступления Донцы ожидали с большим интересом, желая послушать и посмотреть «живого» министра.

М. И. Скобелев очевидно считал, что с детьми можно говорить только сюсюкая, а с простыми казаками — только в «демократическом» одеянии. По пути к ораторскому месту он на ходу быстро стащил с себя пиджак и остался в косоворотке, подпоясанной длинным поясом, хотя в зале было далеко не жарко. Я поглядел на депутатов. По насмешливому выражению их лиц, по легкому движению в зале, незаметному для чужого человека, мне стало ясно, что этот жест Скобелева поставлен ему в вину.

Видно было, что складная речь Петроградского оратора к простой, бесхитростной душе казака дороги не найдёт. В речи этой не было искренности, не было честности, и Круг подозрительно насторожился. Кончилась речь. Посыпались вопросы — деловые, точные, прямые, требовавшие столь же прямого ответа. Скобелев в этих ответах обнаружил значительное искусство, но так ходил вокруг да около, затушёвывая суть дела и не давая точного ответа, что настороженное отношение к нему прямого честного Донца, уважающего своё достоинство и требующего от лиц, высоко стоящих, высоких качеств, сменилось презрительным и почти враждебным: посыпались вопросы уже ядовитые. Удивительнее всего было то, что министр не мог ответить определённо, из какого же именно источника Правительство черпало свои сведения о «Калединском мятеже»... На вопросы, почему не затребовали объяснений от Атамана Каледина и от его Правительства, почему не запросили своего же Донского Областного Комиссара М. С. Воронкова, донского казака бывшего в Новочеркасске, а сразу, опираясь на провокационную телеграмму, ответили мобилизацией двух военных округов, министр Скобелев давал такие ответы, что за него было стыдно... А между тем Временное Правительство предъявило обвинение в таком тяжком преступлении, как государственная измена, отрешило от должности и отдало приказ об аресте... не рядового смертного, а первого избранника старейшего Войска Донского, полки которо-

го только что — менее двух месяцев до этого, в начале июля — спасли это же самое Временное Правительство, подавив в Петрограде восстание большевиков!

Министр путался, ссылался на «кого-то» и не знал, от кого всё это исходило.

Прямой, глубоко честный и чистый Каледин, требовательный к себе и к людям, особенно стоявшим у власти, сидя рядом со мной за столом президиума Круга, всё время нервничал; в тех местах, где ответы Скобелева звучали особенно фальшиво, Алексей Максимович два раза хлопнул себя по колену — жест, обнаруживавший у него крайнюю степень волнения. Когда министр кончил и начал медленно, тут же на трибуне, облачаться в пиджак, А М. Каледин не выдержал: быстро выйдя на авансцену (заседания Круга происходили в здании театра) с противоположной Скобелеву стороны — Атаман, сделав жест в сторону Скобелева, воскликнул: «И это говорил перед вами ми — ни — стр... Теперь вы видите, чего может ждать Россия и Дон от такого правительства!»

После Московского Государственного Совещания, с которого Алексей Максимович приехал в самом пессимистическом настроении, он уже не верил в действительность мер, принимаемых Временным Правительством. Не верил он и в значение Предпарламента, который был созван Правительством после Государственного Совещания. Войско Донское решило, однако, послать туда трёх представителей, уполномочив меня, члена Войскового Круга П. М. Агеева и одного из членов Войскового Правительства (фамилии не помню). Когда в ст. Нижне-Чирской мной была получена телеграмма за подписью Атамана о моём назначении, я телеграфировал, что считаю мою работу в Округе полезнее для Войска, чем работу в Предпарламенте, и просил разрешения не ездить. Атаман ответил одним словом: «Согласен». Позже мне стало известно, что меня заменил член Войскового Круга Б. Н. Уланов. А. М. Каледин был прав: Предпарламент, в котором преобладали представители крайне-левых течений, не дал ничего ни России ни, в частности, Дону. В газетах того времени и в рас-

сказах участников отмечалось большое впечатление, произведённое речью и полемикой члена Д. В. Круга Агеева с большевиками: обращаясь к ним и вообще к представителям «революционной демократии», «социалист с пикой», как называли тогда Агеева, призывал оставить всякие подкопы и общими силами благополучно довести страну до Учредительного Собрания — единственной, по мнению казаков, надежды при создавшихся условиях установить в России правопорядок. «Если же вы», закончил Агеев, «не примете протягиваемой вам казаками руки, мы сожмём её в кулак и будем действовать им!»

**
*

Когда Временное Правительство было свергнуто большевиками, А. М. Каледин и Войсковое Правительство заняли совершенно определённую позицию непризнания и борьбы с захватчиками власти.

Эта позиция Атамана и Правителства логически вытекала из всех постановлений Войскового Круга по этому вопросу. Еще тогда, когда 3-5 июля 1917 года в Петрограде произошло первое восстание большевиков, подавленное 1-м и 4-м Донскими полками, Атаман и Правительство, выразив благодарность полкам, телеграфировали Петроградскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, что Донское казачество захвата власти одной частью населения никогда не признает, а в телеграмме Временному Правительству настаивали перед Правительством не допускать расхищения национальной власти безответственными организациями, предлагая полную поддержку казачества.

В таком же смысле были посланы телеграммы Правительству и Петроградскому Совету и от имени Войскового Круга.

Как только в Новочеркасске были получены достоверные сведения о том, что переворот совершился, А. М. Каледин и Войсковое Правительство приняли на себя всю полноту государственной власти в пределах

Донской Земли и, будучи до конца лойальными в отношении центральной власти, послали Временному Правительству приглашение приехать на Дон и отсюда — под флагом защиты законной власти от захватчиков — начать борьбу. Ответа не последовало (все рассказы о приезде на Дон А. Ф. Керенского являются вымыслом), и Войско Донское стало независимым государственным образованием

«ПОКА НЕ ОБРАЗУЕТСЯ В РОССИИ ВСЕНАРОДНО ПРИЗНАННАЯ ЗАКОННАЯ ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ». СОСТОЯЛОСЬ ОТДЕЛЕНИЕ — НЕ ОТ РОССИИ, А ОТ БОЛЬШЕВИКОВ.

Началась неделя Калединского творчества.

Всю, уже налаженную в течение пяти месяцев, новую систему управления Войском Донским приходилось спешно перестраивать на основе власти общегосударственной, подводить новый фундамент, заменяя старое. Работа спорилась. В течение одной недели был образован Экономический Комитет, начали приводить в исполнение мысль о создании Юго-Восточного Союза (Дон, Кубань, Терек, Ставрополье, Черноморье и «вольные народы гор и степей»), вырабатывать основы своей Донской денежной системы, подготовлять открытие экспедиции заготовления государственных бумаг (большую часть этой подготовительной работы использовало потом Правительство Атамана ген. Краснова), поставлен был на обсуждение вопрос о расширении базы для Правительства, получившего новый характер, т. е. вопрос о привлечении представителей неказачьего населения Края к участию в управлении.

К сожалению, работа эта не могла быть вся доведена до конца — вспыхнула гражданская война, подавляющие силы необъятного севера и центра России обрушились на казачий Юго-Восток, и Дону снова пришлось перестраиваться, подчиняя всю свою жизнь интересам борьбы.

Большевики учли значение Казачества и генерала Каледина и сейчас же после удавшегося переворота в

центре повели борьбу с Доном, не давая ему возможности собраться с силами и окрепнуть. Началась бешеная работа по разложению казачьих полков на фронте, закупорка всех путей, ведущих на Дон, и огранизация похода на казаков. Уже в ноябре месяце мелкие суда революционного Черноморского флота появились в Азовском море, высадив десант в Таганроге, а вскоре вступил в Ростов отряд матросов. Одновременно и на севере, у станции Кантемировка, появился и осел на Донской земле 17-й стрелковый полк. Матросы в Ростове выступили в союзе с местной красной гвардией и овладели Ростовом, отрезав Донское Войско от Кубанцев и Терцев.

Борьба началась в очень трудных условиях. Бывшие на Дону казачьи части были распропагандированы и отказывались повиноваться, а в Новочеркасске и в Ростове неказачьи запасные полки были настроены определённо большевистски. Пришлось разоружать и распускать эти полки, действуя при помощи горсточки, остававшейся верной Каледину. Помогли небольшие первые отряды Добровольческой армии, которую начал тогда собирать в Новочеркасске, под крылом А. М. Каледина, генерал Алексеев. Положение осложнялось тем, что городские демократические круги не отдавали себе отчета в обстановке и кричали о контрреволюционности казачества, не только не помогая в борьбе, но всё время вставляя палки в колёса и способствуя разложению казачьих частей. Несмотря на явно надвигавшуюся большевистскую опасность, грозившую и им, сторонникам девиза «свобода, равенство и братство», они больше всего боялись, как бы их не обвинили в правизне и не могли побороть в себе страха перед мерещившейся им «контрреволюцией». Они относились с недоверием к каждому проявлению сильной власти, не понимая, что без этого борьба с большевиками была невозможна. Больше всего они старались сохранить «чистоту своих риз». Недовольство этих кругов увеличилось, когда на Дону появились Быховские узники — генералы Алексеев, Корнилов, Деникин, Марков, Романовский и другие. Сказался тут и отзвук ложно поня-

того и неправильно истолкованного выступления ген. Корнилова против Временного Правительства.

Они протестовали против Атамана Каледина и Войскового Правительства, считавших необходимым при создавшихся на Дону условиях ввести военное положение, и понадобилось яркое выступление в Ростовской Городской Думе Товарища Войскового Атамана Митрофана Петровича Богаевского, убедительно доказавшего, что Атаман и Правительство в интересах не только казачьего, но и всего населения Донской Области, в том числе в интересах и самих протестантов, обязаны выполнить свой долг и, в случае надобности, не остановятся и перед принятием более суровых мер.

Обстановка создавалась кошмарная. В то время, как большевистский главковерх Крыленко шлёт на Дон с фронта карательные экспедиции, революционный комитет Черноморского флота предъявляет Атаману и Войсковому Правительству ультиматум с требованием признать Советскую власть, посылая для подкрепления ультиматума в Азовское море тральщики с отрядами матросов, которые захватывают Таганрог и Ростов; местные большевики, благодаря такой поддержке извне, всё больше наглеют — в Макеевском районе объявляют «Донецкую социалистическую республику», в Ростове военно-революционный комитет выпускает воззвание, призывая начать открытую борьбу против «контрреволюционного казачества».

А Донцы бороться не хотят. Сотни, посланные в Ростов, отказались войти в город. Вернувшаяся с фронта казачья молодёжь — главная наша сила — была одурманена большевистской пропагандой, упавшей на благодарную почву утомления неудачной трёхлетней войной. Вернувшись домой, оказавшись около родного очага, почувствовав его теплоту после сырых, плохо оборудованных окопов, они поддались соблазну объявить себя «нейтральными» и отказались взяться за оружие, заявляя, что они не хотят бороться с теми, «с кем вместе воевали и вместе сидели в окопах»...

Старейшее и сильнейшее Войско Донское, располагавшее в Великую войну 2-мя гвардейскими и 54-мя но-

мерными конными полками, 6-ю пешими батальонами и 22-мя батареями, оказалось в положении льва, у которого вырвали все зубы...

А. М. Каледин мечтал хотя бы об одной надёжной части... В последней своей речи на Малом («Назаровском») Круге в феврале 1918 года Митрофан Петрович Богаевский приводил слова покойного Атамана: «... Если бы мне два полка, — да разве это было бы!?... Всё было бы покончено с большевизмом!» Как-то во время перерыва заседания Войскового Правительства, в котором я председательствовал, А. М. Каледин говорил о другой цифре: «Если бы была хоть одна прежняя дивизия!» В разные моменты и при разных условиях могла быть сказана и та и другая фраза. Говорилось это, конечно, тогда, когда у советской власти еще не было организованной Красной армии и противники коммунистов имели дело, главным образом , с красной гвардией.

Герой Луцкого прорыва, любимый вождь прославленной им 8-й армии, по одному слову которого полки бестрепетно шли умирать за Родину, оказался в положении беззащитного льва... Родные Донцы отказались защищать родной свой Дон, покрыв тогда позором и себя и казачество и погубив своего-же избранника — великого Каледина.

М. П. Богаевский на том же Малом Круге рассказывал о пережитой Калединым трагедии: «Нам говорили: вы приказывайте, мы все исполним... Приказывали. И не только приказывали, а и кланялись. Да не помогло... Я расскажу вам про одну батарею, стоявшую в Новочеркасске. Старый боевой генерал, наш Атаман, просил батарейцев: идите и помогите. Заломались: не пойдём... Обиделись, видите ли, они — Чернецов пушку у них взял заржавленную — «Что же мы, не казаки, что ли? Это позор для нас! Никто не может и не должен отбирать у нас оружие. Да разве мы не воины? Мы на фронте три с половиной года...»

«Атаман всё таки упросил. Обещали пойти. И пош-

ли. Да недалеко ушла эта славная батарея — только до вокзала и дошла... С вокзала и вернулась».

Были случаи и явного неповиновения, сопровождавшиеся оскорблением. Однажды, когда Атаман призывал казаков к защите казачьей земли, а они хмуро слушали, один наглец прервал Каледина выкриком: «Да чего там его слушать! Знаем... Надоело...» И казаки разошлись...

Нетрудно себе представить, что должен был переживать Войсковой Атаман, тот самый, которого так упрашивали и умоляли взять на себя, на свои плечи, тяжкий крест... С какой грустью, с какой тоской говорил Атаман-мученик и в других случаях: «Отдаю распоряжения и знаю, что почти ничего исполнено не будет... Весь вопрос в казачьей психологии: опомнятся — хорошо, нет — казачья песня спета!»

Опомнились, но было уже поздно. Момент был упущен. «Промедление — смерти безвозвратной подобно». Враг успел окрепнуть и сорганизоваться.

Великая трагедия для казачества, а может быть и для всей России — в том, что судьба привела Каледина на Дон в период полного разложения главной силы — фронтовой молодёжи. В народе жила тогда, как говорил М. П. Богаевский, лишь одна сила — сила разрушения, силы созидающей не было. А ведь всего лишь менее чем через два месяца после смерти Каледина положение на Дону радикально изменилось. После того, как большевики, овладев Доном, стали вводить свои порядки, начали издеваться над религией, отбирать и грабить имущество, «каждого», как говорили казаки, «взяли за ребро», когда Донской Съезд Советов 20 марта 1918 года постановил национализировать казачьи земли, когда одураченный народ, по выражению М. П. Богаевского, «наступил на грабли», и они больно ударили его по голове, — вот тогда восстало, поднялось всё Донское казачество, вспомнив и оценив теперь завет Каледина: «Большевикам — не верить»... Исчезло разногласие между отцами и детьми, и фронтовая молодёжь пошла плечом к плечу со старыми донцами-калединцами.

Если бы в этот период, когда проснулась затума-

ненная пропагандой, задремавшая в самый трагический в жизни казачества момент, казачья совесть, во главе сознательной, созидающей народной силы появился Каледин, талантливый организатор, неустанно заботившийся о том, чтобы бойцы ни в чём не терпели недостатка, стратег, мудрый правитель и политик, который сумел искренностью и чистотой своих убеждений и намерений и обаянием своей личности даже в тот момент, когда за ним не было никакой реальной силы, в декабре 1917 г., привлечь на свою сторону Съезд Донских коренных крестьям и иногородних, если не враждебных, то недоброжелательных по отношению к казакам, — он нашёл бы путь к сердцу и разуму крестьянства и далеко за пределами Тихого Дона. Приняв решение послать в состав Правительства Каледина своих представителей, Съезд тем самым признал Каледина Главою всего Донского Края, всего населения. Чуждому политиканства и интриг соперничества, ему было по плечу вокруг общего дела создать атмосферу взаимного доверия и искреннего сотрудничества со всеми силами, боровшимися против коммунистов. В такой момент, когда он имел бы возможность опереться на внушительную силу восставших Донцов, с его авторитетом, как с одним из самых старших и выдающихся генералов Русской армии, вписавшим в историю армии в период продолжавшейся еще тогда Мировой войны самую яркую страницу, спасшим разгромом австро-германцев в Галицийской битве союзную итальянскую армию и давшим, по свидетельству военных историков, спасительную передышку союзникам на Западе, не могли не считаться и должны были сделать надлежащие выводы. Сколько роковых для Белого Движения ошибок во внутренней и внешней политике было бы избегнуто...

* *
*

При личном участии Войскового Атамана, шедшего в первых рядах наступавших партизан, и Походного Атамана ген. А. М. Назарова, Ростовское выступление

большевиков было ликвидировано без крови, благодаря особым мерам, принятым А. М. Калединым.

Большевики и иже с ними изображали генерала Каледина зверем, жаждущим крови пролетариата, а между тем Атаман, делая сообщение В. Кругу о Ростовской операции, сказал: «Вы, может быть, спросите — почему же мы не покончили с большевиками одним ударом? Сделать это было не трудно, но страшно было пролить первым братскую кровь...»

Братская русская кровь всё-таки пролита, и это обстоятельство угнетает «кровожадного» Каледина. На Круге по этому поводу он говорит: «Я пришёл сюда с чистым именем, а уйду может быть с проклятиями» и, слагая свои полномочия, ставит вопрос о доверии. Когда Атаман был переизбран, получив почти все голоса (точных цифр не помню), он говорит о власти, как о тяжёлом кресте, говорит донцам, что он выйдет победителем только в том случае, если население активно поддержит своих избранников. Закончил свою речь Алексей Максимович словами:

«Значит, борьба не на жизнь, а на смерть... Прошу верить — долг свой исполню до конца».

Все мы знали, что означают такие слова в устах А. М. Каледина... У всех окружающих я видел на глазах слёзы, — но не те слёзы радости, как при первом его избрании... Безумно было жаль этого большого чистого человека, обрекаемого и жертвенно, во имя Дона и России, готового отдать свою жизнь. Страстно, мучительно хотелось уберечь его для будущей России и для всего Казачества, но... но никакого другого выхода Круг тогда не видел...

На этом декабрьском Круге, становясь лицом к смерти, перестраивалось и Калединское Правительство. Прежняя, избранная в мае, громоздкая коллегия из 14 членов (по два от каждого из семи округов) * и 7 Вой-

---

* Небольшие Таганрогский и Ростовский округа намечали своих кандидатов, утверждавшихся Кругом, совместно с Черкасским, как одно целое.

сковых есаулов (по одному от округа, выполнявших обязанности как бы чиновников особых поручений при Правительстве), была по желанию, высказанному Атаманом и его Помощником, постановлением Круга целиком ликвидирована, как недостаточно активная. Войсковой Круг, ранее лишь утверждавший кандидатуры представленных каждым из семи Окружных Совещаний, решил произвести выборы в пленарном заседании Круга, уменьшив число членов Войскового Правительства вдвое: с 14 до 7. Намеченный Кругом в частном заседании список кандидатов получил полное одобрение Атамана и его Товарища и был избран Войсковым Кругом почти единогласно.

Избраны были (помещаю в алфавитном порядке): П. М. Агеев, С. Г. Елатонцев, А. П. Епифанов, Г. И. Карев, Н. М. Мельников, И. Ф. Поляков и Б. Н. Уланов.

В том же заседании член Государственной Думы В. А. Харламов был избран Кругом членом Правления организовавшегося тогда Юго-Восточного Союза от Войска Донского *.

Донское казачество на Войсковом Круге видело тогда в последний раз своих вождей А. М. Каледина и М. П. Богаевского. Настроение тогда было мрачное — все как бы предчувствовали несчастье. Атмосфера особенно сгустилась, когда во время того же заседания была получена телеграмма от Терского Правительства с описанием трагической гибели Терского Войскового Атамана М. А. Караулова, вагон которого был изрешечен пулями большевистского эшелона, проходившего по территории Терского Войска.

---

* Из перечисленных лиц четверо (Агеев, Мельников, Уланов и Харламов), вместе с А. М. Калединым и М. П. Богаевским, были избраны от Дона Членами Всероссийского Учредительного Собрания. По казачьему списку (№ 4) прошли тогда 9 человек.

**
*

Началась борьба... Тяжёлая, с ничтожными силами...

Донская фронтовая молодёжь поддалась дурману большевистской пропаганды, заболела. С казаком-фронтовиком случилось то же, что и с солдатом и с крестьянином, с тою только лишь существенной разницей, что эта отрава у казака быстро — всего лишь через несколько месяцев — выветрилась, как только, соприкоснувшись с большевистской практикой, казак увидел, чего он может ожидать от советской власти. Но тогда, при Каледине, заболев, казак оставил на гибель своих же избранников, осуществлявших его же «наказ»... С каждым днём обстановка ухудшалась, нажим противника всё усиливался, а наши силы падали, одна часть за другой поддавалась пропаганде и уходила... Оставались неизменно верными наши юнкера во главе с ген. П. Х. Поповым и со своими офицерами, и высоко держал казачье знамя полк. В. М. Чернецов со своими партизанами. Но это была капля в море...

Героическая учащаяся молодёжь — студенты, гимназисты, реалисты, кадеты и воспитанники других учебных зваедений, часто почти дети, самоотверженно напрягали свои силы для защиты Дона, его чести и достоинства. Всё больше и больше вырастали могильные холмы с лесом простых белых крестов на партизанском участке Новочеркасского кладбища, всё печальнее становились добрые глаза Атамана, ежедневно с поникшей головой лично провожавшего на кладбище неизвестных молодых героев...

Всему бывает конец... Стало невмоготу...

Рано утром 29 января (по стар стилю) 1918 года меня разбудили, — пришёл из Атаманского дворца вестовой: Войсковой Атаман приглашает членов Правительства во дворец на экстренное заседание. Собрались. А. М. Каледин вызвал Походного Атамана генерала А. М. Назарова и предложил ему осветить обстановку на фронте. Спокойно, бесстрастно, Походный Атаман нарисовал совершенно безнадёжную картину: противник в нескольких верстах от Новочеркасска; казаки сражаться

не желают; молодёжь изнемогает; Войско Донское защищают немного больше ста пятидесяти человек и две офицерских роты Добровольческой Армии...

Доклад А. М. Назарова был дополнен Атаманом, сообщившим, что не далеко от Новочеркасска, со стороны хутора Мало-Несветайского, где у нас нет никакого заслона и куда некого послать даже для разведки, появился сильный отряд красных с кавалерией и артиллерией*; в заключение Алексей Максимович прочитал полученную им ночью телеграмму от генерала Л. Г. Корнилова, в которой сообщалось, что Добровольческая Армия, ввиду безнадёжности положения на Дону, решила уходить на Кубань. Телеграмма заканчивалась просьбой Корнилова к ген. Каледину послать распоряжение двум последним Добровольческим ротам сняться с Новочеркасского фронта и идти в Ростов на присоединение к уходящей армии.

Добавив, что распоряжение это им уже отдано, Атаман сказал:

«Дальнейшая борьба бесполезна. Только лишние жертвы и напрасно пролитая кровь. Предлагаю Правительству обсудить вопрос о своём дальнейшем существовании. Имена наши одиозны... Лично я полагаю, что нам всем, чтобы смягчить участь населения, нужно сложить свои полномочия и передать власть городскому самоуправлению, Станичному Правлению и Военному Комитету. Прошу высказаться, но как можно короче... Проговорили Россию.»

Некоторые члены Правительства (в том числе и я), не теряя надежды на то, что казаки еще одумаются и что нам нужно выиграть время, для чего необходимо отойти от железнодорожной линии, вдоль которой продвигались большевики, внесли предложение оставить Новочеркасск и уйти в степи, начав теперь же пере-

---

* Эти неверные сведения были рано утром доставлены Атаману одним москвичом — не называю его фамилии, так как не знаю, был ли он провокатором или легкомысленным вралем.

броску всего необходимого в станицу Константиновскую, но А. М. Каледин необычным для него раздражённым тоном заявил, что это невозможно и на это он не пойдёт... М. П. Богаевский начал было доказывать обратное, но Алексей Максимович прервал его тем же раздражённым тоном. Вообще всегда очень спокойный, невозмутимый, на этот раз — видно было — он очень нервничал...

«Ради Бога, поменьше говорите», со слезами на глазах сказал Атаман, «от слов погибла Россия... Давайте кончать. Я для себя решил: слагаю полномочия Атамана, — я уже не Атаман...»

М. П. Богаевский, а за ним и все остальные, обменявшись короткими репликами, высказались за передачу власти городскому самоуправлению, Станичному Правлению и Военному Комитету. Члены Городской Управы были немедленно вызваны во дворец. Условились, пригласив представителей Станичного Правления и Военного Комитета, собраться всем в 4 часа в Управе и там подписать акт передачи власти. Члены неказачьей части Объединённого Правительства вышли, а Войсковое Правительство Атаман задержал и передал некоторым членам имевшиеся в его распоряжении благотворительные суммы (никаких сумм, принадлежавших казне или Войску, у Атамана никогда не было). Со словами «Ну, от этого очистился!» он облегчённо вздохнул и вышел в маленькую комнату, рядом с его большим кабинетом, где происходило заседание. То, что он делал во время заседания — открывал ящик за ящиком своего письменного стола и нервно рвал записки, чеки и другие бумаги, его голос, выражение лица — всё это не оставляло сомнения в том, что он уйдёт из жизни, и как только он вышел, члены Войскового Правительства заговорили о необходимости предотвратить несчастье. Алексей Максимович снова вошёл в кабинет, и разговоры на эту тему оборвались. Заседание кончилось, и члены Правительства стали расходиться, причём Атаман, прощаясь, говорил каждому: «До четырёх часов в Управе». Эти слова несколько успокоили. Председатель Правительства и я, его заместитель, по какому-то поводу,

не помню, — на короткое время задержались с Атаманом, затем Митрофан Петрович спустился вниз, в свою квартиру, а я перед уходом сказал Алексею Максимовичу, что ему необходимо немедленно уехать из Новочеркасска, что он должен поберечь себя для Родины, на что он ответил: «Оставьте это мне...»

Когда я направился к выходу из кабинета, Атаман остановил меня и сказав: «На одну минуту...», вышел в маленькую комнату и вынес оттуда небольшой пакет. Передавая его мне, он сказал: «Тут деньги. Я думал, что передал всё, а оказывается, кое-что еще осталось».

Было около двух часов дня, когда все мы ушли от Атамана, а через полчаса его уже не стало... Уничтожив еще некоторые бумаги, Алексей Максимович прошёл к своей жене Марии Петровне, которая в это время была занята разговором с одним из посетителей, молча посмотрел на неё, вернулся в маленькую комнату около кабинета, где жил его брат, генерал Василий Максимович, снял с себя форменную тужурку и два Георгиевских креста, лёг на кровать и выстрелил в сердце из револьвера. На выстрел вбежала в комнату жена... Он посмотрел на неё, сложил руки на груди и умер, вытянувшись, как во-фронт...

Глава 2-ая

А. М. КАЛЕДИН И МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕНИОЕ СОВЕЩАНИЕ

Государственное Совещание было созвано Временным правительством на 13-14 и 15 августа (ст. ст.) с целью, очевидно, выяснить настроение страны и найти поддержку и опору. Принять участие в этом совещании правительством были приглашены представители: от исполнительных комитетов рабочих и солдат — 100 членов, от совета крестьянских депутатов — 100, от фронтовых организаций — 100, от Государственной Думы всех четырёх созывов — 300, от городских и земских самоуправлений — 400, от торгово-промышленных организаций — 120, от сельско-хозяйственных и землевладельческих обществ — 100, от высших учебных заведений — 100, от рабочих и профессиональных организаций — 75, от организаций кооперативных — 300, от национальных организаций — 80. Всего 1925 делегатов. Никаких постановлений выносить не предполагалось, не должно было быть, следовательно, и голосований — правительство хотело лишь произвести смотр... В обширном зале Большого театра делегаты разместились так, что крайне-левые («революционная демократия») заняли одну половину, а все остальные другую, и когда одна половина зала апплодировала

ораторам, другая молчала или так или иначе протестовала. Большевики отсутствовали — они Государственное Совещание бойкотировали — и в общем Временное Правительство получило внешнее признание. Только внешнее... Председатель правительства, он же председатель Совещания, А. Ф. Керенский, не произвёл впечатления большого государственного человека, способного благополучно вывести государственный корабль из грозного шторма, разразившегося над Россией, в спокойную гавань.

Глава правительства сидел «между двумя стульями», и ни революционная, ни либеральная демократия не могли считать его своим, не могли на него рассчитывать и положиться.

В перерывах между заседаниями Совещания, в фойе, шли разговоры о том, что нервное неуравновешенное настроение председателя объяснялось тем, что он перед приездом в Москву на Совещание был напуган слухами, что готовится и уже созрел заговор, и что провозглашение диктатуры приурочено к этому моменту. Этим объясняли и его истерические выкрики с угрозами по неопределенному адресу — по адресу ли большевиков или Корнилова — расправиться «железом и кровью».

Не того ждали от него и от всего Временного Правительства: ждали государственного творчества сильной единой власти, что ярко выразил в своей речи бывший член Первой Государственной Думы В. Н. Набоков, заявивший: «.... страшна не та контр-революция, которая зреет в скрытых заговорах и выходит на улицу с оружием в руках. Страшна та, которая, под влиянием происходящих кругом ужасов, начинает зреть в наших сердцах и умах... Борьба с ней не есть борьба словами, как бы громки и сильны они ни были. С ней нельзя бороться железом и кровью, с ней можно бороться единым разумным государственным творчеством власти. Нам хотелось бы, чтобы был найден вновь тот общий язык, который связывает, а не разъединяет — те слова, которые должны звучать, как голос всей нации!»

Особенно сильное впечатление произвело выступление А. М. Каледина. Алексей Максимович говорил не от

себя лично и не как Донской Атаман — он высказал мнение всего казачества, всех двенадцати Казачьих Войск. Декларация, им прочитанная, была изложена следующим образом:

«Выслушав сообщение Временного Правительства о тяжёлом положении Русского Государства, казачество, в лице представителей всех 12 Казачьих Войск — Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Яицкого, Астраханского, Сибирского, Амурского, Забайкальского, Семиреченского, Енисейского и Уссурийского — казачество, стоящее на общенациональной государственной точке зрения, отмечая с глубокой скорбью существующий ныне в нашей внутренней государственной политике перевес частных классовых и партийных интересов над общими, приветствует решимость Временного Правительства освободиться, наконец, в деле государственного управления и строительства, от давления партийных и классовых организаций, вместе с другими причинами приведшего страну на край гибели.

Казачество, не знавшее крепостного права, искони свободное и независимое, пользовавшееся и раньше широким самоуправлением, всегда осуществлявшее в среде своей равенство и братство, не опьянело от свободы. Получив её, вернув то, что было отнято царями, казачество, крепкое здравым смыслом своим, проникнутое здоровым государственным началом, спокойно, с достоинством приняло свободу и сразу воплотило её в жизнь, создав в первые же дни революции демократически избранные Войсковые Правительства и сочетав свободу с порядком.

Казачество с гордостью заявляет, что полки его не знали дезертиров, что сохранили свой крепкий строй и в этом крепком свободном строе защищают и впредь будут защищать многострадальную отчизну и свободу.

Служа верой и правдой новому строю, кровью своей запечатлев преданность порядку, спасению Родины и армии, с полным презрением отбрасывая провокационные наветы на него, обвинения в реакции и контр-революции, казачество заявляет, что в минуту смертельной опасности для Родины, когда многие войсковые части,

покрыв себя позором, забыли о России, оно не сойдёт со своего исторического пути служения Родине с оружием в руках на полях битвы и внутри в борьбе с изменой и предательством.

Вместе с тем казачество отмечает, что это обвинение в контр-революционности было брошено именно после того, как казачьи полки, спасая революционное правительство по призыву министров-социалистов, 3-го июля вышли решительно, как всегда, с оружием в руках для защиты государства от анархии и предательства.

Понимая революционность не в смысле братания с врагом, не в смысле самовольного оставления назначенных постов, неисполнения приказов, предъявления к правительству невыполнимых требований, преступного расхищения народного богатства, не в смысле полной необеспеченности личности и имущества граждан, грубого нарушения свободы слова, печати и собраний, — казачество отбрасывает упрёки в контр-революционности, казачество не знает ни трусов, ни измены и стремится установить действительные гарантии свободы и порядка.

С глубокой скорбью отмечая общее расстройство народного организма, расстройство в тылу и на фронте, развал дисциплины в войсках и отсутствие власти на местах, преступное разжигание вражды между классами, попустительство в деле расхищения государственной власти безответственными организациями как в центрах, так и внутри на местах, отмечая центробежное стремление групп и национальностей, грозное падение производительности труда, потрясение финансов, промышленности и транспорта, казачество призывает все живые силы страны к объединению, труду и самопожертвованию во имя спасения Родины и укрепления демократического республиканского строя.

В глубоком убеждении, что в дни смертельной опасности для существования Родины всё должно быть принесено в жертву, казачество полагает, что сохранение Родины требует прежде всего доведения войны до победного конца в полном единении с нашими союзниками. Этому основному условию следует подчинить всю

жизнь страны и, следовательно, всю деятельность Временного Правительства.

«Только при этом условии», сильно повышая голос, говорит Алексей Максимович Каледин, «Правительство встретит полную поддержку казачества.

Пораженцам не должно быть места в Правительстве. Для спасения Родины, мы намечаем следующие главнейшие меры:

1. Армия должна быть вне политики. Полное запрещение митингов и собраний с их партийной борьбой и распрями.

2. Все советы и комитеты должны быть упразднены, как в армии, так и в тылу, кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных, при строгом ограничении их прав и обязанностей областью хозяйственных распорядков.

3. Декларация прав солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей.

4. Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами.

5. Тыл и фронт — единое целое, обеспечивающее боеспособность армии, и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены и в тылу.

6. Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены.

7. Вождям армии должна быть предоставлена полная мощь.

8. В грозный час тяжких испытаний на фронте и полного развала внутренней политической жизни страны, страну может спасти от окончательной гибели только действительно твёрдая власть находящаяся в опытных, умелых руках лиц, не связанных узко-партийными групповыми программами, свободная от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные советы и комитеты и отдающая себе ясный отчёт в том, что источником суверенной государственной власти является воля всего народа, а не отдельных партий и групп.

9. Власть должна быть едина в центре и на местах. Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и советами должен быть немедленно и резко поставлен предел.

10. Россия должна быть единой. Всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше.

11. В области государственного хозяйства необходимо:

а) строжайшая экономия во всех областях государственной жизни, планомерно, строго и неумолимо проведённая до конца, б) безотлагательно привести в соответствие цены на предметы сельско-хозяйственной и фабрично-заводской промышленности, в) безотлагательно ввести нормировку заработной платы и прибыли предпринимателей, г) немедленно приступить к разработке и проведению в жизнь закона о трудовой повинности, д) принять самые строгие действительные меры к прекращению подрыва производительности сельско-хозяйственной промышленности, чрезвычайно страдающей от самочинных действий отдельных лиц и всевозможных комитетов, нарушающих твёрдый порядок в землепользовании и арендных отношениях.

В заключение мы не можем не остановиться перед предстоящим Государству величайшим событием, на которое весь русский народ смотрит, как на свою конечную надежду — получить для нашей многострадальной Родины прочные твёрдые основы новой государственной жизни. Мы говорим об Учредительном Собрании. Мы требуем, чтобы во всей подготовительной обстановке и течении самых выборов в Учредительное Собрание Временное Правительство приняло все меры, обеспечивающие правильность и закономерность выборов на всём пространстве Земли Русской. Мы полагаем, что местом созыва Учредительного Собрания должна быть Москва, как по своему историческому значению и центральному положению, так и в интересах спокойной и планомерной работы Учредительного Собрания.

Мы обращаемся, наконец, к Временному Правительству с призывом, чтобы в тяжкой борьбе, ведущейся

Россией за своё существование, Временное Правительство использовало весь народ Государства Российского, все жизненные народные силы всех классов населения и чтобы самый состав свой Временное Правительство подчинило необходимости дать России в эти тяжкие дни всё, что может дать наша Родина по части энергии, знания, опыта, таланта, честности, любви и преданности интересам Отечества.

Время слов прошло. Терпение народа истощается. Нужно делать великое дело спасения Родины!»

***

Гробовая тишина царила в зале, когда Алексей Максимович медленно, тихим голосом, отчётливо, подчёркивая отдельные слова, читал общеказачью декларацию.

В том месте декларации, где «казачество с презрением отбрасывает все обвинения в реакции и контр-революции» и призывает «все живые силы страны к объединению, труду и самопожертвованию во имя спасения Родины и укрепления демократического республиканского строя», весь зал — от правых до левых — загремел долго несмолкавшими апплодисментами, зато в других местах, где армия должна быть вне политики и политические митинги в ней должны быть запрещены, что дисциплина должна быть укреплена самыми решительными мерами, раздавались слева отдельные выкрики: «Это — контр-революция!», «Позор!»

Последние слова декларации — «время **слов** прошло, терпение народа истощается, нужно **делать** великое дело спасения Родины» — Алексей Максимович произнёс звенящим голосом.

Впечатление от этой декларации было колоссальное.

Чтобы ослабить это впечатление, представители «революционной демократии» отказались от речи одного из своих записанных видных ораторов и вместо него выпустили бывшего в среде делегатов от военных комитетов казака — есаула Оренбургского Войска Ногае-

Ген. Корнилов и ген. Каледин на Московском Совещании

ва, который в резких выражениях пытался доказать, что генерал Каледин не имел права говорить от имени всех Казачьих Войск и что избиратели есаула Ногаева думают совсем иначе. Левая сторона бурно аплодировала Ногаеву. На другой день, по настойчивому повторному требованию А. И. Дутова, председательствовавшего на Совещании всех 12 Казачьих Войск, А. Ф. Керенский, открывая заседание Государственного Совещания, заявил, что ген. Каледин действительно уполномочен полномочными представителями 12 Казачьих Войск выступить от имени всего Российского казачества, что же касается есаула Ногаева, то у него никаких специальных полномочий не имеется.

**
*

Вот как описывают участники Государственного Совещания впечатление, произведённое декларацией:

«Вдумчивая, медленная, сдержанно страстная, без всякой внешней аффектации, эта речь гармонировала с задумчивостью глаз, затемнённых густыми тёмными бровями, серьёзностью прикрытого длинными усами рта, про который говорили, что он никогда не смеётся, с виолончельным тембром слегка затуманенного голоса и со всей стройной благородной фигурой оратора».

«Речь генерала Каледина и то, как она была принята представителями «революционной демократии», чрезвычайно характерны. Само содержание речи генерала Каледина показывает, что он был в значительно большей степени истинный демократ, чем те, кто кичливо называл себя в это время «революционными демократами». Последние, присоединяя к слову «демократия» слово «революционная», не замечали, что в условиях совершившейся уже политической революции они сходили с пути «истинной» демократии, вся сущность которой заключается в эволюционном развитии государственной и социальной жизни согласно свободно выявляемой воле всего народа...» «Решительный тон речи ген. Каледина, более решительный даже, чем тон речи Корнилова, отвечал крайне решительному характеру

этого генерала». «У себя, на своих землях, казачество уже начало бороться против анархии в своей местной жизни. Само избрание генерала Каледина, изгнанного из командующих армиями генералом Брусиловым за его «несоответствие духу времени» (так квалифицировался в это время всякий начальник, не подыгрывавшийся к революции), не остановило Донское казачество избрать его Атаманом». «В силу особых исторических условий, в местной жизни и в быту казачества сложилась и прочно прижилась демократическая традиция, которая и помогла ему «не опьянеть от свободы», как совершенно правильно сказал ген. Каледин. Также отвечал духу казачества глубокий демократизм речи ген. Каледина. Речь, произнесённая Калединым, произвела глубокое впечатление. Самая манера его выступления, необычайно спокойная, свободная от всякой позы и фразы, при отсутствии какой бы то ни было резкости, полная глубокого достоинства, усиливала это впечатление. Спокойная, убеждённая, сосредоточенная деловитость. Каледин не старался своими словами никого убедить или поразить — говорил просто, как о чём-то уже решённом, не возбуждающем сомнений и потому не требующем доказательств, о непреложном и неизбежном, единственно спасающем, и это придавало его словам особую силу».

**
*

Требование запрещения митингов и немедленного упразднения в армии советов и комитетов произвело на левых ошеломляющее впечатление... Во что бы то ни стало им было нужно немедленно, если не изгладить, то хотя бы ослабить впечатление, произведённое прямым, откровенным заявлением от имени всего казачества. Для спасения престижа революционной демократии было устроено выступление есаула Оренбургского Войска Ногаева. В средствах не стеснялись — не остановились даже перед явным нарушением основных правил о созыве Государственного Совещания-Земского Собора 1917 года...

В интересах государственных, организация Совещания была строго определённая, и выступать на нём могли лишь представители общественных групп и учреждений, указанные к известному часу 13 августа специально для этой цели образованной комиссией. И это строго соблюдалось. Когда один донец, не казак, обратился к Председателю комиссии, министру Временного Правительства Никитину, с просьбой внести в список ораторов представителя одной общественной организации, получившей от Правительства приглашение на Государственное Совещание, опоздавшего своевременно заявить о себе, министр ответил категорическим отказом: «Никак нельзя. Кто не заявил о своём выступлении в указанные часы 13 августа в заседании Комиссии, созданной для обсуждения порядка выступлений, тот не может быть допущен на трибуну». Ногаева допустили... хотя 13 августа он заявления не подавал и вопрос о его выступлении в Комиссии не обсуждался. Всё было подстроено: говорили, что какой-то интернационалист уступил своё время Ногаеву — так во славу большевистской демократии необходимо было немедленно подвести мину под Каледина.

И Ногаев постарался. Судя по характеру и стилю его выступления, опытный демагог, из молодых, привычный митинговый оратор, бойкий беззастенчивый полемист, с развязными манерами (несмотря на истекшие уже с того времени полвека, как сейчас вижу этого наглеца, не постеснявшегося явиться на Государственное Совещание с плетью у пояса), с зычным голосом и хлёсткой фразой — Ногаев блестяще выполнил данное ему поручение. С каким вызывающим видом бросал он с трибуны взгляды в ту ложу, где сидел Каледин, каким презрительным жестом, не поворачиваясь, сбоку, тыкал в эту ложу казачий Герострат! Отвратительно, нагло и пошло.

Из его хлёсткой речи выходило так, что чуть ли не все казаки всех 12 Казачьих Войск сплошь социал-демократы, и ген. Каледин не имел никакого права говорить от имени казаков... Левая сторона зала буквально ревела от восторга, ободряя оратора, прерывала его гро-

мом аплодисментов — торжествовала победу над «кровавым палачом демократии», как впоследствии, во время гражданской войны, большевистская пропаганда именовала в своих прокламациях Каледина.

Так уже здесь, в Москве, в Государственном Совещании, на глазах представителей всех слоёв русского народа и представителей союзных держав, сидевших в дипломатической ложе, закладывался фундамент гнусной легенды о Калединском мятеже и сеялись ядовитые семена ненависти к казачеству.

Разъехавшись из Москвы, «революционная демократия» удвоила, если не утроила, свою пропаганду среди казачьих частей на фронте на тему о «гидре контр-революции» на Дону, стараясь этим разложить их... И на Войсковых Кругах стали появляться новые фронтовые делегаты с наказами отсечь голову этой «гидре»...

Тяжёлое впечатление начала розни в казачьей среде осталось...

Вспоминается инцидент, вызвавший большое «движение» в зале: во время выступления Ногаева из одной ложи верхнего яруса полковник Сахаров, не казак, звучным голосом, отчётливо на весь зал бросил сверху по адресу есаула: «Немецкая марка!» В ответ, снизу, бурные протесты, свистки, многие поднялись со своих мест, потрясая кулаками... Ногаев прервал свою речь... Со сцены с металлическим тембром прозвучал голос председателя Керенского: «Я предлагаю бросившему оскорбление русскому воину быть смелым и назвать себя!» Не успел еще поднявшийся в своей ложе для ответа полк. Сахаров назвать себя, как его опередил стремительно бросившийся к барьеру ложи офицер с очень бледным лицом, весь в тёмном, с рукой на чёрной перевязи, с Георгиевским крестом на груди, и голосом, в котором чувствовалось негодование и бесконечное презрение к тому офицеру, который олицетворял в этот момент в его глазах всё то, что разрушало армию и Родину, произнёс громче и резче, чем Сахаров: «Я не говорил тех слов, но вполне присоединяюсь к ним...» Это был капитан Скаржинский, представитель Георгиевских кавалеров на Государственном Совещании.

Алексей Максимович Каледин получил от Временного Правительства приглашение принять участие в Государственном Совещании в порядке личном, вместе с тем от Правительства было получено приглашение и Войском Донским, которому отводилось три места. В состав Донской делегации Войсковой Круг избрал члена Круга доктора А. П. Попова, члена Войскового Правительства есаула М. Е. Генералова и меня, назначив меня, как Председателя Войскового Круга, председателем делегации.

Кубань командировала Н. С. Рябовола, И. Л. Макаренко и Щербину, Терскую делегацию возглавлял член Государственной Думы М. А. Караулов (впоследствии Атаман Терского Казачьего Войска), Оренбургскую — полк. А. И. Дутов (ставший потом Войсковым Атаманом), Астраханскую — председатель Войскового Круга Н. В. Ляхов (ставший впоследствии Войсковым Атаманом). Фамилий делегатов остальных 7 Казачьих Войск не помню. Все мы были размещены в Круглом зале Московского Дворянского Собрания, там и спали, там и устраивали заседания. А. М. Каледин, приехавший в Москву раньше нас и принимавший деятельное участие в работах Совещания Общественных деятелей, поселился на частной квартире и в наших заседаниях участия не принимал. Присутствовал он короткое время лишь на первом заседании, был единогласно избран председателем Общеказачьего Совещания и вскоре, выслушав заявления принципиального характера глав Войсковых делегаций, удовлетворённый покинул наше заседание и поспешил на заседание Общественных Деятелей, где он должен был встретиться с генералом Л. Г. Корниловым. Председательское место занял А. И. Дутов, избранный, как и М. А. Караулов, Товарищем Председателя.

Члены Общеказачьего Совещания — каждый от имени пославшего его Войска, причём некоторые цитировали данные им наказы — изложили свои мнения о создавшемся в России положении и о выходах из этого положения. Все ясно отдавали себе отчёт в трагичности положения и в срочной необходимости принятия решительных мер для оздоровления.

Все мы были поражены — съехались представители 12 Войск Европейской России, Сибири и далёкого Востока, большинство впервые увидели друг друга и, не сговариваясь, заговорили на одном и том же языке: одинаковая в основных чертах оценка обстановки и одинаковые методы лечения... Это обстоятельство, так радостно всех поразившее, сразу внесло в нашу братскую среду атмосферу сердечности и полного взаимного понимания. Разговаривать долго не приходилось — в первом же заседании выбрали две комиссии: одну по общим вопросам, другую по специально-военным, и весь материал передали в эти комиссии для согласования и переработки. Во главе первой комиссии по вопросам принципиальным, общим, был поставлен М. А. Караулов, во главе второй — А. И. Дутов; докладчиками — в первой я, во второй — И. Л. Макаренко. В первую комиссию, кроме М. А. Караулова и меня, вошли Председатель Войскового Круга Астраханского Войска Н. В. Ляхов и член Терского Правительства Ткачёв.

В той и другой комиссии работа была закончена в одно заседание. Председатель нашей комиссии М. А. Караулов, сославшись на понравившуюся ему мою речь, произнесённую в общем собрании, и сказав, что он сам вообще предпочитает действовать больше шашкой, чем пером, попросил меня удалиться в уголок и набросать проект резолюции. Ляхов и Ткачёв поддержали его. В составленный мною текст декларации Н. В. Ляхов внёс небольшие поправки стилистического характера. В тот же день состоялось объединённое заседание обеих комиссий. Предложенные ими тексты были приняты, помнится, без всяких изменений, и мне, в качестве докладчика по поручению обеих комиссий, пришлось окончательный текст докларации огласить в общем собрании Общеказачьего Совещания. Декларация была одобрена единогласно. Председательствовавший А. И. Дутов предложил просить А. М. Каледина, как Главу старейшего и самого большого Войска, огласить на Государственном Совещании декларацию от имени всех 12 Казачьих Войск. Предложение было принято единогласно и к Алексею Максимовичу на квартиру отправился один

из членов нашего Совещания просить Атамана спешно прибыть в Дворянское Собрание.

Когда обсуждение декларации было закончено, меня и двух других членов Донской делегации (А. П. Попова и М. Е. Генералова) отозвал в сторону сопровождавший Атамана в его поездке член Войскового Круга есаул А. П. Епифанов (бывший в эпоху Атаманов П. Н. Краснова и А. П. Богаевского выборным Войсковым Контролёром) и горячо начал нам доказывать, что декларация в её «военной» части составлена в таких тонах, что неминуемо вызовет в левых кругах взрыв ненависти к тому, кто выступит с этой декларацией и настаивал на том, что Атамана нельзя подвергать этой опасности и что его нужно всячески беречь для будущего. Все члены Донской делегации согласились с доводами А. П. Епифанова и сообщили о наших опасениях общему собранию, которое признало их совершенно основательными. Председательствовавший А. И. Дутов, напомнив, что по решению Общеказачьего Совещания декларация Совещания должна быть оглашена представителем старейшего Войска, заявил, что это поручение должно быть возложено на Председателя Донского Войскового Круга Мельникова. Предложение было принято единогласно. Заседание было закрыто, и большая часть делегатов отправилась в Большой театр.

Вскоре пришёл А. М. Каледин, и полковник Дутов ознакомил его с текстом декларации и рассказал о той тревоге за Атамана, которая заставила всех изменить уже состоявшееся решение просить его выступить в Государственном Совещании от имени всего казачества. Атаман, немного помолчав, спросил А. И. Дутова: «Скажите откровенно, а других соображений, кроме тех, о которых вы сообщили, нет?»

Получив отрицательный ответ, Алексей Максимович категорически — тоном, не допускавшим возражений, заявил: «Если только это, то читаю я — я не привык уклоняться от опасностей...» Происходило это 14 августа — в тот день, когда, по расписанию, было назначено выступление казачества. Заседание Государственного Совещания уже началось, и все остальные казачьи пред-

ставители поспешили в Большой театр. Я, как докладчик Общеказачьего Совещания, остался, спешно сверяя перепечатанный крупным шрифтом экземпляр декларации. А. М. Каледин, с сопровождавшим его есаулом Епифановым, сидел около меня, ожидая конца сверки. Когда я кончил, Алексей Максимович попросил меня прочитать еще раз тот пункт декларации, где говорилось об армейских и других комитетах и советах. Немного подумав, он набросал новый текст этого пункта и заявил мне, что он прочтёт пункт в этой новой редакции и просил меня поставить об этом в известность остальных членов Общеказачьего Совещания, принимавших участие в составлении декларации.

Новый текст совершенно изменял смысл этого пункта — вместо требования ограничить компетенцию армейских комитетов областью лишь хозяйственных распорядков (как было в первом тексте), новый текст этого пункта требовал полного упразднения армейских комитетов, соглашаясь лишь на сохранение полковых и ротных (сотенных) с функцией только хозяйственного свойства.

По настроению представителей казачества, я знал, что это изменение по существу не встретит возражений, но обратил внимание А. М. Каледина, что предложенная им редакция как раз особенно будет способствовать той ненависти, которую мы все хотели бы от него отвратить в интересах всего казачества.

Алексей Максимович ответил, что он понимает наши чувства и очень ценит высокую оценку его и внимание к нему казачества, но что сам-то он не может в данном случае принять этой заботы.

На мой вопрос, почему именно он настаивает на изменении уже принятого Совещанием пункта, Алексей Максимович ответил, что он только что вернулся от Л. Г. Корнилова, который прочитал ему проект своей речи на Государственном Совещании, — в пункте о комитетах генерал Корнилов будет требовать ограничения деятельности армейских комитетов сферой хозяйственной, что Корнилов этим и другими своими требованиями восстановит против себя крайних левых, а потому, из такти-

ческих соображений, чтобы подкрепить Верховного Главнокомандующего, казачеству необходимо выставить еще более радикальные требования, в свете которых требования генерала Корнилова покажутся уже умеренными и относительно приемлемыми.

Таким образом, Алексей Максимович не только не дал нам возможности оградить его, но и сознательно подставил себя под еще горший удар ради общих интересов.

Придя в заседание Государственного Совещания, я прошёл в ложу А. И. Дутова и М. А. Караулова и сообщил им о внесённом А. М Калединым изменении.

Они не возражали, о чём я и передал А М. Каледину.

Во всей своей остальной части декларация была оставлена целиком в том виде, в каком она вышла из Общеказачьего Совещания, и генерал Каледин прочитал то, что было выработано полномочными представителями всех двенадцати Казачьих Войск.

**
*

Ценность Общеказачьей декларации заключалась и в том, что на Государственном Совещании во время общего революционного развала раздался впервые твёрдый голос крупной народной силы с ярко выраженным единством взглядов.

Выступление Ногаева смутило некоторых друзей Казачества: не ошибся ли Каледин, хорошо ли он знает казаков, не переоценивает ли их?.. Дальнейшие события показали, что Каледин и официальные полномочные представители на Московском Государственном Совещании всех Казачьих Войск не ошибались: после кратковременного, в течение лишь нескольких месяцев, помутнения разума и совести у фронтовиков, вызванного бешеной пропагандой большевиков и усталостью на фронте Мировой войны, Казачество на территориях всех Казачьих Войск, всей своей массой, и старики и опомнившаяся фронтовая молодёжь, всем народом с оружием в руках поднялось против большевиков. Оно

всем пожертвовало, всё поставило на карту во имя спасения родных краёв и защиты своих славных традиций и идеалов. Восставшее казачество подтвердило, что заявление, сделанное Атаманом А. М. Калединым на Государственном Совещании от имени всех Казачьих Войск, не было пустым звуком, а продуманным актом, вышедшим из народной глубины, а не из кабинета партийных деятелей.

Глава 3-ья

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЛИК А. М. КАЛЕДИНА

Убеждения А. М. Каледина, всецело разделявшиеся полномочными представителями всех 12 Казачьих Войск, от имени которых на Московском Государственном Совещании он огласил общеказачью Декларацию, нашли себе в этой Декларации яркое выражение. Декларация известна и друзьям и врагам, полный текст её напечатан и в этой монографии, поэтому нет надобности распространяться по этому вопросу. Остановлю внимание читателя лишь на некоторых деталях в применении к Войску Донскому.

Отвечая Подтёлкову, председателю Каменского военно-революционного Комитета и, впоследствии, председателю Донской Советской республики, А. М. Каледин сказал: «Наша власть — исполнение воли народа». На Дону эта воля выявлялась в постановлениях Войскового Круга, определявших направление и общей политики, причём в основных чертах Войсковые Круги, как эпохи А. М. Каледина, так и эпохи Атаманов П. Н. Краснова и А. П. Богаевского, последовательно держались одной линии.

Я говорю о Войсковых Кругах, а не о представителях исполнительной власти, выступления которых иногда могли и невполне соответствовать линии «Хозяина Донской Земли». У А. М. Каледина, лично принимавше-

го активное участие в выработке этой линии, несоответствия быть не могло — это был безукоризненный конституционный Глава Донского Войска. Человек долга — «чувством» долга, если можно так выразиться, было пропитано всё его существо... Основа политики Войсковых Кругов — неразрывная связь с общей Родиной — Россией, что нашло отражение и в тексте «Грамоты от Первого Войскового Круга всего Великого Войска Донского избранному вольными голосами Войсковому Атаману, нашему природному казаку, генералу и Георгиевскому кавалеру Алексею Максимовичу Каледину...» «руководством и законному управлению в Войске нашем должны служить тебе, наш Атаман, постановления, утверждённые Войсковым Кругом **в соответствии с общегосударственными законами»** (подчёркнуто мной. Н. М.).

Выступив на Областном неказачьем Съезде 30 декабря 1917 года, Атаман сказал: «Не признав власти комиссаров, мы принуждены были создать государственную власть здесь, к чему мы никогда раньше не стремились — мы хотели лишь широкой автономии, но отнюдь не отделения от России».

В отношении будущего России Атаман разделял те же мысли, которые и при нём и после него высказывались и обнародовались В. Кругами: «Будущую Россию В. Круг мыслит, как единую свободную демократическую страну с государственным устройством, какое будет дано ей волей и разумом самого народа на новом Учредительном Собрании, которое должно быть созвано на началах всеобщего, прямого и равного избирательного права, при тайном голосовании. Войсковой Круг считает, что это право — самому решить свою судьбу — есть неотъемлемое достояние русского народа, оправданное его страданиями, и не допускает мысли, чтобы кто бы то ни было и каким бы то ни было способом посягнул на это право. Непременными условиями будущего устройства России Круг считает: а) государственную автономию с правом законодательства по вопросам местного значения и правом заключения областных политических, экономических и национальных

союзов, б) правовой порядок, действительно обеспечивающий гражданские свободы, ограждённые законом и системой управления».

Отсюда — и Донской по местным делам парламент — Войсковой Круг, и выборные В. Атаман и другие должностные власти. А. М. Каледин считал, что без свободной России не может быть вольного Дона. На заседании В. Круга в сентябре 1917 г. ген. Каледин заявил:

«Корнилов и я сошлись на том, что не может быть и речи о возврате к старому режиму.»

Коренное крестьянство, составлявшее около 50 % всего населения Донского Края, Круг, Атаман Каледин и его Правительство мыслили, как полноправный в гражданском и политическом отношении элемент с правом на участие в самоуправлении и законодательстве.

На неказачьем Съезде 29 декабря 1917 г. А. М. Каледин говорил: «Крестьянам, рабочим и иногородним необходимо с казаками договориться, понять друг друга и найти общий язык...». Охарактеризовав создавшееся на Дону, в связи с объявлением Советской властью войны, положение, Атаман подчеркнул необходимость примирения неказачьего населения с казаками и создания общего антибольшевистского фронта. Кроме осуществления принципа, разделявшегося и настойчиво проводившегося в жизнь Калединым, не раз им высказывавшегося, что управлять Областью, опираясь лишь на одну половину населения Края, невозможно — особенно тогда, когда обстоятельства заставили принять на себя всю полноту государственной власти — необходимо было привлечь к управлению представителей всего населения Дона.

Так как правам должны соответствовать и обязанности, была надежда привлечением к защите Дона крестьян облегчить в этом отношении и казаков. Достигнуть этого не удалось, да и как можно было требовать жертв кровью от крестьян, когда защищать свой же родной Дон отказались сами казаки...

Положительные результаты паритет дал в другом отношении, несмотря на яростную агитацию на Съезде значительной группы депутатов большевиков или

большевизанствующих — Крестьянский Съезд принял резолюции: 1) о непризнании советской власти, 2) о необходимости вооружённой борьбы с большевиками, 3) о поддержке Атамана и Правительства включением в состав последнего представителей от неказачьего населения Донской Области («от крестьян, городов, рабочих и иногородних»), 4) о созыве Краевого Учредительного Собрания из представителей казачьего и неказачьего населения.

Удалось также устранить ряд серьёзных препятствий для дальнейшего формирования Добровольческой Армии, о чем я скажу дальше.

В отношении центрального правительства А. М. Каледин проявлял безукоризненную корректность. До тех пор, пока внешний фронт еще держался, пока еще не все надежды были потеряны и присутствие донских полков было необходимо для удержания фронта, Атаман отклонял просьбы о возвращении полков на Дон *.

И тогда, когда Временное Правительство было свергнуто, А. М. Каледин, отрицательно относившийся, под впечатлением Московского Государственного Совещания и Корниловского дела, к личному составу Временного Правительства, «забыв» об оскорблении, нанесённом лично ему легкомысленным обвинением в измене Родине с отрешением от должности выборного Войскового Атамана и с приказом об аресте, пытается установить связь с обломками этого Правительства, приглашая членов его приехать на Дон, чтобы вместе с Донцами организовать под флагом Всероссийского Правительства борьбу с захватчиками власти, парируя тем и обвинение Дона в контр-революционности и призывая сюда всех сторонников свободы, попранной большевиками. След Временного Правительства не отыскался...

---

* Некоторые ставили это в упрёк Атаману, считая, что отозвание полков спасло бы их от разложения. Опыт показал, что и те воинские части-соединения, которые уже были на родной земле, быстро поддались разлагающей пропаганде.

По вопросу о попытке установления связи со свергнутым большевиками Временным Правительством удалось найти лишь один документ — в книге советских историков проф. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева (Эпштейна) «Разложение армии в 1917 году» (Центрархив — 1917 год в документах и материалах).

На стр. 157, документ № 165, радио-телеграмма Донского Войскового Правительства — принята в 12 час. 31 мин. 29 октября 1917 года:

Ставка. Верховному Главнокомандующему. Всем армиям, корпусам, дивизиям.

Донское Войсковое Правительство приглашает Временное Правительство и членов Совета Республики прибыть в Новочеркасск, где возможна организация борьбы с большевиками и гарантируется личная безопасность и тех и других.

Там же, 27. X. 1917 за № 62 напечатан отклик на призыв Донского Войскового Правительства одного из корпусов:

Четвёртый кавалерийский корпус, состоящий из терских и кубанских казаков, приветствует почин Донского Войска, предлагает свою мощь для борьбы с большевиками и царящей в стране анархией и готов до одного положить свои головы за спасение Родины. Комиссар корпуса Башмаков, Председатель корпусного комитета Тарасов. 27 X 1917, № 62. В. уч. арх. дело № 814, л. 81.

* * *

По линии чисто казачьей программа Атамана Каледина, как и его Товарища М. П. Богаевского и В. Правительства, была, в общих чертах, следующая:

1. Прежде всего, идея объединения всего казачества, всех двенадцати Казачьих Войск. В отдельных Войсках Войсковые Круги и Рада, выборные Войсковые Атаманы, в Петрограде — Совет Союза всех Казачьих Войск.
2. Неприкосновенность Войсковых и юртовых казачьих земель.

3. Отчуждение, за вознаграждение, частновладельческих земель в пользу коренного неказачьего населения.
4. Введение Земства. Местное самоуправление на равных правах казачьего и неказачьего населения. Широкое принятие в казаки крестьян.
5. Казачьи Войска — неразрывная часть Российского Государства, единой свободной демократической страны с широким развитием местного автономного права. Форма правления должна быть установлена новым Учредительным Собранием.
6. Поддержка Временного Правительства, которое должно созвать Всероссийское Учредительное Собрание, решениям которого должны все подчиниться.
7. Верность Союзникам.

Глава 4-ая

ДОНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЭПОХИ АТАМАНА А. М. КАЛЕДИНА

Правительство первого состава просуществовало около 6 месяцев. Первый Войсковой Круг свою сессию закончил выборами должностных лиц. Поставив во главе Донского Войска генерала-от-кавалерии А. М. Каледина и избрав его помощником — Товарищем Войскового Атамана — М. П. Богаевского, Начальником В. Штаба — полк. Як. П. Араканцева и Начальником Артиллерии генерала Ф. И. Горелова, Войсковой Круг избрание членов Войскового Правительства, получивших тогда наименование «Старшин Войска Донского», предоставил Окружным Совещаниям депутатов, по два на каждый округ (причём к округу Черкасскому были присоединены небольшие округа — Таганрогский, в котором была лишь одна станица, и Ростовский). Всех выдвинутых округами старшин Круг утвердил.

Совещание моего родного 2-го Донского округа, на котором я председательствовал, выбрало ес. М. Е. Генералова и полк. Н. Н. Кушнарёва, другими округами были избраны: В. Я. Бирюков, быв. Городской Голова г. Барнаула на Алтае, учитель средне-учебного заведения А. Н. Бондарев, прапор. Доманов — Походный Атаман второй эмиграции, П. Р. Дудаков, впоследствии вождь крупного партизанского отряда на севере, пра-

пор. Игумнов, В. Н. Романов — секретарь Окружного Управления Донецкого Округа, А. Ф. Казменков, историк Е. П. Савельев, П. С. Черевков и И. И. Ушаков. Фамилии четырнадцатого не помню. Деятелей с большим общественным, не говоря уже о государственном, стажем среди них почти не было, но это были люди хорошо известные на местах, «излюбленные» в округах. Председатель Правительства М. П. Богаевский позже говорил о них: «Правительство по своему составу не было сильным. Члены Правительства были люди безусловно честные и добросовестные, но они не могли сразу охватить всей колоссальной работы».

С декабря 1917 г. положение резко меняется. Захватом Ростова и Таганрога советская власть начинает гражданскую войну на Дону, и Атаман Каледин и его Товарищ Богаевский, спешно созывая Войсковой Круг, настаивают на срочной необходимости перестройки: вместо громоздкого правительства из 14 Старшин, избираемых округами, создать небольшое деловое правительство, избранное самим Кругом. Первое правительство подаёт в отставку, Войсковой Круг намечает и составляет список новых кандидатов, уменьшая число членов правительства вдвое — до семи. После одобрения этого списка, в частном порядке, Атаманом, В. Круг громадным большинством избирает членами правительства (перечисляю в алфавитном порядке): П. М. Агеева, С. Г. Елатонцева, А. П. Епифанова, Г. И. Карева, Н. М. Мельникова, И. Ф. Полякова и Б. Н. Уланова.

В декабре 1917 г. было создано и Донское Областное Коалиционное Правительство, получившее прозвище «Паритетного», которое должно было ведать делами всего Донского Края, касающимися всего населения Донской Области. Войсковое Правительство, оставаясь Войсковым, при этой системе доложно было решать одни лишь чисто казачьи дела.

Уже 1-ый Войсковой Круг дал Войсковому Атаману и Правительству прямое поручение: найти путь соглашения с Донским крестьянством. Когда по почину советской власти, захватившей было Ростов и Таганрог и объявившей на Донской территории, в Донецком бас-

сейне, Макеевскую социалистическую республику, началась гражданская война на Дону, вопрос о том, на чьей стороне в этой борьбе окажутся крестьяне, составлявшие 48 %, не считая населения городов и «иногородних», — почти половину — всего населения Края, приобретал особую остроту. Необходимо было привлечь их на свою сторону в неравной борьбе, убедивши, что коммунистическая программа грозит бедой не только Казачеству, но и крестьянству. Помимо этих соображений, А. М. Каледин, убеждённый сторонник народоправства, считал и категорически об этом заявлял, что «управлять Областью, опираясь только на одну часть населения, невозможно — необходимо привлечь к управлению представителей всего населения».

29 декабря 1917 г. в Новочеркасске собрался Съезд неказачьего населения Края из представителей крестьян, городов и рабочих, в составе 150 человек, среди которых была значительная — около 40 человек — группа большевиков или, точнее, большевизанствующих. На Съезде рассмотрено было два существенных вопроса:

Организация временной объединённой власти и

Отношение к Добровольческой Армии.

Сказывалось настороженное отношение к «контрреволюционной казачьей диктатуре» и резко отрицательное к Добровольческой Армии.

Съезд выслушал доклады А. М. Каледина, М. П. Богаевского и члена Правительства П. М. Агеева. Встречены они были сначала холодно. По этому поводу М. П. Богаевский в своей речи в феврале 1918 г. на «Назаровском» Малом Круге сказал: «На неказачьем Съезде Алексея Максимовича встретили молча. Ему не хлопали в ладоши... Но верили. В конце концов Съезд с ним помирился — холодок растаял». Своей прямотой и искренностью, своим авторитетом и обаянием Каледин увлёк неказачьий Съезд на путь, намеченный Третьим, декабрьским, В. Кругом по вопросу организации Краевой власти. Доказывая необходимость для неказачьего населения Края организоваться, Атаман, между прочим, сказал: «Дон удержался от развала лишь потому, что казачество успело сорганизоваться и выделить-создать

своё правительство. Крестьянам, рабочим и иногородним необходимо договориться с казаками, понять друг друга и найти общий язык». Он говорил Съезду, что Донские казаки хотят добра живущему вместе с ними неказачьему населению, что, в частности, коренным крестьянам они решили передать три миллиона десятин, отчуждаемых за вознаграждение, частновладельческой земли, что Войсковой Круг принял постановление привлечь неказачье население к совместному управлению на паритетных началах. А. М. Каледин доказывал, что коммунистическая программа так же опасна для крестьян, как и для казаков, и потому они вместе с казаками заинтересованы в том, чтобы не допустить красногвардейцев проникнуть на Дон и распоряжаться тут. М. П. Богаевский свою блестящую речь, поставив вопрос ребром, закончил такими словами: «С казаками вы против большевиков или с большевиками против казаков? Двух путей быть не может — и мы ждём вашего решения».

Громадным большинством Съезд постановил: теперь же, до созыва Краевого Учредительного Собрания от казачьего и неказачьего населения (которое решено было созвать на 4-е февраля. Н. М.), организовать временную объединённую власть введением в состав Войскового Правительства семи членов правительства от неказачьего населения, избрав в то же время и «эмиссаров» (в соответствии с нашими есаулами при В. Правительстве). Членами правительства были избраны педагоги средних учебных заведений В. Н. Светозаров и Регул, профессор Кожанов, присяжный поверенный Мирандов, приват-доцент Боссе и врач Шошников. Фамилию седьмого члена правительства не помню, эмиссарами же были избраны: матрос В. В. Васильченко, Мартыненко, Колесников, Кирпичов, свящ. Феденко рабочий Воронин, еврей Хотинский и два казака — доктор В. В. Брыкин и шахтёр Ковалёв. Вероятно, кто-нибудь из тех, кто числится в этом списке эмиссаров, должен быть указан в списке членов правительства. Созывавшийся на 29 декабря В. Круг собраться не мог, так как большая часть станиц была отрезана большевиками от Новочеркасска;

не могло состояться по той же причине и Краевое Учредительное Собрание, не было выработано и Положение о нём.

По вопросу о Добровольческой Армии Неказачий Съезд занял непримиримую позицию, приняв резолюцию о необходимости разоружения и роспуска Армии, как организации «контр-революционной». А. М. Каледин решил не давать на Съезде по этому вопросу «решительного боя» и вопрос о Добровольческой Армии перенести на обсуждение паритетного правительства, (получившего название «Донского»), надеясь, что с тем составом неказачьей части правительства, которое было избрано Съездом, можно будет договориться. Атаман оказался прав. После устроенной казачьей частью паритета «беседы» ген. М. В. Алексеева с некоторыми членами части неказачьей («беседа» эта приведена почти полностью в другом месте монографии), удалось провести решение компромиссное: Добровольческую Армию оставить в неприкосновенности, установив над ней лишь общий контроль в смысле политическом.

В декларации«Временного Донского Правительства» было напечатано: «Существующая в целях защиты Донской Области от большевиков, объявивших войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное Собрание, Армия должна находиться под контролем Объединённого Правительства, и в случае установления наличности в этой армии элементов контр-революционных таковые элементы должны быть немедленно удалены за пределы Области». Генералы М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов были удовлетворены достигнутым результатом: возможность и неизбежность серьёзных затруднений, грозивших Армии, были избегнуты, и Армия могла спкойно продолжать работу.

Большой пользы паритет не принёс, но не причинил он и вреда. Да и можно ли было в то сумбурное и подлое время требовать много от неказаков, когда свои родные казаки не только не пришли на помощь своему

Атаману и Правительству, но и пошли против них, подписав, не понимая того, в конечном итоге, смертный приговор казачеству? Ведь тут, в этот момент, начало «конца»... Позже опомнились, принесли неисчислимые жертвы, но в этом случае «промедление» было «смерти подобно».

Президиум I-го Войскового Круга

Слева направо сидят: товарищи председателя Круга — от 2-го Донского округа Н. М. Мельников, от Черкасского, Ростозского и Таганрогского округов г. Бондырев, от Хоперского округа — В. Я. Бирюков, от 1-го Донского — В. Т. Васильев, председатель Войскового Круга — М. П. Богаевский, Войсковой Атаман ген. А. М. Каледин, бывший временный Атаман Е. А. Волошинов, товарищ председателя Круга от Усть-Медведицкого округа — П. М. Агеев и от Сальского округа — фамилия не сохранилась.

Слева направо стоят: помощники секретаря Войскового Круга: В. Н. Романов, И. Никитин, С. Г. Елатонцев, К. М. Попов, А. Левочкин, П. Зимовных.

Глава 5-ая

ПОЕЗДКА АТАМАНА А. М. КАЛЕДИНА ПО ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ АВГУСТА 1917 г.

Когда Атаман возвратился с Московского Государственного Совещания в Новочеркасск, он нашел здесь целый ряд срочных тревожных сообщений из северных округов о недороде и в то же время о необычайном развитии в станицах тайного винокурения. А. М. Каледин спешно выехал в северные округа, имея ввиду привести в исполнение и свое прежде принятое решение побеседовать с казаками по поводу предстоявших выборов в Учредительное Собрание.

Ниже приводятся выдержки из дневника его адъютанта, сопровождавшего его в этой поездке с 18-го по 25-ое августа:

«18 августа Атаман посетил и осмотрел запасные донские части, стоявшие в станице Урюпинской, и отбыл на лошадях в станицы Петровскую, Тепикинскую и Луковскую, где и остановился на ночлег.

19 Августа посетил станицы Петровскую, Бурацкую и Тишанскую, в которой ночевал.

20 августа — станицы Акишевскую, Алексеевскую и Усть-Бузулуцкую.

21 августа — Арженевскую, Зотовскую и Федосеевскую.

22 августа — Слащёвскую и Букановскую. Во всех этих станицах встречи были одинаковые, торжественные; в каждой станице Атаман говорил приблизительно одно и то же, а по окончании сбора казаков Атаман приглашался на станичную «хлеб-соль», и, не желая обижать казаков, он нигде от неё не отказывался. Эти трапезы носили особенно сердечный характер; здесь изливалась и казачья душа и высказывались сокровенные желания. Хлебосольством же казаки всегда отличались, а тут при приеме своего первого выборного Атамана, стол ломился от всяких яств: и чудная стерлядь — дар реки Хопра — была всегда на столе. Объезд этих станиц произвёл хорошее впечатление на Атамана, а красивая быстрая река Хопёр, протекающий то меж небольших гор, то среди небольшого леса или кустарника, с живописно расположенными вдоль него станицами, еще более улучшил хорошее его настроение.

По выезде из станицы Букановской Атаман особенно хорошо был настроен: вспоминал о войне, рассказывал боевые эпизоды и восторгался храбростью казаков и солдат регулярной кавалерии, не знавших ни страха, ни усталости. Он говорил, что эти люди после тяжёлого боя или большого перехода, придя на бивуак, нравственно и физически переутомлённые, прежде всего убирали своего коня, чистили конское снаряжение, доставали фураж, и всё это делалось с любовью, и не видно было на их лицах ни упрёка, ни неудовольствия, ни злобы. А что с ними потом стало?.. Вот и сейчас, продолжал Атаман, настроение казаков очень хорошее, чтобы идти куда прикажут, а что будет с ними дальше — одному Богу известно. При этих словах грусть пробежала по лицу Атамана, брови нахмурились, и он замолчал, но не надолго. Как бы усилием воли стряхнув с себя мрачную задумчивость, Атаман перенёсся воспоминаниями в своё далёкое детство и как бы думал вслух:

«Эти места (а мы подъезжали к переправе через Дон у Обрыва) мне все хорошо знакомы. Каждый кустик, каждый камень знал я. Вот сейчас — переправившись через Дон, въедем в мою родную Усть-Хопёрскую

станицу. Вот здесь, под Обрывом, еще детьми мы играли, устраивали кровопролитные войны, нападали и защищались».

Рассказывая о своей станице, Атаман вспоминал своих родных, и только тихий, немного охрипший, голос его выдавал усталость от поездки и особенно от речей в станицах. Здесь, в Усть-Хопёрской станице, Атаман рассчитывал отдохнуть и с новыми силами продолжать объезд станиц. Как было упомянуто, он с хорошим настроением духа подъезжал к переправе через Дон, где его встретил Окружной Атаман Усть-Медведицкого округа, который, отрапортовав о благополучии округа, передал Атаману срочную телеграмму. Атаман, как всегда спокойно, распечатал её и стал читать. По мере чтения лицо его становилось всё мрачнее и мрачнее, задёргалось правое плечо, и рука стала разглаживать усы, что было всегдашним признаком его нервного состояния. Прочитав телеграмму, он грустно посмотрел вокруг, снова её прочитал, махнул рукой и отдал приказание: «В Усть-Хопёрской станице я ночевать не буду. Поговорю с казаками и поеду в станицу Усть-Медведицкую, а рано утром из Усть-Медведицкой — на Арчаду и в Новочеркасск. Мне срочно надо быть там».

В это время экипажи были поставлены на паром, куда спустился и Атаман. Он стоял, глубоко задумавшись, держа в руке телеграмму. Телеграмма была из Новочеркасска, от Товарища Атамана Богаевского. Вот её приблизительное содержание: «Керенским генерал Корнилов объявлен вне закона. Ваше присутствие в Новочеркасске необходимо».

Здесь же, на пароме, Окружной Атаман доложил, что если надо срочно быть в Новочеркасске, то лучше не ехать в Арчаду, а приказать подать вагон со ст. Арчада на ст. Обливскую и из станицы Усть-Медведицкой на лошадях проехать на ст. Обливскую, так как имеются сведения о том, что в Царицыне неблагополучно. Атаман стоял, попрежнему мрачно задумавшись, и неподвижно глядел на воду. Невольно, видимо инстинктивно, у него несколько раз вырвалась фраза: «Рано выступил...»

Выйдя на берег, Атаман сказал: «Хорошо, отдайте распоряжение, чтобы мой вагон передали на ст. Обливскую, но тогда я приеду в Новочеркасск на сутки позже, а мне надо быть там как можно скорее... Кто меня посмеет тронуть? Я поеду на Арчаду».

Окружной Атаман на это вторично доложил, что через Царицын ехать небезопасно, на что Атаман мрачно ответил: «Ну, хорошо. На Обливскую. Сделайте распоряжение, что не могу переночевать в своей родной станице и повидать станичников, как бы мне ни хотелось поговорить с ними». Сел в экипаж и поехал. Не доехал и полверсты до станицы, как увидел, что все казаки вышли навстречу своему Атаману-станичнику. Взамен «хлеба-соли» станичники на блюде поднесли Атаману фрукты из своих садов. Приняв рапорт от Станичного Атамана и выйдя их экипажа, Атаман стал обходить казаков. Здоровался с ними, многих целовал, но вид у него был грустный и печалью веяло от его лица. Здесь же, в степи, был накрыт стол, уставленный яблоками, сливами и грушами. Смеркалось. Атаман обратился к казакам и сказал: «Думал переночевать у вас, завтра поговорить с вами, побывать у вас в домах, но получил сейчас телеграмму, которой меня срочно вызывают в Новочеркасск. Мне очень грустно, что не могу побывать в своей станице...»

Подойдя к столу, Атаман обратил внимание на чудные фрукты и сказал, что станица славится своими садами и что здесь замечательные яблоки, которые надо будет повезти жене, она их так любит — это же наши донские яблоки. Казаки стали просить Атамана зайти в станицу и откушать их «хлеба-соли», так как она уже приготовлена. Атаман согласился и пешком, в кругу своих станичников, прошел в дом, где был приготовлен ужин. Разговорился со своими станичниками и родственниками. Немного оживился, но сейчас же загрустил, и улыбка сбежала с его лица. Станичники это заметили и на вопросы их о причине его печали Атаман ответил:

«Плохие времена... Генерал Корнилов объявлен вне закона — это меня очень обеспокоило. Всё в своё время узнаете...»

Несмотря на грустное настроение Атамана, трапеза затянулась, и Атаман, не желая огорчать своих родных станичников, просидел в их кругу до десяти вечера. Выйдя из дома, где была приготовлена «хлеб-соль», Атаман направился к своему бывшему родному куреню, в котором он родился. Посмотрел на него, сел в экипаж и поехал в Усть-Медведицкую. Всю дорогу до Усть-Медведицкой Атаман ехал мрачный и не разговаривал. Поздно вечером он прибыл в станицу и прямо прошёл в Управление Окружного Атамана, где ему был приготовлен ночлег. Придя в Управление, Атаман приказал еще раз передать приказание о передаче вагона на ст. Обливскую и потребовал подать все имеющиеся в Управлении телеграммы и газеты. В это время ему был приготовлен ужин. За ужином, кроме Окружного Атаман, присутствовало и несколько чинов Управления Окружного Атамана. Встречи не было никакой, так как его ожидали на другой день вечером. Ужин прошёл хорошо, но Атаман попрежному был задумчив и только отвечал на вопросы, ему задаваемые. На другой же день Атаман предполагал утром выехать из станицы на ст. Обливскую, но Окружной Атаман просил задержаться и посетить хотя бы сбор казаков станицы. На это Атаман согласился и пошёл отдыхать, прося не устраивать обеда.

23 августа с утра Атаман нанёс визиты Окружному Атаману и некоторым чинам гражданской администрации, а также некоторым жителям станицы и в 10 часов прибыл в Станичное Правление, где были собраны казаки. Приняв рапорт от Станичного Атамана и «хлеб-соль» от казаков, Атаман обратился к ним с речью приблизительно такого же содержания, что и в предыдущих станицах и только в конце речи добавил, что «наступают очень тяжёлые времена, что ген. Корнилов объявлен вне закона и что казакам особенно строго надо следить за собой, слушать своих атаманов и не поддаваться ни на какие льстивые и предательские речи

агитаторов, которых развелось очень много. Надо беречь свою Родину, иначе будет очень скверно и тяжело...» По окончании речи находящийся на сборе Войсковой Старшина Миронов просил у Атамана слова, но последний ему ответил, что очень спешит и времени нет. Миронов еще настойчивее стал просит Атамана разрешить ему высказаться, на что Атаман довольно резко сказал: «Я вам говорить запрещаю и прошу больше ко мне с этим вопросом не обращаться!» Затем Атаман пожелал казакам сил и всего лучшего, крепче держаться казачьих вековых традиций и покинул Станичное Правление.

Из Станичного Правления Атаман проехал к своим родственникам, где его уговорили остаться пообедать. После долгих отказов Атаман согласился. На этом обеде присутствовали только родственники Атамана и Окружной Атаман. Родственники были очень огорчены тем, что Атаман не останавливается у них и так скоро уезжает, а равно были опечалены и мрачным и грустным видом их дорогого гостя. Обед прошёл тихо, разговор носил чисто семейный характер. В конце обеда Атаман заметил, что родственники что-то стали волноваться и что-то готовить. Узнав, что это они готовят ему провизию на дорогу, он просил их этого не делать, а сопровождавшему его категорически запретил брать что-либо. Как ни просили они его побыть у них еще, он не согласился и в 2 часа дня отбыл на лошадях на станцию Обливскую. До ст. Обливской сопровождать Атамана был еще назначен адъютант из Управления Окружного Атамана. Проводить Атамана к дому его родственников собрались казаки; Атаман еще раз пожелал им всего хорошего и сказал: «Будьте верны своему долгу теперь — так же, как были ему верны и в старину!» и экипаж тронулся. Только что он тронулся, как одна из родственниц Атамана бросила корзинку в коляску. Атаман мрачно посмотрел, поклонился ей и сказал: «Ну, зачем это они сделали, я же просил их этого не делать, а они вот сделали... Добрые люди! Мне ничего не надо, а для них это составляет большой расход. Ну, да теперь надо везти».

Путь лежал через хутора Ефремовский и Калачев. Всю дорогу Атаман был мрачен и не разговоривал. В хуторах только перепрягали лошадей и не задерживались. Выехав из х. Калачева, Атаман сказал: «Хоть мы и отказываемся от провизии, но хорошо, что они её нам дали; я думаю, что теперь время будет закусить». Экипаж остановился в степи, и все с удовольствием приступили к еде. Уже вечерело. В степи было хорошо, провизия пригодилась как нельзя лучше. Атаман был мрачен и ел очень мало, почти не разговаривал и только беспокоился — успели ли передать его вагон на ст. Обливскую. Закусив, тронулись дальше. Подъезжая к станции Обливской, увидели, что пути жел. дороги свободны и вагона Атамана нет. Атаман очень рассердился и сказал, что если бы поехали на Арчаду, уже подъезжали бы к Новочеркасску, а теперь теряется время. Сказав это, он приказал справиться в Царицыне, передан ли его вагон или нет и поторопить передачу, так как завтра утром он должен выехать. Начальнику станции Обливской это было передано, и Атаман проследовал в хутор Обливский на ночлег. Сопровождавший его адъютант от Управления Окружного Атамана проводил его на ночлег к одному из торговых казаков хутора. В доме все уже спали — было около двенадцати ночи. Хозяйка, узнав, что это — Атаман, засуетилась с ужином, но он просил дать ему только чаю и больше ничего не готовить. Как Атаман ни отказывался, но на столе появился ужин. Атаман был очень мрачным и пил только чай. В это время в дом вошёл полковник, командующий запасным казачьим полком, расположенным в хуторе Обливском. Выслушав рапорт, Атаман отпустил его, сказав, что утром посмотрит запасный полк. Напившись чаю, лёг спать. Не прошло и получаса с тех пор, как он лёг, как послышался стук в двери и вошёл очень взволнованный казак *, который

* Это был не рядовой, а офицер, В. М. Гарин, ночью срочно командированный из ст. Нижне-Чирской Окружным Атаманом. **Н. М.**

сказал, что ему необходимо срочно видеть Атамана. На все доводы, что Атаман очень устал и только что заснул, казак стоял на своём, требуя разбудить Атамана. Атаман принял казака и беседовал с ним в своей комнате. По окончании беседы, Атаман вышел и приказал передать командиру запасного полка, чтобы к шести утра сегодняшнего дня, т. е. в день 24 августа, его сотни были выстроены: одна в конном строю, другая в пешем, а также приказал немедленно узнать у начальника станции, когда прибудет его вагон. Приказание командиру полка было передано, а начальник станции ответил, что Царицын еще не дал сведений и что он послал вторичный запрос. После доклада Атаман снова лёг спать и приказал разбудить его в 5 утра. Казак же рассказал, что он прискакал со станции Чир предупредить Атамана, что там имеются сведения о том, что утром с поездом прибудут из Царицына пехотные части, чтобы арестовать Атамана и не допустить его приехать в Новочеркасск. До 5 утра время прошло спокойно и никто не тревожил.

24 августа в 5 утра Атаман встал, напился чаю и выехал на станцию. Он был очень спокоен. По дороге, недалеко от станции, была выстроена сотня в конном строю. Атаман поздоровался, прошёл вдоль фронта и проследовал к вокзалу, где была другая сотня в пешем строю. Атаман также поздоровался и прошёл в вокзал. К этому времени прибыл на станцию и Окружной Атаман 2-го Донского округа (в хутор Обливский он прибыл ночью). Начальник станции доложил, что о вагоне никаких сведений нет, что Царицын не отвечает, и сказал, что имеются частные сведения о том, что там не всё благополучно. Атаман ответил, что если его вагон не идёт — он поедет в общем вагоне и просил нач. ст. сообщить на ст. Чир, чтобы ему оставили купэ. Поезд должен был бы выходить со ст. Чир, но его там еще не было, и ст. Чир, по словам нач. ст., как-то странно и неохотно сообщила о движении поезда. Всё это, т. е. сообщение казака, неподача вагона и неясные ответы ст. Чир — наводило всех окружающих Атамана на грустные размышления, результатом чего был доклад Ата-

ману о том, что не лучше ли бы было ехать ему не поездом, а на лошадях. Выслушав это, Атаман ответил, что он поедет поездом, так как сегодня вечером он должен быть в Новочеркасске, и стал ходить по платформе. Час прихода поезда уже прошёл, а его не только не было на ст. Обливской, но не было и на ст. Чир.

Между тем по телефону стали передаваться со ст. Чир какие-то неясные, но тревожные сведения; разобраться в них было трудно и чувствовалось, что наступает что-то неладное, так как сообщалось, что с поездом следует вагон с воинской частью, что этот вагон прицеплен в пути без указания места назначения. Атаману вторично доложили об этих тревожных сведениях, на что от ответил: «Что вы волнуетесь, и чего вы боитесь? Кто может тронуть Атамана на Донской земле?!»

Далее стали получаться еще более тревожные сведения, попрежнему неточные, но в них указывалось, что с поездом следует вооружённая рота солдат. На докладе об этом Атаману, он всё-таки ответил: «Они ничего не сделают. Не могут сделать! Я поеду поездом». После этого он приказал назначить от полка в охрану двух офицеров, а сотням быть наготове. На это командир полка доложил, что у него на сотню всего лишь по пяти винтовок, а патронов — совершенно нет; у офицеров, хотя и есть револьверы, но патронов также нет. Окружающие опять стали говорить, что ехать поездом рискованно, и лучше ехать в Новочеркасск на лошадях.

Атаман на это ничего но ответил и, сумрачно задумавшись, стал ходить по платформе, а со ст. Чир сведения поступали в том же духе. Служащие станции были очень возбуждены, телеграфный и телефонный аппараты работали со ст. Чир беспрерывно, а сведения получались всё тревожнее и тревожнее, хотя точно ничего нельзя было установить; однако, чувствовалось всеми, что наступает тяжёлая и ответственная минута и что надо принимать решительные меры и не подвести своего Атамана под какую-нибудь не только опасность, но даже и под неприятность.

В третий раз подходит к Атаману адъютант и докладывает, что ехать поездом очень рискованно, что каза-

ки не вооружены и Бог весть что может случиться по приходе поезда или же в дороге. Атаман попрежнему мрачно выслушивает и говорит: «Делайте, как хотите... На лошадях — так на лошадях. Но знайте, что я должен быть как можно скорее в Новочеркасске! Прикажите подать лошадей. Только не тройку, а пару, вещи же мои отправьте с казаком поездом и скажите ему, чтобы, по прибытии в Новочеркасск, он передал их моему Товарищу, Митрофану Петровичу Богаевскому. Пусть на словах передаст, что я задерживаюсь в пути и чтобы автомобиль мне был выслан навстречу в станицу Константиновскую».

Был подан почтовый тарантас, запряженный парой лошадей, и на нём Атаман отправился в ст. Константиновскую через хутора Верхне-Гнутов, Чекалов, Николаевский и Зазёрский. Ехал Атаман в очень подавленном состоянии духа, почти не разговаривал и очень неохотно отвечал на вопросы. Очень часто он повторял: «Напрасно я послушался и не поехал поездом. Сегодня был бы уже в Новочеркасске, а теперь приеду только завтра, да еще успеем ли приехать и завтра...» Когда отъехали несколько вёрст, послышался гудок паровоза. Атаман покачал головой и сказал: «Вот ехали бы теперь поездом, а так придётся два дня ехать на лошадях».

В хуторах при перепряжках Атаман не задерживался и торопил ехать дальше. Дорога шла степью не по главному тракту, а по просёлочным дорогам. По пути почти никого не встречали, перегоны были большие. Ехали молча. На одном из перегонов кучером был пожилой казак, доволно словоохотливый, который всё время оборачивался и подробно интересовался, кто мы, куда едем и стал подробно расспрашивать об Атамане Каледине, говоря, что хотел бы хотя раз увидеть его, что много про него хорошего говорят, и добавил: «Прошёл у нас слух по хуторам, что Атаман Каледин ездит по станицам, ну а в наши хутора он не заглянет». Атаман долго слушал старика и потом спросил его: «А что, очень бы тебе хотелось повидать Каледина? — Так смотри!» При этом он расстрегнул свою шинель и спустил её с плеч. Казак растерялся, сперва смотрел на своего

Атамана, потом быстро остановил лошадей, соскочил с козел, снял шапку и стал просить у него прощения за то, что не знал, что везёт своего Атамана, а то бы он запряг не таких лошадей, и не пару, а лучшую тройку, сам бы приоделся и мигом бы доставил Его Высокопревосходительство Господина Войскового Атамана до следующей станции. И тут же он высказал недоумение — как же это так? Когда едет Атаман, да не Войсковой, а Окружной, и то заранее известно, и лошадей приготовляют, и дороги чинят, а тут — едет сам Войсковой Атаман, и никто не знает, никто не встречает! Атаман прервал его речь, вышел из тарантаса, обнял его, поцеловал и просил никому не говорить, что он вёз Атамана Каледина: «Это так надо! А со временем узнаешь, станичник, всё подробно...» Казак сел на козлы, и тарантас тронулся. Больше казак не расспрашивал ничего, а только изредка оглядывался и смотрел на своего Атамана.

В хуторе Зазёрском Атаман остановился на ночлег, вечером ходил по хутору, но не как Атаман, а как проезжий. Разговаривал с казаками, расспрашивая их о житье и нуждах, а около одной хаты подсел к семье, которая «вечéряла», и ел с ними арбуз. Было видно, что у Атамана тяжело на душе и мысли его тревожны. Войдя в помещение почтовой станции (она же и «въезжая квартира»), Атаман выпил чаю и лёг спать, отдав приказание еще до света выехать.

25 августа, еще до рассвета, Атаман был уже на ногах и стал торопить с отъездом. Лошади были поданы быстро, и Атаман выехал в ст. Константиновскую. За всю дорогу он не проронил ни одного слова. Подъезжая к ст. Константиновской, Атаман увидел в поле казаков на занятиях в конном строю, причём учение шло «повзводно» и учили урядники, а офицеров при частях не было видно. Атаман приказал ехать шагом и грустно смотрел на казаков, проронив одну лишь фразу: «Вот занятия идут, а господа офицеры еще спят...» Въехав в станицу, он приказал ехать в Управление Окружного Атамана. В Управление он прибыл очень рано, занятия там еще не начались, и никого кроме дежурного, оказавшегося писарем, не было. Первое, что

спросил Атаман — это было про автомобиль, он очень спешил и был огорчён, что автомобиль еще не пришёл. Сейчас же прибыли в Управление Окружной Атаман и чины управления. Атаман хотел сейчас же на лошадях ехать в Новочеркасск, но Окружной уговорил его остаться на несколько часов в станице, посетить станичное правление, раненых и посмотреть запасные казачьи части. Атаман согласился и приказал, чтобы все части к 12 часам дня были выстроены на площади и тут он их посмотрит, а также посетит раненых; в станичное правление обещал зайти, но просил казаков не собирать — он поговорит с ними на площади, где будут собраны и части. Посетив раненых, Атаман зашёл к некоторым жителям станицы, где ему был приготовлен скромный завтрак. Во время завтрака пришёл автомобиль, высланный из Новочеркасска, что Атамана сравнительно успокоило, и он надеялся к вечеру быть в городе. Шофёр сказал, что он ночью выехал из Новочеркасска, но задержался в дороге по причине порчи автомобиля и передавал, что в городе неспокойно, что-то происходит, а что — он хорошо не знает. Об этом, конечно, Атаману не было доложено, так как шофёр ничего определённого сказать не мог.

В 12 дня Атаман вышел на площадь у Управления, где были покоем выстроены все запасные части, находившиеся в станице. На левом фланге были построены лица военной и гражданской администрации и казаки станицы. Обойдя вдоль фронта и поздоровавшись, Атаман принял представляющихся и поздоровался с казаками станицы. Выйдя на середину перед фронтом, Атаман обратился с речью приблизительно такого содержания: «Россия и Дон переживают сейчас тяжёлое время... Вижу вас молодцами, будьте твёрды в своих старых заветах, слушайте ваше начальство и стариков, не поддавайтесь на льстивые речи агитаторов, которых развелось очень много и которые сеют недоброе семя и стараются поколебать вас и направить на дурное. Помните, что войну надо закончить во что бы то ни стало! Не верьте соблазну о мире, его не может быть, и пока неприятель не разбит, ни мира, ни порядка в России

быть не может. Помните это твёрдо и берегите русскую честь!»

Во время этой речи Окружному Атаману была принесена срочная телеграмма, которую он взял и держал в руке. Сопровождающий Войскового Атамана адъютант взял её у него из рук и прочитал. Когда Атаман Каледин сделал небольшую паузу в своей речи, эта телеграмма была передана ему. Когда он её прочёл, лице у него стало очень мрачное; низко опустив голову, он задумался, вновь взял эту телеграмму, прочёл её вторично и, передавая её адъютанту, сказал: «Подержите». Снова обратившись к казакам, он продолжил: «Я говорил вам сейчас, что мне обидно, что я вас мало видел, не мог посмотреть ваше ученье и подольше поговорить с вами... В скором времени я снова приеду к вам, но теперь обстоятельства очень и очень меняются. Помните же, что я вам говорил, крепче держитесь друг друга, храните заветы старины. Будьте здоровы, прощайте...» И голова Атамана опустилась низко. А затем он обошёл начальствующих, простился с ними, а при прощании с Окружным снова взял телеграмму, прочёл её и, передавая Окружному, просил беречь казаков и весь 1-ый Донской округ, после чего направился к автомобилю. Когда Атаман садился в автомобиль, Окружной Атаман провозгласил ему здравицу, и под громкие крики донского «ура» Атаман выехал — Окружной же Атаман сказал только еще: «Храни вас Бог».

Содержание этой телеграммы, так изменившей настроение Атамана, было приблизительно следующее:

«ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ! ГДЕ БЫ НИ НАХОДИЛСЯ АТАМАН КАЛЕДИН — НЕМЕДЛЕННО ЕГО АРЕСТОВАТЬ И ДОСТАВИТЬ В МОСКВУ. КЕРЕНСКИЙ».

Мрачный и грустный сидел в автомобиле Атаман, сосредоточенно думал о чём-то. Так проехали несколько вёрст, и он только сказал:

«Бедная Россия! Что её ждёт?!..»

На вопросы не отвечал, только спросил шофёра — благополучно ли в городе, на что тот ответил: «Так

точно, Ваше Высокопревосходительство!» Атаман приказал ехать осторожно, чтобы не испортить автомобиля, так как дорога для автомобиля была не особенно хорошая. Проехали еще несколько вёрст, и Атаман приказал остановиться. Он вышел из автомобиля и пошёл очень скорым шагом, а автомибилю приказал следовать за ним. Пройдя версты 2-3, он сел в автомобиль и поехал дальше. Так доехали до станицы Богаевской, переехали через Дон и спустились в займище — здесь дорога пошла по песку, и автомобиль шёл тихо. Проехав версты четыре, увидели взвод казаков в конном строю. Атаман с недоумением посмотрел и приказал остановить автомобиль. Выйдя из него, он поздоровался с казаками и спросил у офицера, зачем выслан и почему тут находится этот взвод; офицер ответил, что он Донским Правительством выслан конвоировать Атамана, на что Атаман ответил: «Конвоя мне не надо. Вы зарежете лошадей, сопровождая меня по такой тяжёлой дороге, а у казаков лошади свои». Офицер же ответил, что ему приказано конвоировать и он должен исполнить этот приказ. Атаман пожал плечами и ответил: «Приказали, так и исполняйте», а шоферу приказал ехать тихо, чтобы лошади конвоя не устали; сел в автомобиль и, окружённый взводом казаков с пиками наперевес, тронулся дальше. Приблизительно вёрст через десять опять стоял взвод казаков. Атаман вышел из автомобиля и, уже ничего не спрашивая, поздоровался с казаками; в это время командир взвода сказал сопровождающему адъютанту, что Атамана приказано арестовать, но казаки постановили Атамана не выдавать и взять под охрану, а не для ареста, для чего и высланы взводы казаков. Когда об этом было доложено Атаману, лицо его сразу оживилось и, обращаясь к казакам, он сказал:

«Спасибо, станичники, за преданность! Атаман в в своей Донской земле в охране не нуждается!»

Он приказал спешить взвод, дать казакам отдохнуть и тихими аллюрами идти в своё расположение, сел в автомобиль, и тронулись на станицу Кривянскую. Выехав из станицы Кривянской, Атаман увидел две сотни в конном строю, а впереди, по линии железной дороги —

массу народа и солдат запасных пеших частей, расположенных в Новочеркасске. Здесь он принял рапорт от войскового старшины, командовавшего дивизионом. Атаман передал ему приказ не сопровождать его, на что тот, как и первый офицер, сказал, что ему приказано сопровождать, что солдаты стоят около города и что он должен этот приказ исполнить. Атаман ничего не ответил, прошёл вдоль фронта казаков, поздоровался с ними, сел в автомобиль и под конвоем сопровождающих его двух сотен поехал через Кривянскую площадь в Новочеркасск. У города вся линия железной дороги и окраина города были заняты пехотными солдатами, но они стояли тихо, и только их зверские лица показывали, что, если бы не казаки, то неизвестно, что они сделали бы с Атаманом. По въезде в город, поднимаясь по Крещенскому проспекту, Атаман был приветствован жителями города: бросали цветы, кричали «ура», и так он прибыл ко дворцу. Здесь дворцовая площадь также была запружена народом, и Атаман был засыпан цветами. Выйдя из автомобиля, он сейчас же поблагодарил всех за радушный прием и под громкие крики прошёл во дворец. Крики не смолкали, и Атаман показался на балконе и вторично благодарил и просил разойтись. Весть о приезде Атамана быстро разнеслась по городу, а во дворце уже стали собираться на заседание члены Донского Правительства.»

Глава 6-ая

ГЕНЕРАЛ КАЛЕДИН И ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ. ТРИУМВИРАТ.

В тот жуткий момент, который переживала Россия, Дон был единственным местом, где могли найти себе безопасный приют Быховские узники и где могли они, под крылышком Каледина, начать задуманное ими дело спасения Родины.

Имя Каледина было той путеводной звездой, которая вела на Дон всех тех, кто не мог признать захвата власти в России одной частью населения, возглавляемой притом партией, ничего хорошего по существу неспособной дать народу, обманутому красивыми словами и дорого заплатившему за своё легковерие неисчислимыми миллионами человеческих жизней. Звезда эта появилась на горизонте со времени Московского Государственного Совещания, на котором Донской Войсковой Атаман, от имени всех двенадцати Казачьих Войск Европейской России, Сибири и Дальнего Востока, объявил Общеказачью Декларацию. В одной из своих речей на Войсковом Круге Донской Атаман П. Н. Краснов сказал: «И загорелась на Юге звезда... Выборный Донской Атаман А. М. Каледин сказал своё веское слово и пронеслось оно от края и до края Земли Русской и вселило надежду: еще живы, мол, казаки!»

И они оказались живы... Не ошибся Каледин: после кратковременного помутнения разума и совести у фронтовиков, казачество на территории всех Казачьих Войск всем народом, с оружием в руках, поднялось против большевиков.

Не ошибся Каледин, оказав широкое гостеприимство Добровольцам, не ошиблись и они, собравшись на Дону на «Калединский огонёк»: дальнейшие события показали, что обе стороны были необходимы друг другу.

Я укажу на некоторые факты.

Когда понадобилось разоружить в Новочеркасске распропагандированные запасные неказачьи полки и нужна была помощь, она была оказана ген. Алексеевым. Когда в ночь на 26 ноября произошло выступление большевиков в Ростове и Таганроге и власть в этих городах перешла к революционным комитетам и Советское правительство таким образом начало гражданскую войну, А. М. Каледин и Войсковое Правительство решили принять вызов. Когда выяснилось, что на фронтовые казачьи части рассчитывать нельзя, Атаман пришёл к ген. Алексееву и сказал ему: «Я пришёл к вам, Михаил Васильевич, за помощью: будем, как братья, помогать друг другу — будем спасать, что еще можно спасти». Ген. Алексеев, собирание сил у которого только еще начиналось, обнял Каледина и сказал: «Дорогой Алексей Максимович, всё, что у меня есть, отдам для общего дела». Из офицеров и юнкеров общежития на Барочной улице был образован отряд около 500 штыков. К ним присоединилась Донская молодежь — студенты, гимназисты, кадеты, а позднее и одумавшиеся казаки.

Нельзя не вспомнить защиту подступов к Новочеркасску 2-ым офицерским батальоном Добровольческой Армии в последние дни жизни А. М. Каледина. Когда после смерти Каледина начались на Дону восстания и в конце апреля 1918 года, при втором освобождении казаками Новочеркасска, на фронте у Хутунка создалось тревожное положение, на выручку явился отряд полковника М. Г. Дроздовского, и его броневик, эскадрон и батарея обратили большевиков в бегство. В «Донской

Летописи» отмечено, что «население города особой овацией встретило доблестного М. Г. Дроздовского и его отряд, которому Новочеркасск был обязан неожиданной и незабываемой помощью».

Вспоминается присылка в феврале 1919 года генералом Деникиным, по просьбе Войскового Круга и Атамана, корпуса генерала Кутепова в Донецкий бассейн в критический момент развала Донского фронта...

Не забыли и Добровольцы участия в Ледяном Походе состоявшего из Донских отрядов Партизанского полка генерала А. П. Богаевского, хорошо они помнят и ту помощь, которая была оказана Донцами Добровольческой Армии, когда она после гибели своего доблестного вождя Л. Г. Корнилова подошла, истекающая кровью, измученная, обременённая громадным количеством раненых и больных, к Донским пределам... Дон её приютил, разместил раненых и больных в своих лазаретах. Бывшая в тот момент небоеспособной, она получила возможность отдохнуть и пополниться.

Как это ни странно, но вожди Добровольческой Армии, бывшие Быховские узники, сами едва избежавшие участи трагически погибшего Верховного Главнокомандующего генерала Н. Н. Духонина, сами пережившие тяжкий период перехода от власти над дисциплинированными солдатами к собственному бессилию и беспомощности, когда бывшие воины превратились в разнузданную банду, генералы и общественные деятели, группировавшиеся вокруг вождей и вошедшие впоследствии в состав «Особого Совещания», не понимавшие сложившейся на Дону очень сложной общей обстановки, высказывали свою неудовлетворенность деятельностью Атамана и его Правительства, говорили о «недопустимости полного отсутствия дерзания», «медлительности в деле спасения России», «нерешительности Донского Правительства».

На одном собрании группы общественых деятелей, где были и генералы, А. М. Каледин им ответил: «А вы что сделали? Я лично отдаю России и Дону свои силы, не пожалею и своей жизни, но весь вопрос в том, имеем ли мы право выступить СЕЙЧАС ЖЕ, можем ли мы рас-

считывать на широкое народное движение? Развал — общий. Русская общественность прячется где-то на задворках, не смея возвысить голос против большевиков. Войсковое Правительство, ставя на карту Донское Казачество, **обязано** произвести точный учёт всех сил и поступить так, как ему подсказывает чувство долга перед Доном и перед Родиной».

Ген. С. В. Денисов, один из плеяды принципиальных противников Калединского Правительства и самого Каледина — убеждённого сторонника народоправства, продолжающего и после смерти оставаться во многих отношениях живым укором для деятелей другого типа — в своих записках о гражданской войне на Юге России, извращая сообщение ген. Лукомского, пишет: «Донское Правительство, подыгрываясь под настроение разлагающихся казаков, настаивало на переходе Добровольческой Армии в Ростов, считая это за терпимое пока явление. С душевной грустью вынужден был согласиться на это и Атаман Войска Донского генерал Каледин». Давая совет генералам временно уехать из Новочеркасска, Атаман хотел до некоторой степени парализовать пропаганду, которая внушала фронтовикам, что приехавшие в Новочеркасск генералы — «кадеты» — хотят восстановить «старый режим»; в этом же направлении действовала и городская демократия, неправильно истолковавшая августовское выступление генерала Корнилова; помогала ей невольно и горячая офицерская молодёжь, не отдававшая себе отчёта в создавшемся положении: из окон общежития № 1 на Барочной улице проходившие казаки слышали пение «Боже, царя храни»... Это помогало пропаганде большевиков, подливая «масла в огонь»... Учитывая всё это, Атаман и Войсковое Правительство не подчёркивали — и других просили не афишировать — присутствия генералов и офицеров Добровольческой Армии (тогда «Алексеевской организации») в Новочеркасске и молча, без слов, помогали им и их зарождавшимся формированиям.

Когда Атаман и Войсковое Правительство, объявив Дон независимым от советской власти, получили, по со-

глашению с Государственным Банком, на нужды борьбы 30 миллионов рублей, половину этих общегосударственных сумм, т. е. 15 миллионов, они передали Добровольческой Армии и помогли ей «стать на ноги».

У Добровольческой Армии, Войскового Круга, Атамана и Правительства была общая главная цель: благополучно довести страну до Учредительного Собрания, которое и должно будет решить все общероссийские главные вопросы, в том числе и о форме правления. Атаману и Правительству пришлось ограждать Добровольческую Армию и в других отношениях. 30-го декабря 1917 года Донской Областной Крестьянский Съезд, в котором, кроме представителей коренных крестьян, участвовали и «иногородние» и представители городов, т. е. половина населения Донского Края, принял постановление — требование о разоружении и роспуске Добровольческой Армии, как организации контр-революционной.

И Атаман и его помощник М. П. Богаевский настояли на пересмотре решения. Они доказывали, что основная цель, поставленная себе Добровольческой Армией — довести страну до Учредительного Собрания, то есть та же, что и у Донского Правительства и у Крестьянского Съезда; цель же местного характера — защита, вместе с нами, Донского Края от большевиков, объявивших войну Дону и ведущих эту войну. С большим трудом А. М. Каледину и М. П. Богаевскому удалось добиться отмены принятого Съездом решения и прийти к компромиссному соглашению: Добровольческая Армия, пока она будет находиться на Донской территории, должна быть под контролем Объединённого Донского Правительства и, в случае установления наличности в Армии элементов контр-революционных, эти элементы должны быть немедленно удалены за пределы Области.* Чтобы разубедить неказачью часть коалиционного «паритетно-

* Декларация Коалиционного Правительства от 5 января 1918 г.

го» правительства в том, что вожди Добровольческой Армии не являются сторонниками «старого режима», казачья часть решила устроить частное совещание и пригласить на него генерала Алексеева и членов неказачьей части правительства, кроме проф. Кожанова и приват-доцента Боссе, подозрительных по большевизму.

Частное совещание состоялось 18 января в кабинете Председателя Правительства М. П. Богаевского. Сохранилась подробная запись этого совещания, откуда я и привожу наиболее существенные выдержки. Открывая заседание, М. П. Богаевский в краткой речи охарактеризовал цели и задачи, поставленные себе Добровольческой Армией, особенно подчеркнув при этом помощь, которая была оказана Дону при взятии Ростова и при обороне границ Области совместно с немногочисленными Донскими защитниками. После этого эмиссаром неказачьей части правительства доктором В. В. Брыкиным, Донским казаком, был задан генералу Алексееву ряд вопросов, причём некоторые из них были несовсем тактичные, и требовалось много такта и выдержки, чтобы дать достойный ответ и вместе с тем рассеять сомнения слушателей, убедить их.

«Съезд крестьян», начал В. В. Брыкин, «поручил нам всесторонне ознакомиться с организацией, с деятельностью и задачами Добровольческой Армии. Какова история возникновения Добровольческой Армии?»

Спокойно и мягко взглянув своими близорукими глазами на Брыкина, ген. Алексеев что-то отметил в своей записной книжке и, выдержав небольшую паузу, ответил:

«В октябре месяце в Москве был организован Союз Спасения Родины. Организаторами его являлись главным образом представители кадетской партии. Этот Союз поручил мне дальнейшую организацию дела спасения Родины всеми мерами и средствами; для этой цели я и приехал на Дон, как в единственное безопасное место, куда стали стекаться беженцы офицеры и юнкера, из которых мною и была образована Добровольческая

Армия. В последнее время, как вам известно, в Совещание при мне вошли представители демократии, и в настоящий момент ведутся переговоры с лидерами и других, кроме кадетской, партий, как, например, с Плехановым, Кусковой, Аргуновым и другими. Конечно, с Черновым и его партией переговоров быть не может — нам с ними не по пути» *.

— «Если у вас, генерал», обратился к нему Брыкин, «существует, как вы говорите, контакт с демократическими партиями, то почему члены вашей армии нисколько не стесняются выражать своё презрение демократическим организациям, допуская в своих разговорах такие выражения, как — «совет собачьих депутатов» и пр.?»

Что-то неуловимо-ироническое мелькнуло в глазах генерала, и он так же спокойно и мягко, как и раньше, сказал:

«Прежде, чем судить Добровольцев, нужно вспомнить, что они пережили и переживают. Вдумайтесь в их психологию, и вы поймёте происхождение этих разговоров: ведь 90 % их выбралось буквально из когтей смерти и, по приезде на Дон, не оправившись еще от пережитого, они вынуждены были вступить в бой с советскими войсками... Из трёх ночей мне приходится спать только одну. Кроме того, не понимаю, почему это вас так волнует? Ведь Добровольческая Армия не преследует никаких политических целей; члены её при своём вступлении дают подписку не принимать никакого участия в политике и не заниматься никакой политической пропагандой».

— «Скажите, генерал, откуда вы получаете средства для существования?».

— «Средства, главным образом, национального характера, добываются путём добровольных пожертво-

* В состав Совещания входили следующие представители: Б. В. Савинков, К. М. Вендзягольский, С. П. Мазуренко, М. П. Богаевский и П. М. Агеев.

ваний частных лиц. Кроме того, не скрою от вас, некоторую поддержку мы имеем и от союзников, ибо, оставаясь верными до сих пор союзным обязательствам, мы тем самым приобрели право на эту с их стороны поддержку».

— «Скажите, пожалуйста, генерал», продолжает тот же Брыкин, «даёте ли вы какие нибудь обязательства, получая эти средства?»

М. В. Алексеев повернулся всем корпусом в сторону говорившего и медленно, отчеканивая каждое слово, сказал:

— «При обыкновенных условиях я счёл бы подобный вопрос за оскорбление, но сейчас, так и быть, я на этот вопрос вам отвечу: Добровольческая Армия не принимает на себя никаких обязательств, кроме поставленной цели — спасения Родины... Добровольческую Армию купить нельзя».

Среди присутствующих послышался одобрительный шопот.

— «Существует ли какой-нибудь контроль над Армией?»

— «Честь, совесть, сознание принятого на себя долга и величие идеи, преследуемой Добровольческой Армией и её вождями, служат наилучшими показателями для контроля с чьей бы то ни было стороны; никакого контроля Армия не боится».

Во всей фигуре допрашиваемого чувствовалась импонирующая моральная сила, в ответах — большой ум государственного человека, и всё это располагало к нему участников совещания, большинство которых видели М. В. Алексеева в первый раз. Было ясно, что маленький ростом генерал овладел настроением присутствовавших, своей простотой, достоинством и умом покорил их и незаметно разрушил средостение, наблюдавшееся в самом начале совещания. Вопросы продолжались.

— «Не сможете ли вы ответить на вопрос: почему союзники поддерживают Добровольческую Армию?»

— «Потому, что мы, борясь с большевиками, вместе

с тем продолжаем войну и с немцами. Кроме того, защищая хлебородный угол России от большевиков, мы тем самым отстаиваем его и от немецких поползновений, что, во всяком случае, не безвыгодно для наших союзников — вот почему им, затрачивающим на борьбу с немцами миллиарды, ничего не стоит рискнуть некоторой суммой на поддержку движения, совпадающего с их интересами».

— «Каковы ваши надежды на будущее и на что вы рассчитываете при осуществлении его?»

— «Я твёрдо верю в полное очищение России от большевизма и в этом нам окажет поддержку толща Российской интеллигенции и, кроме того, крестьянство, которое уже устало от большевиков и готово принять хоть плохонького царя, лишь бы избавиться от насильников».

— «Разрешите предложить вам еще один, последний вопрос...»

М. В. Алексеев молча утвердительно кивнул головой.

— «Если вы не враг демократии, то как бы вы отнеслись к тем формированиям, которые предположила провести Ростовская Дума из демократических элементов?»

— «Ничего не имею против принятия их в Добровольческую Армию, —конечно, если они откажутся от всего того, что сделало из русской армии человеческую нечисть — и отдам распоряжение о принятии их».

— «Простите, генерал, но еще один, последний вопрос: кто стоит во главе командования Добровольческой Армией?»

— «Генералы Корнилов и Деникин. Называю их потому, что шила в мешке не утаишь...»

Казалось, всё было исчерпано. Наступило молчание... И вдруг, совершенно неожиданно, раздаётся:

— «Ваше превосходительство...»

Все невольно повернулись в сторону говорившего: это был Хотинский, эмиссар неказачьей части Объединённого Правительства, представитель г. Ростова, один

из наиболее подозрительно относившихся к Добровольческой Армии.

«Ваше превосходительство, теперь только, после ваших разъяснений, мы видим, что под вашим руководством всем можно идти куда угодно...»

«Ваше превосходительство», «под вашим руководством», «можно всем идти куда угодно» — этот неожиданный переход к титулованию и всё, сказанное левым Хотинским, подчёркивало, с одной стороны, силу влияния М. В. Алексеева, а с другой — устраняло одно из серьёзных препятствий на пути дальнейшего формирования Добровольческих частей.

После этого собеседования А М. Каледину и Председателю В. Правительства М. П. Богаевскому удалось добиться отмены постановления Областного Крестьянского Съезда, требовавшего разоружения и роспуска Добровольческой Армии, как организации контр-революционной,и провести решение компромиссное: ДобровольческуюАрмию оставить в неприкосновенности, установив лишь общий контроль в смысле политическом. В опубликованной декларации Объединённого Временного Донского правительства было напечатано: Существующая в целях защиты Донской Области от большевиков, объявивших войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное Собрание, Армия должна находиться под контролем Объединённого Правительства и, в случае установления наличности в этой армии элементов контр-революционных, таковые элементы должны быть удалены немедленно за пределы Области».

Офицер Добровольческой Армии, полковник Генерального штаба Я. М. Лисовой, прикомандированный к штабу Войскового Атамана для связи, писал в 1919 году в журнале «Донская волна»:

«Болея душой при виде полного развала когда-то могущественной Родины и видя, как грозные результаты этого развала гигантскими шагами приближаются к границам Донской области, а кое-где и перешагнули за черту её, Войсковой Атаман в непрестанно тяжёлой работе изыскивал пути и способы, чтобы хотя в пределах

Области задержать процесс разложения, которому в это время подверглась вся страна. Ценою разных уступок, подчас тяжёлых компромиссов, ему иногда удавалось создавать кое-какие препятствия надвигающимся грозным событиям, задерживать временно то или иное развитие их. Но едва он, пользуясь этим минутным затишьем, пытался приступить к созидательной работе, как возникали новые осложнения и притом зачастую с той стороны, откуда их никто не ждал.

Естественно, что всякий новый фактор, несущий с собою начало государственности и являющийся таким образом поддержкой Атамана в его стихийной борьбе, встречал в его лице самое широкое сочувствие и признательность в самом широком смысле слова. В силу этого, естественно, идея воссоздания русской армии не могла не найти с его стороны самой широкой поддержки.

Само собой разумеется, что сочувствие Атамана идее Добровольческой армии имело прямым своим следствием ту широкую и возможную в условиях того времени помощь всем начинаниям её, о которой только что говорилось. Сказать, что отношения Атамана к армии носили только дружественный оттенок — значит ничего не сказать.

Тем не менее крайне интересно проследить те условия, в которые себя поставил Войсковой Атаман по отношению к Добровольческой армии, по крайней мере, в первый период её развития.

Как русский человек он, повторяю, не мог не скорбеть при виде гибели Родины, как русский генерал, открыто в своё время заявивший, что первопричиной всех зол являются новшества, введённые в армию и столкнувшие её по наклонному пути в пропасть, — он не мог не сочувствовать воссозданию новой армии, видя в ней залог возрождения России — и, с этой точки зрения, казалось бы, он должен был прямо и открыто стать на путь фактического признания новой организации — это с одной стороны. С другой — как Войсковой Атаман, являющийся главою Войскового правительства всей Донской области, он не мог не считаться с занимаемым

им положением, и такого важного решения, как самостоятельное признание прав на историческое существование какой-то никому неведомой и чуждой кучке людей, — ген. Каледин не мог, конечно, сделать без согласия Войскового правительства. Но поставить этот вопрос на обсуждение правительства в то время означало создать вокруг начинающегося дела нежелательную шумиху, породить разные толки и излишние разговоры. Наконец, как никак, в глазах демократического населения, с которым и Войсковому Атаману и правительству нельзя было в то время не считаться, — все приезжающие на Дон и офицеры и юнкера и кадеты, да и сам, конечно, генерал Алексеев, являлись контр-революционерами, и открытое признание и легализация их могли создать новый прецедент для разного рода нежелательных явлений, запросов и проч.

Ни Войсковой Атаман, ни правительство, стоявшие на государственной точке зрения, понятно упрёков в попустительстве «контр-революционерам» не боялись, но нужно иметь в виду, что в то время еще не успели улечься слухи о мятеже генерала Каледина, о его попытках поднять на Дону восстание, что внутреннее состояние Области, как мы видели, вызывало сильное беспокойство и что этим, т. е. открытым признанием, мог быть нанесён прежде всего вред делу самой организации.

Вот почему и ген. Алексеев и ген. Каледин пришли к следующего рода компромиссу:

Все прибывающие на Дон военные чины считались беженцами, спасавшимися от ига большевиков, и, как таковые, размещались в особых общежитиях.

С этого-то времени и начинается та материальная помощь, которую Войсковой Атаман оказывал Добровольческой армии.

В первые же дни под общежитие, которое было названо «Общежитие № 1», был отведён лазарет № 2, угол Барочной улицы и Платовского проспекта, — со служебным и хозяйственным персоналом и запасами постельных принадлежностей и белья на 250 человек.

К 10 ноября, когда помещение это было переполнено, часть воинских чинов, в составе сформированной уже роты под командой гвардии шт.-капитана Парфенова, была переведена в лазарет № 23, по Госпитальной улице, который получил наименование «Общежитие № 2».

И этот лазарет, так же, как и лазарет № 2, был отдан добровольцам по распоряжению Атамана со всем имуществом и служебно-хозяйственным персоналом.

Несколько позднее появилось и «Общежитие № 3» —в здании гимназии по Ермаковской улице, где была размещена 1-ая сводная батарея под командой кап. Шоколи, а затем отведена часть помещения и в здании Новочеркасского казачьего Училища, где начальником Училища ген. Поповым была оказана размещённой в нём части самая широкая всех видов помощь, начиная от белья и одежды и кончая пищей.

Таким образом, можно констатировать, что в помещениях для Добровольческой армии недостатка не было и таковые отводились каждый раз по мере назревающей потребности.

Существует мнение, кстати сказать ни на чём не основанное, что будто бы Войсковой Атаман не снабдил своевременно Добровольческую армию оружием и что таковое было выдано лишь 17 ноября в день большевистского востания в Ростове, и то по требованию ген. Алексеева. Мнение это совершенно не соответствует истине, что видно из нижеследующей справки.

8 ноября из арсенала было получено для Общежития № 1 24 винтовки, по 30 патронов на каждую, в общежитии же насчитывалось к этому дню 41 человек.

10 ноября через Артиллерийское Управление было проведено разрешение Атамана на выдачу организации 274 винтовок, по 120 патронов на каждую, а также 18 револьверов (в револьверах была острая нужда и в частях Войска Донского), каковые и были получены.

Кроме того, в эти же дни, Атаман обещал передать организации половину пулемётов, которые будут отобраны у гарнизона Хутунка при его разоружении, но, к

сожалению, несмотря на бдительный надзор, большевикам удалось скрытно увезти их до разоружения в Ростов.

В первых числах ноября комендантом ст. Шахтная, поруч. Федоровым, по собственной инициативе, было роздано проезжающим на Дон в организацию офицерам 120 винтовок и около 2.500 патронов, что вызвало большое негодование ген. Каледина и именно не факт передачи, а способ: открытый, на глазах у всех. И только доклад, что винтовки эти попали в организацию, спас смелого поручика от суда. Наконец, после разоружения в средних числах ноября гарнизона Хутунка, винтовки и патроны доставлялись в организацию подводами и автомобилями каждый раз в мере, далеко превышающей потребность наличного состава.

И, как венец всего... 17 ноября в распоряжение особой команды Добровольческой армии был передан броневой дивизион в составе двухпулемётных и однопушечного броневиков.

К 18 ноября не только был вооружён весь состав Добровольческой армии — около 800 человек — но также студенческая дружина и прибывающие пополнения.

Такова истинная картина снабжения оружием Добровольческой армии, из коей видно, что в этом вопросе Войсковой Атаман шёл навстречу самым широким образом.

Что касается снаряжения, то вопрос этот значительно обострился вследствие общего тогда недостатка этого сорта имущества в местных складах Войска Донского. С точки зрения выяснения причин вопрос этот находится в тесной связи с таковым же и в области обмундирования.

Пока требования на эти предметы, и также на снаряжение, не носили массового характера, их сравнительно легко можно было достать из ц. в.-пр. ком., с. ув. воин., «Утоли моя печали» и т. п. Но вскоре быстрый рост сил организации и особенно прибытие фронтовых казачьих частей исчерпали эти источники. Неналаженность, а в первые дни ноября и отсутствие аппарата

снабжения в Войсковом штабе, в связи с расхищением имущества частями гарнизона Хутунка, — еще более обострили этот вопрос.

Не касаясь деталей, можно сделать вывод, что в ноябре части Добр. армии, за малым исключением, в общем, острой нужды в обмундировании и обуви не испытывали. Но вопрос о недостатке котелков, патронташей, подсумков и т. д., как в первые, так и в последующие дни, разрешен не был. Собственно, дело снабжения в ноябре было сосредоточено в Войсковом штабе, и участие Атамана выражалось в той или иной санкции по вопросам особой важности, и нужно быть справедливым — раз дело касалось Добровольческой армии — разрешение вопроса всегда было благоприятным.»

ТРИУМВИРАТ

После приезда в Новочеркасск — 6 ноября 1917 года — генерала Л. Г. Корнилова, между тремя генералами (М. В. Алексеевым, А. М. Калединым и Л. Г. Корниловым) начались совещания по вопросу об организации Добровольческой Армии и ее отношениях с местной властью. С первых же дней выяснилась и срочная необходимость оформить и разграничить права и обязанности каждого из двух главных вождей Армии, так как после первого же их свидания они расстались «мрачнее тучи».

После долгой предварительной работы генералом А. И. Деникиным был представлен выработанный им проект организации Триумвирата, который и был единогласно принят будущими триумвирами. Создание Триумвирата, самое его существование и работа держались в строгой тайне. На Дону знали о нём лишь близкие к Атаману лица. По существу, Триумвират был первым общерусским антибольшевистским правительством. Закончил он своё краткое существование в день смерти А. М. Каледина...

Для Добровольческой Армии Триумвират имел большое благотворное значение, с самого начала раз-

граничив функции двух вождей, имевших разные характеры, и устранив тем самым возможность серьёзных трений.

Акт о создании Триумвирата был подписан носителями верховной власти и в копии переслан в Москву, в Московский Центр общественных деятелей и общественных организаций. В акте говорилось:

1. Верховная власть принадлежит Триумвирату в лице генералов Корнилова, Алексеева и Каледина.
2. Добровольческая Армия во главе с генералом Корниловым.
3. Совет при Добровольческой Армии.

Конструкция Триумвирата:

1. Генералу М. В. Алексееву — гражданское управление, внешние сношения и финансы.
2. Генералу Л. Г. Корнилову — власть военная.
3. Генералу А. М Каледину — управление Донской Областью.
4. Верховная власть — Триумвирату.

Триумвират разрешает все вопросы государственного значения, причём в заседаниях председательствует тот из триумвиров, чьего ведения вопрос обсуждается.

**
*

Верховная власть и Добровольческая Армия ставили такие задачи *:

1. Создание организованной военной силы, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию.

2. Первая непосредственная цель Добровольческой Армии — противостоять вооружённому нападению на

---

* Обнародовано в декларации 2 декабря 1917 года.

Юг и Юго-Восток России. Рука об руку с доблестным казачеством, по первому призыву его Круга, его Правительства и Войскового Атамана, в союзе с областями и народами России, восставшими против немецко-большевистского ига, — все русские люди, собравшиеся на Юге со всех концов нашей Родины, будут защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших им приют и являющихся последним оплотом русской независимости, последней надеждой на восстановление Свободной Великой России.

3. Рядом с этой целью, другая ставится Добровольческой Армии. Армия эта должна быть той действительной силой, которая даст возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства Свободной России. Новая армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой Хозяин Земли Русской — её народ — выявит через посредство Нового Учредительного Собрания державную волю свою. Перед волей этой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет служить создавшаяся армия и все участвующие в её образовании будут беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным Собранием.

**
*

Совет при Добровольческой Армии ставил себе задачей «организацию хозяйственной части Армии, сношения с иностранцами и возникшими на казачьих землях местными правительствами и с русской общественностью, подготовку аппарата управления по мере продвижения вперёд Добровольческой Армии».

В состав Совета вошли: М. М. Федоров, П. Б. Струве, кн. Г. Н. Трубецкой, П. Н. Милюков, Белецкий, Б. В. Савинков, Вендзягольский и от Дона М. П. Богаевский, Н. Е. Парамонов, П. М. Агеев и С. П. Мазуренко. Совет, переформированный по требованию ген. Корнилова, прекратил своё существование незадолго перед смертью А. М. Каледина.

Глава 7-ая

ПОХОД КАЛЕДИНА НА РОСТОВ

В ночь на 26 ноября 1917 г. в Ростове на Дону произошло выступление большевиков, которые при помощи прибывших черноморских матросов и преодолев сопротивление нескольких небольших казачьих команд, захватили в городе власть. Донское правительство получило от восставших, готовившихся к походу на столицу Дона — Новочеркасск, ультиматум с требованием признать советскую власть.

2-го декабря восстание было подавлено и Ростов был взят частями, верными Донскому правительству и при помощи небольшого отряда «Алексеевской организации».

О Калединском походе на Ростов пишет журналист К. Треплев в «Донской Волне»:

«Поход на Ростов в ноябре-декабре 1917 г. — последняя боевая страница в биографии генерала Каледина. Под Ростовом окончилась славная боевая эпопея Донского Атамана и начался его трагический путь на атаманскую Голгофу.

Последние дни Атамана полны неудач. Кто знает, что пережил и передумал он за эти дни? Казаки отвернулись от своего избранника, как говорил Митрофан Петрович Богаевский, Помощник Атамана: «казаки пошли розно» и А. М. Каледин остался в трагическом одиночестве...

Под Ростовом Атаман сражался с большевиками, в изобилии снабженными пулеметами, имея в своем распоряжении небольшой отряд из мальчиков кадет и гимназистов, юнкеров и офицеров. Простых рядовых казаков с Атаманом почти не было. Фронтовые казаки заявили своему Атаману:

«Не желаем идти...»

Молодежь проявляла чудеса храбрости, проливая кровь, дети защищали родные степи, с оружием в руках поддерживая былинную славу Донского казачества, его «вольности».

Было тяжело и обидно. И эта обида слышалась в словах ген. М. В. Алексеева, который после похорон молодых воинов «молодой Калединской гвардии», павших на поле брани смертью храбрых, говорил о фронтовых казаках:

«Знаете, какой бы я им поставил памятник? Грубый гранит — громадная глыба, а наверху разоренное орлиное гнездо с мертвыми орлятами... И сделал бы надпись: орлята умерли, защищая родное гнездо, где же были орлы — донские казаки?»

Калединские орлята умирали за свободу Дона, а донские орлы митинговали... Они голосовали: идти или не идти с Атаманом Калединым... Каледин не стал ждать их решения, — и с мальчиками смело пошел на Ростов. И Ростов был взят... Как говорил Атаман: «без лишних жертв»...

Трудно было Атаману сделать первый шаг... На декабрьском Войсковом Кругу Каледин признался: «Нужно сказать, что к моменту начала военных действий отношения чрезвычайно обострились, но мы все же всеми мерами старались оттянуть этот момент: было страшно пролить первую кровь».

«Страшно пролить первую кровь»... Но другого выхода не было, и для спасения Дона неизбежно было пролить «братскую» кровь и Атаман с тяжелым сердцем пошел на это. Каледин и верный его оруженосец Митро-

фан Богаевский мучились этой кровью, искали оправдания в том, что была пролита кровь...

На Круге Митрофан Богаевский исповедывался:

«Я с тоской и мукой стоял над гробом тех юношей, которых мы похоронили. Я искал ответа: лежит ли эта кровь на моей душе? — и говорил: да, лежит. Но пусть лежит она не на мне только одном. Я принимаю ее на свою душу, но если потребуется моя кровь, то я отдаю ее за казачество. К этому я готов.

«Нет, не преступление то, что мы делаем, а осуществление гражданского долга. Мы, рискнувшие на этот шаг, совершаем его во имя тех целей, которые надо достигнуть во что бы то ни стало. Я не стану вас призывать проливать свою и чужую кровь, но когда приходят чужие и отнимают у нас Ростов, я заявляю: не боюсь я этой крови, ибо на ней строится великое будущее, так как пришел смертный час, а мы и Россия еще не хотим умирать...»

Перед тем, как сделать первый шаг и поднять знамя вооруженной борьбы с большевиками, правительство ген. Каледина искало путей соглашения... «Страшно пролить первую кровь», — не мечом, а миром хотело оно разрешить наболевшие вопросы, но мира не было: «революционная демократия» не хотела пойти на уступки. Дело шло к кровавой развязке: со всех сторон над свободным Доном собирались черные тучи. Крыленко объявил правительство Каледина «вне закона», большевики изощрялись изображать Дон в образе контр-революционной «Вандеи», стремящейся восстановить «старый режим» — хороша Вандея без вандейцев! — Шел постыдный торг с Украинским военным министром Петлюрой о пропуске советских войск на Дон. В Ростов прибыло несколько траллеров Черноморского Флота. Ростовские большевики, опираясь на черноморских матросов, потребовали от правительства Каледина передать им власть.

И свершилось то, чего не хотел Атаман Каледин...

О том, как началась на Дону борьба с большевиками, свидетельствуют слова Атамана: «Когда ген. Потоц-

кий * получил сведения, что готовится ночью арест всех общественных деятелей, он решил ответить на удар контр-ударом: арестовать военно-революционный комитет. Выступление с обеих сторон произошло почти одновременно. Кто сделал первый выстрел — установить трудно. Первая жертва была с нашей стороны: был убит поручик Фесенко, первым вошедший в помещение военно-революционного Комитета».

Жребий был брошен, «Рубикон» перейден... Когда Атаман Каледин «перешел Рубикон», оказалось, что переходить было не с кем, ибо трудно было собрать воедино митингующие войска... фронтовики торговались, спорили, выступать или нет...

Кое-как был сбит отряд из молодежи.

С горечью отмечал Атаман в своем докладе:

... «Сначала Ростовский гарнизон держался хорошо, но в конце концов сдался... Приходилось составлять отряды из кусков, вырванных из различных частей... После 28-го ноября произошел перелом, но так как в нашем распоряжении находились силы небольшие, а у противника были пулеметы, то во избежание лишних потерь приходилось действовать только наверняка.»

И дальше докладывал Атаман:

... «У ген. Назарова была артиллерия, что помогло обойтись без лишних жертв. Три батареи пошли сразу, а две пришлось подтягивать с трудом. К 28-му ноября подготовка была закончена. Наши части были разбиты на три колонны. Первую колонну составлял отряд полк. Кучерова, в состав которого входили юнкера и курсисты. Вторую — отряд полк. Богаевского, третью — конный отряд ген. Краснова — (не Петра Николаевича — примеч. редактора) — у него собралось около одиннадцати сотен небольшого, конечно, состава. Эти три колонны двинулись одновременно на Ростов с трех сторон».

---

* Ген. Потоцкий был командующим войсками Ростовского Военного Округа.

После артиллерийской подготовки, ловким стратегическим маневром, неожиданным для большевиков, Ростов был взят войсками Каледина. Большевики бежали в панике, бросая оружие, спасаясь на траллеры. Первым, конечно, бежал военно-революционный комитет в полном составе. Атаман Каледин, который действовал наверняка, стараясь избежать лишних жертв, победоносно вошел в город при всеобщем ликовании, но победа не радовала его. Лицо у Атамана было грустное, брови сурово сдвинуты, на сердце лежала тяжелая скорбь — и тот, кто видел тогда Атамана, понимал, что молчаливый Каледин переживал тяжелую трагедию. Ему пришлось, все-таки, пролить братскую кровь, но, как человек долга, он исполнял свои обязанности...

Счастье Дона — превыше всего. Наступая на Ростов, он, как всегда, опустив голову, шел впереди цепи, ежеминутно рискуя быть сраженным пулей, но, не заботясь об этом, шел и думал и о тех, с кем сражался:

«Страшно пролить кровь, надо действовать так, чтобы меньше было жертв»...

Но жертвы были, кровь пролита, — и тяжело было на сердце Атамана...

***

Я помню, как А. М. Каледин после разоружения враждебного пехотного полка медленно проезжал в автомобиле по Большой Садовой. Улица была запружена ликующим народом. Автомобиль с трудом продвигался вперед. Атаман, не обращая никакого внимания на то, что делалось кругом, сидел не двигаясь, погрузившись в мрачные думы. Толпа задержала автомобиль, устроив Атаману овацию. Апплодисменты, крики «ура!», цветы... По приказанию Атамана, шоффер остановил автомобиль. Каледин сделал властный жест рукой — толпа замолчала.

— «Мне не нужно устраивать оваций — сказал Атаман, напрягая голос так, чтобы все его слышали — Я не герой и мой приход не праздник. Не счастливым победителем я въезжаю в ваш город... Была пролита кровь

и радоваться нечему. Мне тяжело. Я исполняю свой гражданский долг»...

И тихо добавил: «овации мне не нужны...»

Толпа молчала и почтительно расступилась, пропуская автомобиль Атамана. Скоро автомобиль скрылся...

**
*

На другой день один из молодых «гвардейцев Каледина» рассказывал мне, кык был разоружен пехотный полк, который «держал нейтралитет».

«Атаман Каледин с одним лишь адъютантом смело направился к казармам. Наши передовые цепи в это время далеко ушли вперед. Атаман не побоялся ни предательского выстрела, ни того, что его могут поднять на штыки.

Он вошел в казармы и властно приказал солдатам сдать оружие, обещая им полную безнаказанность, если его приказание будет исполнено. Солдаты молча сдали все оружие...»

И после минутного молчания мой собеседник прибавил:

«Он один разоружил целый полк. Так поступает тот, кто умеет повелевать... Он пришел, властно приказал, — и его не посмели ослушаться».

**
*

Конечно, то, что я рассказал — небольшие штрихи, но они очень характерны для оценки того Каледина, якобы «кровавого изверга», вокруг имени которого бессовестная пропаганда сплетала венки чудовищных легенд.

Простота и благородство, смелость, рыцарская честность и отсутствие красивых жестов, чувство долга — эти качества всегда и неизменно при всех обстоятельствах были присущи А. М. Каледину.

Недаром все, кто знал Атамана, почтительно называли его Первым Гражданином Дона.

Он молча переживал трагедию Дона — и эта трагедия была его личной трагедией.

Он говорил на Круге: «Мое имя повторяется во всех концах страны и фронта, мое имя стало известным символом не только для Дона, но и для России, как выразителя некоторых идей. Может быть, мое имя навлекает на родной Дон лишнее подозрение? Я долго и мучительно думал об этом и полагаю, что мне нужно уйти. Ведь, не может быть речи о личности, когда решается судьба Края.»

Но ген. Каледину не дали возможности оставить свой высокий пост. Когда Каледин сложил свои полномочия, Круг, снова переизбрав его всеми голосами против единичных голосов, снова взвалил на его плечи тяжкий крест и возвел его на Атаманскую Голгофу... Ему дали власть, но фронтовики не поддержали его в самый трудный момент борьбы за Дон и тем самым обрекли его на гибель, как обрекли и другого Атамана, А М. Назарова. Печальна их судьба... Один застрелился, чтобы избавить родной Дон от своего имени, другой с гордо поднятой головой пошел на расстрел...

И, умирая, каждый из них думал:

«Где же орлы — Донские казаки»?

Молчала степь, занесенная снегом, кипел негодованием под ледяным покровом Тихий Дон...»

К. Т.

***

На смену героям пришли порожденные безвременьем казачьи Иуды... Первого из них, Голубова, опомнившиеся от дурмана и отрезвевшие Донцы застрелили, как бешеную собаку, другого, Подтелкова, повесили... (Н. М.)

Глава 8-ая

ПЕРВЫЙ КАЗАЧИЙ МЯТЕЖ

В журнале «Донская Волна» № 6 от 29 июня 1918 г. (ст. ст.) была помещена статья Н. Литвина, посвященная этому событию.

«Одна из первых страничек еще только начинавшейся тогда великой Донской трагедии, эпизод из жизни старого Новочеркасска, доживавшего последние сказочные дни, отмеченные огнями, теплившимися вокруг бессмертных теперь Каледина и Назарова.

Много моментов, эпизодов и встреч тех дней мне представляются теперь, сквозь уже существующую дымку исторической дали, рядом маленьких, мягких исторических акварелей, листов, оторванных ветром от чего-то большого и целого, еще неподобранных, еще носящихся в пространстве.

И вот эти дни — грустные акварели зимнего Новочеркасска, только что почувствовавшего, что над приближающейся донской весной стало новое, нежданное, грозное, отвратительно давящее, смертельное. Сквозь старые стены областных учреждений, в покойные гостиные новочеркасских особняков вдруг ворвалась сумбурная и тревожная весть о каких-то мрачных людях, где-то делающих новую донскую власть и грозящих грязными кулаками старой Донской столице.

В Новочеркасске стало известно о мятеже казака

Подтёлкова. Атаману донесли, что станица Каменская объявлена новой столицей нового, «трудового», Дона и что оттуда ощетинились на Новочеркасск казаки-фронтовики, выбросив на Зверево угрожающий авангард лейб-атаманцев. В правительстве имелись перехваченные телеграммы вождей трудового казачества к вождям советских армий. В этих телеграммах говорилось за сколько Подтёлков и Кривошлыков продали свободный доступ в донские степи эшелонам Крыленко. Атаман знал и видел всё и страдал большою кристальною душою:

«Если казаки идут с ними против нас, я с ними драться не могу...»

А из Каменской приходили всё новые и новые вести. Стало известным, что на перенесённом в станицу из Воронежа съезде фронтовиков приняты запальчивые решения, и что неизбежность кровавой гражданской войны на Дону очевидна.

Правительство решило использовать все средства для того, чтобы не пала на голову Донской власти историческая ответственность за происходившее.

12 января решено было отправить в станицу Каменскую делегацию для выяснения положения и переговоров с противной стороной. К этой делегации удалось пристроиться мне, военному корреспонденту газеты «Вольный Дон», и художнику Л. Кудину. Тогда я печатал в газете свои беглые корреспонденции об этой поездке, и теперь мне хочется набросать лишь в общих чертах обстановку, среди которой начались события, закончившиеся огромной трагедией Донского народа и безмерными искупительными жертвами, обагрившими грустные новочеркасские акварели святой кровью лучших Донских людей...

12 января на новочеркасском вокзале за несколько минут до отхода поезда с членами делегации был Алексей Максимович Каледин. Атаман беседовал с отъезжающими и говорил делегатам:

«Вы всё-таки мягче с ними как-нибудь говорите... Я не знаю — в чём, собственно, там дело, но если это действительно наши же, Донские казаки, выбрасывают

«трудовые» манифесты, подымают боевой клич против меня, — нам ничего не остаётся больше делать...»

Мне Атаман сказал:

«Очень хорошо, что вы едете с этой делегацией. Пишите всё так, как есть на самом деле...»

После этого я видел Атамана всего несколько раз, и эту встречу на грязном вокзале, переполненном приезжавшими и уезжавшими волонтёрами, среди суетившихся, чего-то ожидавших, людей, — я не забуду.

Атаман говорил таким тихим, покорным голосом, такое покойное и светлое было у него лицо... Тогда не могла прийти в голову страшная мысль, но вот теперь почему-то кажется, что уже тогда именно начинал разливаться кругом тот жуткий колорит последних дней в Донской столице, который окрасил багрово и грозно незабываемое 29 января...

В составе делегации ехали П. М. Агеев, от крестьян В. Н. Светозаров *, Бадьма Уланов, Г. И. Карев, популярный делегат Войскового Круга — «дядя Митяй» **, член Совета Союза Казачьих Войск есаул Аникеев. Замечательная поездка через станции, занятые партизанами Донского Войскового правительства, через глухо шумевший горный грушевский район. Помню любопытную путевую деталь — встречу с людьми, уже бросившимися в закипавший боевой водоворот, при первой тревожной вести добровольно ставшими на честный пост зоркого ответственного часового.

На перроне станции Сулин выстроена маленькая воинская команда. Молодёжь, почти мальчики, закутанные в длинные мешковатые солдатские шинели. Стоят в две шеренги, словно на параде. К ним подходят чле-

---

* Член Объединенного — паритетного — Донского правительства от неказачьего населения, избранный в декабре 1917 г. на Крестьянском Съезде, педагог, вошедший потом в состав Войскового правительства при Атаманах П. Н. Краснове и А. П. Богаевском в качестве Управл. Отделом народного просвещения. **Н. М.**

** Дм. Вас. Макаров. **Н. М.**

ны Правительства с Агеевым впереди. Раздаётся громкая отчётливая команда:

«Смир — но!»

От первой шеренги отделяется молодой прапорщик и с рукой у козырька фуражки подходит к Агееву.

«Для чего вы выстроили этих людей?»

«Для встречи делегатов Войскового правительства».

«Кто вы?»

«Мы — партизаны есаула Чернецова!»

И горделивые нотки прозвучали в отчётливом ответе прапорщика.

На партизан глядят с большим вниманием. Еще бы!.. О Чернецове уже ходили легенды, десять чернецовцев разгоняли целые эшелоны красногвардейцев...

Такая же встреча на разъезде Черевково, и, наконец, освещённый газовыми фонарями, людный перрон зверевского вокзала.

Зверево — в руках восставших. Шумной и буйной толпою фигуры в серых шинелях осаждают подкативший делегатский поезд. Здесь уже не те почтительные взгляды, не те приветственные речи, которые мы видели и слышали от Новочеркасска до Черевкова. Окружают тесно и бесцеремонно. И в этой враждебной толпе я ловлю сначала непонятные слова:

«Вот этот, видишь, — попом переоделся...»

Разъясняется. Кем-то был пущен слух, что в составе делегации едет сам переодетый генерал Каледин. Не видавшие в глаза Атамана серые фантазёры быстро сочинили легенду о том, что священник, ехавший с нами в поезде, был никто иной, как Войсковой Атаман. Нелепая легенда так же быстро умерла, как и народилась.

«А который Богаев?»

«Рази не видишь — вон тот высокий, в серой шапке!»

«Да то — сам Агеев, а Богаев — в Черкасске остался».

В толпе шныряют юркие люди в штатском. Много встречал я их в дни скитаний по революционному фронту, по улицам революционных городов. Все похожие один на другого, неубедительные, нелепые застрель-

щики, способные только настроить толпу на насилие, на самосуд.

Какой-то прапорщик, кажется Крюков, революционный комендант Зверева. Он строго читает мою телеграмму в газету и покровительственно говорит:

«Да, вы пока верно освещаете положение. Что же, может быть, мы и сговоримся с правительством».

Замечательный тон и апломб. И я невольно думаю:

«Какой портфель в будущем кабинете Подтёлкова грезится этому юному сегодняшнему станционному коменданту?..»

А в зале I класса — иная картина. Здесь уже больше часа говорит со стула Агеев. Ему кажется, что он говорит хорошо и тепло. И нам так кажется...

Но кругом уже атмосфера митингового скандала. И кажется, что вот-вот совсем потонет в ней мысль и смысл того, ради чего явились сюда черкасские люди.

Мятежная крикливая станция. Я не забуду этот станционный зал, шумную серую толпу, тонувшую в тяжёлых облаках махорочного дыма, равнодушный треск телеграфного аппарата за дверью и неподвижную фигуру Агеева среди кричащей толпы. Вечер 12 января...

Люди в чёрных чуйках, гастролёры Каменской и Воронежа, сказали, чего они хотят:

«Долой буржуазное правительство!»

Под эти крики новочеркасские делегаты проходили среди живых серых шпалер к вагонам. Под эти крики поезд медленно двинулся к Каменской.

От проезжего военного врача, севшего в наш вагон, узнаю постепенность каменских событий. Большевистское выступление здесь подготовлялось давно, но долго приезжим агитаторам не удавалось поднять восстание против Атамана Каледина. 10 января в станице открылся перебравшийся сюда из Воронежа «Съезд фронтового казачества». Образовался военно-революционный комитет, выпустивший «манифест» к Донскому народу. В этом «манифесте» указывалось, что съезд берет в свои руки «почин освобождения трудового казачества от гнёта контр-революционеров из Войскового правительства, генералов, помещиков, капиталистов,

мародёров и спекулянтов». Говорилось, что с 11 января власть в Области переходит в руки в.-р. комитета.

До пришествия в Каменскую воронежских большевиков в станицу наезжал вездесущий Сырцов. Немалую роль играл в Каменской портной Щаденко, человек с любопытным прошлым: «Вор, неоднократно привлекавшийся к суду по обвинению в сбыте фальшивых денег».

И еще одна фигура из галлереи каменских деятелей:

Присяжный поверенный Диесперов, наезжавший сюда из Питера и доставлявший станичникам немало скверных минут. Определённый политический проходимец в прошлом, с именем, затерявшимся в бесчисленных комиссиях Смольного.

Воронеж дал новые имена:

Подтёлков, Кудинов, Кривошлыков, Маркин. О них говорят еще мало, но душа каменских событий — они.

Долго поезд стоит в Лихой. Долгий разговор с представителями здешнего комитета. Снова двигаемся дальше в глубокой ночной мгле. Незаметно для самого себя засыпаю и просыпаюсь от чьих-то торопливых толчков. Кто-то из спутников расталкивает меня и взволнованно говорит:

«Вставайте скорее, нас хотят арестовать!»

Ничего не понимаю...

«Где мы?»

«В станице Каменской».

И слышу возглас П. М. Агеева в другом конце вагона:

«Обыскивать себя мы не позволим. Кто приказал вам делать это новое насилие?» При свете фонаря разглядываю лица новых людей, заполнивших коридор вагона. Казаки, как казаки. Традиционные чубы над левым ухом, папахи и фуражки, сдвинутые набекрень. В руках — винтовки. Начинается новый разговор:

«Забирайте вещи и очищайте вагон!»

«Почему? Мы же в нем обратно поедем!»

«Ну, это будет видно — куда и на чем вы поедете обратно!»

С молчаливой покорностью выходим из вагона на холодный, морозный воздух. Станица погружена во

мрак. Странное шествие по улицам словно вымершей станицы. Идём по острым мёрзлым кочкам. Ногам больно. Угрюмо шагают по сторонам каменские большевики-казаки с винтовками. Едва видны тёмные массы домов, чуть различаются высокие силуэты церквей. Нас подводят к большому освещённому зданию. На крыльце толпятся люди в серых шинелях, расхаживают вооружённые часовые. Что это — тюрьма?

Нет, это — помещение военно-революционного комитета. Нас вводят в одну из комнат каменского Смольного. Заплёванная и накуренная комната битком набита людьми. Нас ждали и встретили гробовым молчанием. Мы — среди героев каменской революции...

До рассвета — кошмарное заседание каменского комитета и на нем — гастроли новочеркасских делегатов. Ожесточённая, мёртвая схватка... А с обеих сторон уже чувствовалось, что совсем напрасна новочеркасская попытка, что каменский Смольный решил определённо и стойко:

«Нечего нам с вами политику разводить. Или вы или мы...»

И так ясно вырисовывался при свете грязной висячей керосиновой лампы в этой страшной комнате апофеоз политики подтёлковых и кудиновых:

«Повесить этих Калединых и Богаевских!»

Заседание проходит в развязном специфически-вульгарном порядке.

Хорунжий Маркин читает декларацию:

«Да, мы совершаем государственный переворот. Его идея? Мы идём под флагом трудового казачества. Мы выбросим за борт всё старое, отжившее, неспособное; мы дадим новую, необыкновенную жизнь».

Агеев, Светозаров...

Слова о Каледине в этих стенах...

Теперь, когда смотришь на это из нашего маленького, но уже исторического, далека — какими эти минуты кажутся ненужными, и как кощунственно звучало тогда имя ОГРОМНОГО, НЕПОНЯТОГО ЧЕЛОВЕКА ДОНСКОГО АТАМАНА КАЛЕДИНА, имя, вызывавшее на тупых лицах предтеч «новой жизни» злорадные улыбки.

Сквозь окно уже врывались лучи утреннего рассвета. И вот тогда — в полусумраке нового дня — выпрямилась маленькая фигура.

Посланник калмыцкого народа Бадьма Уланов сказал речь.

В глазах и голосе калмыка — негодующая душа его страждущего народа.

В словах о Христе и о Будде — и ласка всепрощения и грозное «помни» о грядущем...

И в душах слушавших — что-то новое, забытое, просыпающееся. На лицах отблески душевной борьбы и налёты тяжкого сомнения в себе...

Но надолго ли проснулась похороненная совесть?

Бедные большие дети, побревшие за продавшимися проходимцами...

С требованиями, решительными, ультимативными, требованиями Каменского правительства, новочеркасская делегация покидала ночное заседание.

Учащённо дышала грудь на утреннем воздухе. Станица просыпалась робко и боязливо, мятежная, вошедшая в войну отцов и детей.

Было ясно:

В ночь на 13 января порвалась тонкая верёвочка, связывавшая едва державшиеся мирные донские дни. Подымалась чёрная хмара над степью, и уже на палитре зимнего донского неба мешались зловещие краски.

Разлился багровый фон, на котором 29 января последний раз поднялась твёрдая рука Каледина...»

Глава 9-ая

ДЕЛЕГАЦИЯ КАМЕНСКОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА В НОВОЧЕРКАССКЕ

Делегация Объединённого Донского Правительства, ездившая в Каменскую 12 января в составе П. М. Агеева, Г. И. Карева, члена Круга Д. В. Макарова, Б. Н. Уланова (от казачьей части Правительства), В. Н. Светозарова (от неказачьей) и члена Совета Союза Казачьих Войск есаула Аникеева с целью предотвратить гражданскую войну между казаками, не добившись мирного результата, пригласила Военно-Революционный Комитет приехать в Новочеркасск для непосредственных переговоров со всем Правительством, гарантируя делегатам полную безопасность.

Делегация приехала 15 января. Возглавлял её Председатель Комитета подхорунжий Подтёлков. В составе её были прапорщик Кривошлыков, урядник Л.-Гв. Атаманского полка Сверчков, урядник Кудинов, казак Лагутин. Фамилии шестого члена не помню.

Весть о приезде делегатов быстро распространилась по городу, и к 11 часам дня обширный зал Областного Правления, где должно было состояться заседание, был наполнен публикой.

Подтёлков, подхорунжий 6-й Гвардейской батареи, с широким лицом, в чёрной кожаной тужурке, держался

спокойно, уверенно. Тщедушный прапорщик Кривошлыков по своему развитию был значительно выше своих товарищей и, судя по всему его поведению и отношению к нему Подтёлкова, играл крупную роль в революционном Комитете.

Войсковой Атаман и члены Объединённого Правительства разместились по одной стороне огромного стола, Каменская делегация по другой. В центре — один против другого — сидели А. М. Каледин и Подтёлков. Рядом с Атаманом — М. П. Богаевский. Присутствовали все члены Войскового Правительства, именовавшиеся тогда «старшинами Войска Донского»: П. М. Агеев, С. Г. Елатонцев, А. П. Епифанов, Г. И. Карев, Н. М. Мельников, И. Ф. Поляков и Б. Н. Уланов. Неказачья часть Объединённого Донского Правительства была представлена приват-доцентом Политехнического Института Боссе, присяжным поверенным Мирандовым, доктором Шошниковым, педагогом В. Н. Светозаровым и эмиссарами доктором В. В. Брыкиным и Хотинским. Присутствовали ли профессор Кожанов, а также учитель и рабочий, фамилий которых не помню, не знаю.

После открытия Атаманом заседания, Подтёлков передал А. М. Каледину свой ультиматум и просил огласить его, но Атаман, возвращая документ, заявил, что он предпочитает, чтобы делегация сделала это сама.

По поручению делегации, Кривошлыков читает:

1. Вся власть в Области Войска Донского над войсковыми частями в ведении военных операций от сего 10 (23) января 1918 года переходит от Войскового Атамана Дон. каз. в. р. комитету.

2. Все партизанские отряды, которые действуют против революционных войск, отзываются 15(28) января сего года и разоружаются, равно как и добровольческие дружины, юнкерские училища и школы прапорщиков, все участники этих организаций, не жившие на Дону, высылаются из пределов Донской области в места их жительства. ПРИМЕЧАНИЕ: Оружие, снаряжение и обмундирование должно быть сдано комиссару В.-Рев. комитета. Пропуск на выезд из Новочеркасска выдаётся комиссаром В.-Рев. комитета.

3. Город Новочеркасск должны занять казачьи полки по назначению В. Рев. комитета.

4. Члены Войскового Круга объявляются неправомочными с 15(28) сего января.

5. Вся полиция, поставленная Войсковым правительством, из рудников и заводов Донской области отзывается.

6. Объявляется по всей Донской области, станицам и хуторам о добровольном сложении Войсковым Правительством своих полномочий во избежание кровопролития и о немедленной передаче власти Областному Казачьему Военно-Революционному комитету впредь до образования в Области постоянной трудовой власти всего населения».

Ультиматум подписан председателем Комитета Подтёлковым и секретарём Кривошлыковым. Печать дивизионного Комитета 5-й Дон. каз. дивизии.

А. М. Каледин задаёт вопрос Подтёлкову: какие воинские части уполномочили делегацию предъявить прочитанные требования Войсковому Правительству? Переглянувшись друг с другом, Подтёлков и Кривошлыков перечисляют верные им части: Лейб-гвардии Атаманский полк, Лейб-гвардии Казачий полк, 6-я Гвардейская батарея, 44-й Донской казачий полк, 32-ая Донская казачья батарея, 14-ая Отдельная сотня, 28-й Донской Казачий полк, 12-ая Донская каз. батарея, 12-й и 29-й Донские казачьи полки, 13-ая Донская батарея, Каменская местная команда, 10-й Донской каз. полк (не весь), 27-й Донской каз. полк, 2-й Донской каз. пеший батальон, 2-й Запасный полк, 8-й и 14-й Донские казачьи полки.

Начинаются вопросы. Большая часть их предлагается Подтёлкову А. М. Калединым и М. П. Богаевским. Первым задаёт вопрос Войсковой Атаман:

«Признаёте ли вы власть Совета Народных Комиссаров?»

Подтёлков отвечает: «Это может сказать лишь весь народ». Кривошлыков добавляет: «Казаки не потерпят такого органа, в который входят представители партии

«народной свободы». Мы — казаки, и управление у нас должно быть казачье.»

А. М. Каледин продолжает ставить вопросы:

«Как понимать вас — ведь во главе Совета стоят Бронштейн, Нахамкес и им подобные?»

Ответ: Бронштейну, Нахамкесу и другим доверила Россия — мы не можем препятствовать ей».

Вопрос: «Будете ли иметь с ними сношения?»

Ответ Подтёлкова: «Да. Мы не считаемся с лицами, считаемся с идеей».

Один из членов Правительства спрашивает: «Что общего у вас, казаков, с теми, кто ведёт наступление на Донскую Землю, кто идёт против казаков, против нашего казачьего самоуправления?»

Подтёлков: «Ничего. Мы — казаки, а не большевики. Мы хотим ввести казачье самоуправление, а не партийное».

Задаёт вопрос Войсковой Атаман: «Вам, вероятно, уже известно, что на 4-ое февраля созывается Войсковой Круг. Члены на этот Круг будут переизбраны. Согласны ли вы на взаимный контроль?»

Ответ: «Нет. Если вас будет меньшинство, мы вам продиктуем свою волю».

Вопрос-утверждение: «Но ведь это — насилие!»

Ответ: «Да!»

Вопрос М. П. Богаевского: «Признаёте ли вы Войсковой Круг?»

Ответ Подтёлкова: «Постольку поскольку... Областной Военно-революционный Комитет созовёт Съезд представителей от населения. Съезд будет работать под контролем воинских частей. Если Съезд не удовлетворит нас, мы его не признаем».

А. М. Каледин: «А кто же будет судьёй?»

Подтёлков: «Народ».

А. М. Каледин: «Он будет судить вас?»

Ответ: «Да».

А. М. Каледин: «Какой же это будет судья, если вы можете его и не признать?»

Не находя ответа, Подтёлков вопросительно смотрит на Кривошлыкова, а затем говорит: «Мы берём

власть для того, чтобы правильно прошли выборы». Кривошлыков добавляет: «Мы признаём власть народа».

Выступает член неказачьей части Объединённого Правительства Боссе и говорит: «Нам надо договориться, каким образом созвать Съезд неказачьего населения. Народные представители всё разберут и устроят. До февраля, ведь, недалеко...»

Его нагло прерывает Лагутин:

«Наше требование — передайте власть Военно-революционному Комитету... Ждать нечего, если Войсковое Правительство стоит за мирное разрешение вопроса».

М. П. Богаевский: «Значит?..»

Лагутин: «Надо объявить во всеобщее сведение о переходе власти к Военно-революционному Комитету. Ждать две с пловиной недели нельзя. Народ ужасно наполнился гневом...»

Член Войскового Правительства Г. И. Карев:

«Неужели наступающие большевики не подождут две с половиной недели? Нет, тут что-то другое, — за вашими спинами стоят или Царицынские или Воронежские большевики...»

Поднимается Председатель Областного Военного Комитета прапорщик Огрызков:

«Ни у кого нет и мысли не признавать власти народа... «Товарищ» Кудинов, я вас освободил, когда вы везли БОЛЬШЕВИСТСКУЮ литературу, а между тем вы говорите, что вы не большевики, а казаки... У вас есть Стульцев — в царицынской большевистской газете «Борьба» от 9 января он пишет: «Чтобы Войсковое Правительство было смещено, чтобы и Голубов был смещён»... Если вы честны, то вы тоже должны сложить свои полномочия. Я говорю вам: немедленно слагайте свои полномочия!»

(Взрыв аплодисментов в публике)

Подтёлков: «Военный Комитет не революционный орган. Части от него отказались. Настоящие граждане аплодисментов ему не дадут...»

Член В. Правительства С. Г. Елатонцев, обращаясь к Подтёлкову, говорит:

«Вы казаки, и мы казаки. Кто из нас прав — покажет будущее. Вы думаете, что передача вам власти спасёт Дон от гражданской войны... А дальше что? Подумали вы об этом? Сюда ворвётся большевизм, и от Дона останется гладкое место. Вы напрасно отрекаетесь от большевиков: всё шло из Петрограда. Там большевиками захвачены банки и деньги шли и идут на гражданскую войну и ведёт её Совет Народных Комиссаров. Вот заключено перемирие — что же это: конец войне? Нет, мир на фронте, а здесь — война... Декреты Ленина не народные, около него нет народа, там кучка проходимцев...

О земле большевики пишут: мы отдадим вам землю... Чью землю? Вашу же — казачью! Кто ведёт гражданскую войну? Большевики! Кто у них на свободе? Курлов и Ко*. Кто в тюрьмах? Все старые революционеры! Вы говорите, что прекратите гражданскую войну — а что потом? «Всё — достояние народа»? А немцы скупают наши фабрики и заводы! На смарку пойдут все завоевания революции. Дон пойдёт к анархии. Вы заблуждаетесь, считая, что, идя на поводу у большевиков, вы ведёте Дон к счастью — нет! Мы не должны передавать вам власть — вы не народные избранники. Но, повторяю, во имя счастья казачества, мы должны договориться. Мы должны сделать это сами — казаки без большевистской указки!»

Лагутин: «Надо немедленно объединить казаков и крестьян».

Член неказачьей части Объединённого Правительства В. Н. Светозаров, ездивший 12 января с Донской делегацией в Каменскую, заявляет:

«В Каменской настроение Военно-революционного Комитета было несколько иное, чем сейчас здесь. Мне казалось, что по многим пунктам требований мы могли бы сговориться. Теперь ультимативные требования уже

---

* Чины Охранного отделения.

другие. Подтёлков говорил, что всё идёт от народной темноты — это корень зла. На одном мы тогда согласились: самим устраивать жизнь на Дону, — а сегодня я слышу: законов мы не признаём... Мы здесь говорим о власти, а под Таганрогом гремят пушки... Вам уже указывалось, что хлеб и уголь не вывозятся — должны же вы, наконец, в этом убедиться! Давайте же скажем царицынским большевикам: пропустите хлеб в голодающие Хопёрский и Усть-Медведицкий округа!

Волю народа мы, как и вы, признаём. Скажут — и подчинимся. Вот через две недели собирается Войсковой Круг и Съезд неказачьего населения — прекратим на две недели разговоры о власти. Скажет народ, что прав Военно-революционный Комитет — честь ему и слава, а если скажет, что правы мы — ну, что же, придётся вам уступить. Все ваши требования я временно оставил бы до будущего, а теперь поедемте в Таганрог и остановим там гражданскую войну. Пусть Хопёрцы скажут вам спасибо за то, что мы дадим им завтра хлеб, пусть замолкнут выстрелы в Таганроге. И мы спокойно соберём Круг и Съезд. Неужели за две недели изменится дело? Моё предложение: прекратим разговоры о власти до 4-го февраля, прекратим и гражданскую войну!»

После Светозарова говорит член Войскового Правительства Б. Н. Уланов:

«Мы не верим, чтобы казаки силою двинулись на центр казачества, мы не верим, чтобы казаки пошли против казаков же. Не верим, чтобы КАЗАКИ требовали нашей отставки. Разве мы можем сами отказаться от исполнения возложенных на нас Войсковым Кругом обязанностей? Сделать этого мы не можем. Вы думаете, что, предъявляя нам ультиматум, вы выражаете самые радикальные и правильные требования? Нет, крайние партии никогда не были выразителями общего мнения... 526 голосов было подано на последнем Войсковом Круге за Атамана Каледина... Имейте ввиду, что в выборах участвовали и представители фронта... Может быть, вы не посчитаетесь ни с чем, но подумайте, что из-за этого произойдёт. Мы говорим с вами, как с казаками.

С Сырцовым мы не говорили. Нельзя не идти путём соглашения. Ультиматум — крайнее требование. Вы будете виноваты, если не испробуете все средства к прекращению гражданской войны. Партизанские отряды созданы не ради удовольствия.

Поезжайте в станицы. Может быть вы и найдёте там отдельных своих последователей, но вся масса казачества — против большевизма!»

Подтёлков: «Я во многом с ним согласен. Тёмная масса даёт обмануть себя и справа и слева. Я согласен поехать в Таганрог. Но у нас старое правительство — что нам там скажут? Если бы я знал, что Войсковое Правительство использовало бы все меры к прекращению гражданской войны, но я знаю, что Войсковое Правительство никогда не справится с этим делом. На Сулине Чернецов. Если бы Войсковому Правительству верили, я с удовольствием бы отказался от своих требований...» (вдруг раздражаясь, он повышает голос и почти кричит) — «Не покорюсь я вам, не позволю. Пусть через мой труп пройдут. Мы вас фактами забросаем. Не верю я, чтобы Войсковое Правительство спасло Дон! Скажите мне, кто ручается за то, что Войсковое Правительство предотвратит гражданскую войну?»

— «Я ручаюсь», говорит прапорщик Огрызков. «А вы скажите, кто из вас поручится за то, что гражданской войны не будет, если власть перейдёт к Военно-революционному Комитету?..»

Были выступления и из публики. Один из офицеров 53-го полка, обращаясь к Подтёлкову, заявил: «Кто вам дал право прогонять избранников народа? Какими вы умами обладаете?! Чем вы доказали, что поведёте дело без кровопролития? Извиниться вам надо перед Войсковым Правительством и перед публикой и уйти. А Войсковое Правительство не имеет права уйти со своего поста по вашему требованию».

Один из членов Войскового Круга, Георгиевский кавалер, полный «бантист» (если память мне не изменяет, фамилия его — Шеин), из рядов публики горячо заявил: «Как можно верить, что вы ручаетесь за порядок, если власть перейдёт к вам, когда в ваших комитетах

кумовство? Вы укажите — в чём неправильно действуют наши избранники! Как бы вы ни прикрывались — мы узнаём вас!»

После него говорил член неказачьей части Объединённого Правительства Шошников: «Я избран народом и работал еще в 1905 году. Теперь я впервые встречаюсь с казаками. Мы в Таганроге не признавали Войскового Правительства, за что и были отданы под суд. 1 декабря я увидел, с кем мы имеем дело. Перед поездкой сюда у нас был съезд в округе. Кричали: «Не желаем к казакам, пойдём на Украину!» Мы тоже получили ультиматум. Сговорились, пришли и предъявили Войсковому Правительству ультиматум. Но переговорили и договорились. Пусть соберётся весь народ и создаёт власть. Теперь ВЫ недовольны Войсковым Правительством. 4 февраля созывается Войсковой Круг и Крестьянский Съезд. Нужно дождаться того светлого дня, когда соберётся казачество и крестьянство, и тогда не прольётся ни одной капли крови. Мне в высшей степени трогательно и приятно видеть среди нас простых людей. Неужели же мы с вами не сговоримся?!..»

Затем выступает с сумбурной речью Сверчков, жалующийся на генерала Савельева, после него — депутат Войскового Круга Чаревков, подробно рассказывающий о боях под Ростовом. Его прерывает Лагутин обращаясь к Атаману: «Решайте дело. Пора кончать...»

А. М. Каледин встаёт и говорит: «Я вам скажу всего лишь несколько слов. Очень коротких — и прежде всего в ответ на то, что говорилось в отношении меня. Было два заявления: о неразрешении съезда и о Гилленшмидте. Миллеровский съезд не разрешён потому, что после только что закончившегося Войскового Круга обсуждать на этом съезде было нечего. Съезд Воронежский созывался военно-революционным комитетом в то время, когда идёт гражданская война. Ожидать от такого съезда прекращения гражданской войны и посылать на него казаков не было оснований. Собирать съезд в пределах Области значило бы приглашать к себе своих врагов: ведь в Воронеже против нас формировался отряд.

Упрекают, как можно было назначить Гилленшмидта... Гилленшмидт был командиром корпуса, назначение получил на фронте, не от меня. С корпусом и пришёл на Дон, привёл его. Нахождение в нашей среде лиц с немецкой фамилией я признал неудобным. Гилленшмидт был устранён. Теперь его нет.

Сдача своего поста для Войскового Атамана невозможна. Нас будет судить страна. Она будет судить и вас за восстание. Это восстание против народа, и за него вас будет судить народ. Из-за двух недель вы собираетесь перевернуть Дон... Вы показали тот путь, по которому, быть может, пойдут и другие. На Дону мы сами себе хозяева, и посторонние не вправе лезть к нам со своими порядками. Мы должны сказать всем идущим к нам с советами: оставьте нам самим устраивать свою жизнь по-своему.

Я не знаю, кто у вас голова. Вы говорите, что не имеете дела с Народными Комиссарами и действуете по своей воле, а у нас есть документы, удостоверяющие вашу прикосновенность к большевистским организациям. Вот телеграмма комиссара Антонова в Смольный: «Убедительно прошу не давать каких-либо определённых ответов без сношения с нами делегации от неказачьего съезда в Новочеркасске. Если вы войдёте с ними в соглашение, то свяжете нас по рукам. Комиссия из состава неказачьего Съезда, образовавшая вместе с Калединым и Агеевым самостоятельную власть на Дону, по нашему мнению, не лучше прежнего Войскового Круга. Надеюсь, что мы сможем разгромить не только Каледина, но и этих господ. Голова Каледина, которой они хотят отделаться от пролетарской революции, и без их помощи не останется на плечах у владельца её. Попутно передаю резолюцию съезда, из которой проглядывает его подло оборонческая физиономия. На Съезде избрана новая власть Дона, состоящая из 16* человек казаков во главе с Калединым, Агеевым и Богаевским и 8 человек от неказачьего населения».

---

* Цифры указаны неверно. **Н. М.**

А вот еще телеграмма Антонова в Смольный: «В Каменской образовался казачий военно-революционный комитет. Сейчас обращается с деловыми вопросами к нам, как высшей здесь власти. Скоро уничтожим и Раду и Каледина.»

Содержание прочитанных генералом Калединым телеграмм произвело потрясающее впечатление, хотя едва ли кто из присутствующих сомневался в существовании связи Каменского Комитета со Смольным... Закончив чтение телеграмм, А. М. Каледин, обращаясь к Каменской делегации, сказал:

«Говорю вам и предупреждаю: не ошибитесь. Порядки на Дону будут устанавливать другие — не вы. Воля народная выражается путём всеобщего, прямого, равного и тайного голосования — у вас этого не было. На просьбу вашу о сдаче вам должности сказано уже достаточно: мы не имеем права сдать.

Если вы станете у власти, вы почувствуете её тяжесть.

За властью мы не стоим. Наша власть — исполнение воли народа. Войсковое Правительство может быть сброшено, но вы проложите плохой путь —им могут пойти и другие, им идут по всей России. Власть никогда не казалась мне сладкой. Я принял власть потому, что не считал себя вправе отказаться... И если бы было возможно, я с величайшей охотой сдал бы власть. Я пришёл сюда с чистым именем, а уйду отсюда, может быть, с проклятием».

Закончив речь, Войсковой Атаман объявил перерыв до 7 часов вечера (в это время было около 5 часов дня) и пошёл во дворец — как всегда, пешком и без провожатых.

По возобновлении заседания Войсковое Правительство удаляется для совещания и составления ответа на ультиматум. Проходит более двух часов. Каменские делегаты видимо смущены тем вниманием, которое уделяется им публикой. С некоторыми они вступают в разговоры. Подтёлков не отходит от стола, чему-то улыбаясь в рыжие усы. Кривошлыков сидит рядом, нервничает в ожидании ответа Правительства. Общее впечат-

**
*

Е. Е. Ковалев рассказывает о собрании офицеров в Новочеркасске, на котором он присутствовал, после захвата военно-революционным комитетом власти в станице Каменской. Выступали А. М. Каледин, М. П. Богаевский и Походный Атаман ген. А. М. Назаров. Когда Войсковой Атаман, обрисовав катастрофическое положение на фронте, сказал, что путь на Новочеркасск открыт и что пока он говорит здесь в Офицерском Собрании, большевики могут занять Атаманский дворец, Чернецов, выйдя из рядов, крикнул: «пока я жив, я этого не допущу...»

И затем, обращаясь к офицерам, заявил, что ему сейчас же нужно на один день человек 40-50, так как его отряд распущен на три дня и соберется только завтра, а на вокзале у него лишь самое необходимое число людей для охраны эшелона. Желающим он предложил построиться в соседней комнате. Их оказалось несколько больше, чем нужно, и Чернецов, отсчитав необходимое число, остальных поблагодарил и отпустил.

Е. Е. Ковалев попал в число тех, которых Чернецов сейчас же повел на вокзал. На вокзале он приказал дежурному по станции немедленно, в такой-то срок, подать паровоз с двумя тремя вагонами, а затем повел всех офицеров к своему эшелону, выдал всем винтовки с патронами и разбил на группы. Часть была назначена нести охрану станционного района, часть охрану эшелона, а часть с самим Чернецовым немедленно отправилась на станцию Шахтная, которая была занята в ту же ночь. Е. Е. Ковалев попал в группу, охранявшую эшелон. Охраной эшелона и станционного района руководил Роман Лазарев.

На другой день, когда собрались партизаны Чернецова, офицерский взвод был распущен, кроме пожелавших остаться в отряде.

Чернецов продолжал продвигаться со своим отрядом по железной дороге и примерно к 15-17 января занял Каменскую.

Глава 11-ая

ГИБЕЛЬ ЧЕРНЕЦОВА (ПАМЯТИ БЕЛЫХ ПАРТИЗАН)

(Воспоминания чернецовского партизана есаула Н. Н. Туроверова)

В то время еще не было ни белых, ни красных армий, ни мобилизаций, ни Чека, ни Освага. Белое Движение было только проектом пробиравшихся на Дон из Быхова генералов Корнилова и Алексеева, а в Новочеркасске задыхался Атаман Каледин.

Россия еще лежала распластанной в мёртвом равнодушии, когда на границах Дона, на его железнодорожных колеях, столкнулась городская чернь со своим первым и заклятым врагом: детьми-партизанами. И уже потом, в дальнейшем движении, всколыхнувшем Россию, борьба никогда не была более жестокой, чем между этими первыми добровольцами двух идеологий.

Было бы не моей задачей суммировать психологию участников Белого Движения, создавая общий тип; но я не ошибусь, наметив в юных соратниках Чернецова три общих черты: абсолютное отсутствие политики, великая жажда подвига и очень развитое сознание, что они, еще вчера сидевшие на школьной скамье, сегодня встали на защиту своих внезапно ставших беспомощными старших братьев, отцов и учителей. И сколько слёз,

просьб и угроз приходилось преодолевать партизанам в своих семьях, прежде чем выйти на влекущий их путь подвига под окнами родного дома!

Я задержался на партизанах, чтобы легче подойти к образу их вождя, есаула Чернецова. Партизаны его боготворили, и это — его лучшая характеристика.

***

У него была военная дерзость, **исключительная** способность учитывать и использовать обстановку в бою, ледяное спокойствие в опасности и бешеный порыв в нужный момент. В первый раз я с ним встретился зимой 1916 года, на одном из вечеров в тесном зале Каменского клуба.

Он был ранен в ногу и ходил с палкой. Среднего роста, плотный и коренастый, точно сбитый. Я запомнил его тёмные насмешливые глаза и смуглорозовый цвет лица.

Находясь в военном Училище, я не имел возможности принять участие в начале детского похода на Дону; встречал лишь в декабрьские дни семнадцатого года на новочеркасских улицах чернецовских партизан, — эти единственные фигуры в коротких, кожей наверх, полушубках,как и их трупы в простых гробах по дороге от собора на кладбище, всегда в сопровождении Атамана Каледина.

И только в январе 1918 года, задержанный в Каменской, при свидании с родным Атаманским полком, я имел случай стать участником последних закатно-блестящих дней Чернецовской эпопеи.

Гвардейская казачья бригада, вернувшаяся с фронта в декабре 1917 года и поставленная Калединым в районе станицы Каменской как заслон с севера, перестала существовать. Рождественское выдвижение бригады на станцию Миллерово и свидание бригадных делегатов с красногвардейцами создали тогда такое убеждение у казаков: «Нас мутят офицеры. Красноармейцы люди, как люди. Пусть идут за буржуями и генералами другие, а нам смотреть нечего — айда по домам!»

И уже в начале января, среди разъезжавшихся по домам казаков гвардейцев, нашёлся столь нужный Москве «свой человек» — подхорунжий 6-ой Донской гвардейской батареи Подтёлков.

Переворот в Каменской произошёл по-домашнему — без крови. Были сорваны погоны, «Центральная гостиница» заполнена арестованными офицерами, а казачий военнореволюционный комитет, под председательством Подтёлкова, обосновавшись в старом здании почты, послал Атаману Каледину телеграмму: «Капитулируй на нашу милость!»

Свидание Атамана Каледина с Подтёлковым в Новочеркасске не дало никаких результатов, и когда северный карательный отряд красной гвардии беспрепятственно передвинулся за спиной Подтёлковского Комитета от Черткова на Миллерово, — партизанскому отряду есаула Чернецова — единственной реальной силе Войска Донского — было приказано освободить Каменский район.

Оставив небольшой заслон на станиции Зверево, в сторону переполненного красногвардейцами Дебальцева, есаул Чернецов разбил налётом на разъезде «Северный Донец» пропущенных вперед Подтёлковских красных и на рассвете 17 января занял без боя станицу Каменскую.

Столкновения с казаками, чего так опасались в Новочеркасске, не произошло. Высланные на «Северный Донец» против партизан, «революционные» казаки остались равнодушными зрителями короткого разгрома своих «иногородних товарищей», а сам Подтёлков, со своим комитетом и частью арестованных офицеров, заблаговременно передвинулся на станцию Глубокую, где к этому времени уже находились главные силы северной группы красногвардейцев, во главе с товарищем Макаровым.

Местный казачий нарыв, казалось, был вскрыт, и у Чернецова были развязаны руки для привычной уже операции против очередного красногвардейского отряда.

Уже с утра 17 января в пустынной зале Каменского вокзала, около большой иконы Св. Николая Чудотворца, стояла очередь местных реалистов и гимназистов для записи в Чернецовский отряд. Формальности были просты: записывалась фамилия, и новый партизан со счастливыми глазами надевал короткий овчинный полушубок и впервые заматывал ноги в солдатские обмотки.

Здесь же, на буфетной стойке, где еще на днях армянин торговал окоченевшими бутербродами, каменские дамы разворачивали пакеты и кульки, это был центральный питательный пункт.

Штаб отряда поместился в дамской комнате, у дверей которой стоял с винтовкой партизан; но Чернецова я нашёл на путях, около эшелонов. Он легко и упруго шёл вдоль вагонов навстречу мне, всё такой-же плотный и розовый.

Моя вторая и последняя встреча с ним была длиннее: в отряде был пулемёт «кольт», но не было «кольтистов», а я знал эту систему.

Силы отряда, судя по двум длинным эшелонам с двумя трёхдюймовыми пушками на открытых платформах, показались бы огромными; но это был только фокус железнодорожной войны: большинство вагонов были пустыми.

Каменскую заняли две сотни партизан с несколькими пулемётами и Михайловско-Константиновской юнкерской батареей, переданной Чернецову от новорожденной Добровольческой армии. Батареей командовал полковник Миончинский, георгиевский кавалер, отец «белой» артиллерии, позже погибший под Ставрополем.

**
*

Движение на Глубокую было намечено на следующий день, но к вечеру было получено сообщение о занятии станции Лихой со стороны Шмитовской большими силами красногвардейцев. Каменская оказалась отре-

занной от Новочеркасска; надо было поворачивать назад и ликвидировать непосредственную угрозу с тыла.

Одно орудие с полусотней партизан было двинуто к Лихой сейчас же, а на рассвете 18 января был отправлен и второй эшелон, с орудием и сотней партизан. Состав из пустых вагонов был сделан особенно большим для морального воздействия на противника.

Я поместил свой кольт на тендере идущего задним ходом паровоза, впереди была открытая платформа с пушкой. Поезд тяжело брал большой подъём. Вправо и влево от пути, словно вымершие, чернели в снегах хутора. На разъезде Северный Донец, около семафора лежало десятка три мёрзлых трупов красногвардейцев в ватных стёганых душегрейках.

Около 12 часов подошли к Лихой и стали немного позади нашего первого эшелона. Бой под Лихой и по своей обстановке, и по своим результатам, очень характерен для Чернецовских боёв, хотя сам Чернецов и не был этот раз со своими партизанами, задержавшись в Каменской для подготовки глубокинской операции. Прямо перед нами, в полутора верстах, серело квадратное здание вокзала. Сейчас же левее, по пути в Шмитовскую, дымили паровозы трёх больших эшелонов. А вокруг станционных построек, точно муравейник, копошилась на снегу тёмная масса красноармейцев. Выгрузившиеся из вагонов партизаны рассыпались по обе стороны железнодорожного пути в редкую цепь и во весь рост, не стреляя, спокойным шагом двинулись к станции.

Какой убогой казалась эта цепочка мальчиков по сравнению с плотной тысячной толпой врага! Противник тотчас же открыл бешеный пулемётный и ружейный огонь, поддержанный артиллерией. Над нашей цепью вспыхнули дымки шрапнелей, гранаты взрывали снег около наших эшелонов.

Полковник Миончинский, вскочив на угол моего тендера, подал команду — первым же попаданием разбило паровоз у заднего эшелона противника: все его три состава остались в тупике.

Партизаны продолжали всё так же спокойно, не стре-

ляя, приближаться к станции. Было хорошо видно по снегу, как то один, то другой партизан падал, точно спотыкаясь. Наши эшелоны медленно двигались за цепью.

Огонь противника достиг высшего напряжения; но с нашей стороны редко стреляло одно или другое орудие, да захлёстывался мой кольт и максим с другого эшелона. Уже стали хорошо видны отдельные фигуры красногвардейцев и их пулемёты в сугробах перед станцией.

Наконец, наша цепь, внезапно сжавшись, уже в двухстах шагах от противника, с криком «Ура!» бросилась в штыки. Через двадцать минут всё было кончено.

Беспорядочные толпы красногвардейцев хлынули вдоль полотна на Шмитовскую, едва успев спасти свои орудия. На путях, платформах и в сугробах, вокруг захваченных двенадцати пулемётов, осталось больше сотни трупов противника. Но и наши потери были велики, особенно среди партизан, бросившихся на пулемёты. Был ранен руководивший боем поручик Курочкин. Уже в сумерках сносили в вагоны раненых и убитых партизан. А в пустом зале станционного здания, усевшись на замызганный пол, партизаны пели:

«От Козлова до Ростова
Гремит слава Чернецова!»

***

Утром половина отряда с ранеными и убитыми вернулась в Каменскую. Перед отходом эшелона приехали верхами с десяток казаков из соседних с Лихой хуторов. В это время переносили из одного вагона в другой раненого в живот подростка-партизана. Его глаза были закрыты, он протяжно стонал. Казаки проводили глазами раненого, повернули лошадей. «Дитё еще... И чего лез, спрашивается?..» бросил один из них.

Я вернулся на паровозе в Каменскую около двух часов, в надежде найти в местном арсенале недостающие нам орудийные снаряды. Каменский вокзал обстрели-

вался высланной с Глубокой на платформе пушкой; у вагона с трупами партизан стояла толпа, опознававшая своих детей, знакомых, а в вокзальном зале шла панихида. Около вокзала я встретил обезумевших от горя мать и отца — они бежали к вагону с мертвецами: им кто-то сказал, что я убит.

Вечером вернулись остававшиеся на Лихой партизаны и была получена телеграмма от Атамана Каледина: есаул Чернецов был произведён прямо в полковники; партизаны получили Георгиевские медали.

Поздно вечером, в дамской комнате вокзала, был составлен план завтрашней ликвидации глубокинской группы красногвардейцев. Сам Чернецов, с полутора сотней партизан, при трёх пулемётах и одном орудии, должен был, выступив рано утром 20 января походным порядком (это был первый случай отрыва от железной дороги), обойти Глубокую с северо-востока, испортить железнодорожный путь и атаковать станцию с севера. Оставшаяся часть партизан, с другим орудием на платформе, при поддержке офицерской дружины, должна была, продвигаясь по жел. дороге, одновременно атаковать Глубокую в лоб — с юга. Атаки приурочивались точно к 12 часам. Таким образом, операция рассчитывалась на окружение и полную ликвидацию противника. Его силы определялись приблизительно (в то время разведок не вели, а определяли численность врага уже в бою) в тысячу с лишним штыков. Но, повторяю, вопрос с Подтёлковским комитетом считался ликвидированным и возможности встречи с «красными» казачьими силами никто не допускал, так как не было даже слухов о их существовании.

Подъём среди партизан после блестящего дела под Лихой был огромен. Никто не спал в эту длинную январьскую ночь. Залы и коридоры Каменского вокзала были заполнены партизанами, с возбуждёнными, блестящими глазами: всех чаровал завтрашний решительный и несомненно победный день. Сужу по себе: когда мне было предложено остаться с моим кольтом в Каменской для охраны вокзала, то какой острой, какой оскорбительной обидой показалось мне это предложе-

ние, и сколько отчаянного упорства я приложил, чтобы отстоять своё участие в обходной колонне Чернецова!

В мутном январьском рассвете колонна Чернецова двинулась от вокзала, проходя по пустынным улицам Каменской. Партизаны и пулемёты были погружены на реквизированных ломовых извозчиков. При орудии, запряженном шестёркой добрых лошадей, шла конная часть юнкеров и сам полковник Миончинский. В патронной двуколке поместились две сестры и врач. Мною же был взят принадлежавший директору завода автомобиль, на котором я приспособил свой кольт; со мною поместились два юнкера инженерного училища с ломом и с разводными ключами для разборки жел. дор. пути; динамитных шашек достать не успели.

Чернецов верхом, в фуражке мирного времени, в большом, крытом синим сукном, полушубке, с новенькими полковничьими погонами, нагнал отряд на деревянном мосту.

Перейдя замёрзший Донец и миновав Старую станицу, отряд не пошёл по шляху, а ударил степью, избегая населённых пунктов. В Старой станице бросилось резко в глаза неприязненное отношение к нам казаков. Автомобиль плохо шёл по гололедице — нужна была цепь для колёс, и когда, не найдя другой, мы сняли одну цепь с колодца-журавля, то вся станица подняла галдёж, точно мы убивали кого-то среди бела дня.

День начинался серый, промозглый; с неба падала мша и в степи стоял редкий холодный туман. Шли без дороги, обходя буераки — это удлиняло путь. И скоро стало очевидно, что проводник путает. Начали кружить. Чернецов пересел с коня в автомобиль, где был и проводник. Пошли по компасу.

Стало ясно, что к 12 часам, как было назначено, к Глубокой мы не выйдем, но я уверен, что в это время никто, не говоря уже о самом Чернецове, не сомневался в удачном исходе дела, в полном грядущем разгроме врага. Необычность движения походным порядком в ледяной глухой степи только поддерживала общую веру в победу.

Со стороны прозябших на ломовых извозчиках партизан раздалась новая песня:

Под Лихой лихое дело
Всю Россию облетело;
Мы в Глубокой не сдадим —
Это дело углубим.

Только около четырёх часов отряд вышел к господствующему холму, верстах в трёх северо-восточнее Глубокой. Чернецов поднялся на холм; автомобиль должен был продвинуться вперед на ж. д. путь, где юнкера-сапёры, испортив его, тем бы лишили эшелоны противника возможности отхода на север, к станции Тарасовка; но, едва двигавшаяся до этого, наша машина окончательно отказалась служить. Сгрузив с неё свой пулемёт, я присоединился к отряду.

Наша пушка становилась на позицию; Чернецов на скорую руку обучал 25-30 новичков-партизан обращению с винтовкой. В начинающихся сизых сумерках были видны прямо перед нами ветряные мельницы, дома и сады Глубокой, и за ними дымы паровозов на станции. Правее, внизу, темнела насыпь ж. д. пути на Тарасовку. Была тишина, какая бывает только в зимние сумерки. Наступали ли наши партизаны в 12 часов дня от Каменской на Глубокую, как было условлено, или, заняв исходное положение, ожидали нашей запоздавшей атаки? Никто этого не знал.

Чернецов приказал выдать продрогшим партизанам по полбутылки водки на четверых, и они, рассыпав цепь, скорым шагом начали спускаться к ветрякам. Ломовые извозчики были отпущены и, нахлёстывая кнутами своих лошадей, помчались назад, в Каменскую. Пушка была установлена, полк. Миончинский скомандовал — огонь! Но не успела наша первая граната разорваться в синих глубокинских вишняках, как оттуда мелькнуло четыре коротких вспышки, и над нашим орудием низко разорвались шрапнели. Два юнкера-артиллериста упали.Батарея противника (это была 6-ая Донская гвардейская), хотя и без офицеров, стреляла бе-

гло и удачно. На такого противника мы не рассчитывали.

Я подошёл к Чернецову и доложил относительно брошенного автомобиля, но едва кончил, как меня ударило точно обухом по голове. Я присел. По щеке и по затылку потекла кровь — папаха меня спасла: шрапнель вскользь сорвала только кожу на голове. Чернецов наклонился надо мной:

«Вы ранены?» спросил он, «... надеюсь, легко. Перевяжитесь и пытайтесь пешком пройти к полотну и испортить путь. Что делать! Каша здесь заваривается круче, чем думал...»

**
*

У меня в глазах шли красные круги, но, замотав бинтом голову, я, с ломом в руке, в сопровождении двух сапёрных юнкеров, начал спускаться вправо к полотну. Уже сзади был слышен нам голос Миончинского: «Наше орудие стрелять не может — испорчен ударник...» — и в ответ — крепкое слово Чернецова.

Влево же, в стороне Глубокой, разгоралась пулемётная и ружейная стрельба, горели огни на станции и всё так же полыхали вспышки орудийных выстрелов — 6-ая батарея била теперь по нашей цепи.

Мы подошли к насыпи. На полотне никого не было. Но только мы успели отвинтить одну гайку на стыке рельс, как со стороны Глубокой увидели идущий на нас эшелон. Бросив на рельсы две-три лежавшие вблизи шпалы, мы залегли в пахоту саженях в 50 от пути.

Эшелон, наткнувшись на шпалы, остановился; из вагонов раздалась ругань и беспорядочная стрельба в нашу сторону. Становилось совсем темно.

Освободив путь, эшелон продвинулся с полверсты и снова остановился. По шуму и крикам, доносившимся оттуда, было ясно, что красногвардейцы выгружаются из вагонов и рассыпают цепь, чтобы ударить нам в тыл.

Мы поспешили назад к бугру, дабы сообщить Чернецову о новом движении противника, но, немного пройдя, наткнулись на цепь красногвардейцев, идущих

со стороны Глубокой, лицом к только что выгрузившимся из эшелона. Понять что-либо было трудно. Нас в темноте приняли за своих, мы не разуверяли и спешили только выкарабкаться из этого сужающегося коридора идущих навстречу друг другу цепей.

Когда, наконец, нам это удалось и, низко пригибаясь к земле, чтобы лучше видеть на фоне ночного неба, мы набрели на холм, то нашли на его склоне наше орудие и у колёс его, над едва тлеющими углями костра, — Чернецова.

«Ну, что у вас хорошего?» обратился он ко мне.

Я стал докладывать. В это время внизу, откуда только что вернулись мы, раздалась пальба и грянуло «ура»: красногвардейские цепи не дотянули до нашего холма и, взаимно приняв друг друга за врагов, вступили в ночной бой.

Через полчаса всё стихло. Было слышно пыхтение паровоза, увозившего эшелон назад в Глубокую. Расчёт товарища Макарова зажать нас, остающихся на холме, своими цепями не удался. Но и наша атака Глубокой не удалась. Это была первая неудача за всё время существования Чернецовского отряда.

Партизаны, как всегда, шли в рост, дошли до штыкового удара, ворвались на станцию, но их оказалось мало — с юга, со стороны Каменской, никто их не поддержал, атака захлестнулась; все три пулемёта заклинились, наступила реакция — партизаны стали вчерашними детьми. Часть их, во главе с Романом Лазаревым, который руководил атакой, с разгона пробилась через Глубокую в сторону Каменской; остальные поодиночке возвращались теперь к исходному пункту — нашему бугру.

***

В этом неуспехе, как никогда, ярко вырисовалась способность Чернецова влиять на людей: двумя-тремя, оброненными как бы невзначай, словами он сразу превратил размякших в нервном упадке детей в солдат, по

доблести равных лучшим воинским частям, каких только знало Белое Движение.

Учесть наши потери было трудно: налицо, вместо полутора сотен штыков, едва 60 голодных, холодных и усталых партизан при трёх недействующих пулемётах и испорченной пушке. Запас патронов был мал, хлеба и консервов почти не было — всё было рассчитано на занятие Глубокой, о вторичной атаке которой нечего было и думать. Ночь была холодная, подул северо-восточный ветер. Партизаны дрожали, прижавшись друг к другу на ледяном бугре. В десятом часу Чернецов приказал подниматься — не замерзать же нам здесь!

Он повёл нас прямо на Глубокую, т. е. к противнику. Он был уверен в небрежном охранении противника и не ошибся: красногвардейцы сбились все на станции, а мы расположились на ночь в крайнем доме посёлка-враги ночевали в двухстах саженях один от другого.

В трёх комнатах, разделив последние десять банок консервов, на полу, под столами и скамейками лежали спящие партизаны; юнкера-артиллеристы возились с замком от орудия. У единственной кровати врач и сёстры милосердия перевязывали легко раненых — тяжело раненые не вернулись назад, остались на поле брани. У меня болела голова, встать я не мог. Чернецов всё время обходил часовых на дворе, бодрил людей: он всё надеялся, что со стороны Каменской наши еще пойдут в наступление.

Перед рассветом один партизан со сна нечаянно выстрелил в комнате и убил наповал спящего юнкера — я видел, как передёрнулось лицо Чернецова.

Заря была холодная, ясная, ветреная. Мы двинулись по шляху на Каменскую. Вправо, внизу, лежала Глубокая. Над станцией розово всходили дымы паровозов. Мой кольт ехал с другими пулемётами на подводе, а я с двумя юнкерами и доктором верхами шли в полуверсте, впереди отряда, как авангард. О каком-либо преследовании нас, тем более о встрече с противником в степи, никто не думал: в то время противник был прикован к рельсам. Впереди лежал чёрный обледенелый шлях на Каменскую. Степь была почти без снега —

вчерашний туман съел его — с белесым тонким льдом на лужах.

Шли медленно. Впереди верхами — Чернецов и Миончинский, за ними орудие, конные юнкера, пулемёты на подводе, двуколки с сестрами и не могшими идти ранеными и сзади, по три, партизаны.

Около 12 часов уже прошли половину дороги; перед нами лежал пологий подъём, за ним должен быть хутор Гусев.

Неожиданно справа, из-за трёх курганов, хлопнуло два выстрела, над нашими головами пролетели пули. Я со своими спутниками поскакали на выстрелы, стараясь обогнуть поглубже, с тыла, курганы. За ними мы увидели двух спешенных людей, спешащих сесть на коней. Нагнали их близко, стреляя из револьверов — один свалился с коня, другой ушёл. Убитый оказался казаком: шаровары с лампасами, на погонах шинели цифра 44, большой рыжий чуб из-под окровавленной папахи.

Один из юнкеров поскакал к Чернецову с донесением. Мы же двинулись вперед, но едва поднялись на перевал, как остановились, поражённые. На противоположном скате низины, верстах в двух, перерезав нашу дорогу, лицом к нам стояла тёмная масса конницы. Тонкая цепь конных дозоров была раскинута полукругом, охватывая нас. Из конной массы намётом вылетела батарея и, проскакав назад, к противоположному гребню, остановилась — устанавливали орудия.

Чернецов на рыси подъехал к нам.

«Что это? Откуда и кто?» воскликнул он. «Поезжайте скорее и узнайте», обратился он ко мне. «Если это казаки, предложите им немедленно нас пропустить: с казаками мы войны не ведём. Если же красногвардейцы — что ж, будем драться!»

Я тронул коня, спустился в низину и, поднимаясь к неизвестной коннице, стал махать белым носовым платком. Я уже хорошо видел, что это казаки. Но по мне начали стрелять, сначала из винтовок, потом из пулемёта, и несколько конных поскакало, стараясь отрезать меня от нашего отряда.

Я повернул коня. В это время со стороны казаков

раздалось четыре орудийных выстрела, и гранаты взрыли мёрзлую землю на том месте, где я оставил Чернецова и где теперь уже стояла наша, исправленная за ночь, пушка, и партизаны рассыпали цепь. Влево и впереди виднелся хутор Гусев, нас отделял от него малолесный крутосклонный буерак.

***

Начался бой. Наша пушка едва успела раз выстрелить, как была подбита: в двуколку угодило сразу две гранаты, и я видел, как в дыму разрыва мелькнули юбки сестер. Батарея (это была опять 6-ая Донская гвардейская) била прямой наводкой, не жалея снарядов, и через десять минут трудно было разобрать нашу жалкую цепь в чёрном дыму разрывов.

Казаки не стреляли, а расстреливали нас, как мишени на учебной стрельбе. Подо мной убило лошадь, сильно контузив мне правую ногу, но мне посчастливилось вскочить на другую, из-под только что убитого юнкера.

Казаки густой лавой — их было около 500 шашек — сначала рысью, потом намётом пошли на нас в атаку. Они были, очевидно, уверены, что с нами уже всё кончено; но когда с двухсот шагов их встретили залпы партизан под звенящую команду Чернецова, они так же быстро поскакали назад и, пропустив вперед свои четыре пулемёта на двуколках, начали нас выбивать.

Наша цепь ринулась в буерак во главе с Чернецовым, который слез с коня. Партизаны падали в убойном огне пулемётов и орудий. Я хотел также спешиться, но Чернецов мне крикнул:

«Скачите в хутор Гусев, соберите стариков. Что же это такое?... Я отхожу в буерак. Спешите, у нас нет патронов!»

Я погнал коня, стараясь проскочить в хутор ранее, чем поскакавший мне наперерез разъезд казаков. За мной скакал, пригнувшись к луке, враг. Гусев был от нас верстах в двух, казаки скакали вправо, крича и

стреляя на ходу, Было ясно: перехватить они нас не успеют. Наши лошади были в мыле, но шли крепким и широким махом.

Мы влетели в хутор. На его околице стояла толпа. Но едва мы подъехали к ней, сдерживая тяжело дышавших лошадей, как толпа ринулась к нам, окружила нас, схватив под уздцы наших коней. «Бей их! Валяй наземь!» — раздались крики, и десять рук вцепились в меня. Какой-то бурдастый старик с длинным железным прутом кричал: «Стой, братцы, я его сейчас!» Он размахнулся и ударил меня по голове, сбив папаху. Доктора уже стянули с лошади и, раскачивая за руки и ноги, били о землю. Мне засунули между ногой и седлом палку, старик вновь ударил меня прутом по голове и я упал, спрятав голову в согнутую руку. Меня били палками, плетьми, а у кого были пустые руки — били ногами. В голове мелькнула виденная в детстве сцена самосуда над конокрадом-цыганом, и остро хотелось одного: скорей бы потерять сознание, скорей бы конец!

В это время раздались крики: «Стой! Не моги добивать! Давай их сюда! Надо Голубову представить, потом порешим с ними!» — Это кричали прискакавшие казаки — те, которые гнались за нами.

Неохотно толпа, уже пьяная кровью, отхлынула от нас. Доктор едва мог стоять, у меня шла кровь из ушей, носа, рта.

Погоня была из девяти казаков. Передний — крупный, чубатый и рябой, переводя дух после скачки, приказал нам сесть на наших лошадей и, размахнувшись нагайкой, ударил через голову ближнего к нему доктора. Тот упал, но тотчас вскочил и, захлёбываясь, закричал:

«Я — социал-демократ! Что же это, товарищи, за что?!.. Я сотрудничал в Царицыне в рабочей газете...»

Толпа нахлынула вновь.

«Чего глядеть — это безземельный кацап! За землёй к нам пришёл? Земли хочешь? Кончай его, братцы!..»

Несчастный доктор, собрав последние силы, под градом новых ударов, взвалился на седло. Конные казаки

Полковник В. М. Чернецов

***

Е. Е. Ковалев рассказывает о собрании офицеров в Новочеркасске, на котором он присутствовал, после захвата военно-революционным комитетом власти в станице Каменской. Выступали А. М. Каледин, М. П. Богаевский и Походный Атаман ген. А. М. Назаров. Когда Войсковой Атаман, обрисовав катастрофическое положение на фронте, сказал, что путь на Новочеркасск открыт и что пока он говорит здесь в Офицерском Собрании, большевики могут занять Атаманский дворец, Чернецов, выйдя из рядов, крикнул: «пока я жив, я этого не допущу...»

И затем, обращаясь к офицерам, заявил, что ему сейчас же нужно на один день человек 40-50, так как его отряд распущен на три дня и соберется только завтра, а на вокзале у него лишь самое необходимое число людей для охраны эшелона. Желающим он предложил построиться в соседней комнате. Их оказалось несколько больше, чем нужно, и Чернецов, отсчитав необходимое число, остальных поблагодарил и отпустил.

Е. Е. Ковалев попал в число тех, которых Чернецов сейчас же повел на вокзал. На вокзале он приказал дежурному по станции немедленно, в такой-то срок, подать паровоз с двумя тремя вагонами, а затем повел всех офицеров к своему эшелону, выдал всем винтовки с патронами и разбил на группы. Часть была назначена нести охрану станционного района, часть охрану эшелона, а часть с самим Чернецовым немедленно отправилась на станцию Шахтная, которая была занята в ту же ночь. Е. Е. Ковалев попал в группу, охранявшую эшелон. Охраной эшелона и станционного района руководил Роман Лазарев.

На другой день, когда собрались партизаны Чернецова, офицерский взвод был распущен, кроме пожелавших остаться в отряде.

Чернецов продолжал продвигаться со своим отрядом по железной дороге и примерно к 15-17 января занял Каменскую.

Глава 11-ая

ГИБЕЛЬ ЧЕРНЕЦОВА (ПАМЯТИ БЕЛЫХ ПАРТИЗАН)

(Воспоминания чернецовского партизана есаула Н. Н. Туроверова)

В то время еще не было ни белых, ни красных армий, ни мобилизаций, ни Чека, ни Освага. Белое Движение было только проектом пробиравшихся на Дон из Быхова генералов Корнилова и Алексеева, а в Новочеркасске задыхался Атаман Каледин.

Россия еще лежала распластанной в мёртвом равнодушии, когда на границах Дона, на его железнодорожных колеях, столкнулась городская чернь со своим первым и заклятым врагом: детьми-партизанами. И уже потом, в дальнейшем движении, всколыхнувшем Россию, борьба никогда не была более жестокой, чем между этими первыми добровольцами двух идеологий.

Было бы не моей задачей суммировать психологию участников Белого Движения, создавая общий тип; но я не ошибусь, наметив в юных соратниках Чернецова три общих черты: абсолютное отсутствие политики, великая жажда подвига и очень развитое сознание, что они, еще вчера сидевшие на школьной скамье, сегодня встали на защиту своих внезапно ставших беспомощными старших братьев, отцов и учителей. И сколько слёз,

просьб и угроз приходилось преодолевать партизанам в своих семьях, прежде чем выйти на влекущий их путь подвига под окнами родного дома!

Я задержался на партизанах, чтобы легче подойти к образу их вождя, есаула Чернецова. Партизаны его боготворили, и это — его лучшая характеристика.

***

У него была военная дерзость, **исключительная** способность учитывать и использовать обстановку в бою, ледяное спокойствие в опасности и бешеный порыв в нужный момент. В первый раз я с ним встретился зимой 1916 года, на одном из вечеров в тесном зале Каменского клуба.

Он был ранен в ногу и ходил с палкой. Среднего роста, плотный и коренастый, точно сбитый. Я запомнил его тёмные насмешливые глаза и смуглорозовый цвет лица.

Находясь в военном Училище, я не имел возможности принять участие в начале детского похода на Дону; встречал лишь в декабрьские дни семнадцатого года на новочеркасских улицах чернецовских партизан, — эти единственные фигуры в коротких, кожей наверх, полушубках,как и их трупы в простых гробах по дороге от собора на кладбище, всегда в сопровождении Атамана Каледина.

И только в январе 1918 года, задержанный в Каменской, при свидании с родным Атаманским полком, я имел случай стать участником последних закатно-блестящих дней Чернецовской эпопеи.

Гвардейская казачья бригада, вернувшаяся с фронта в декабре 1917 года и поставленная Калединым в районе станицы Каменской как заслон с севера, перестала существовать. Рождественское выдвижение бригады на станцию Миллерово и свидание бригадных делегатов с красногвардейцами создали тогда такое убеждение у казаков: «Нас мутят офицеры. Красноармейцы люди, как люди. Пусть идут за буржуями и генералами другие, а нам смотреть нечего — айда по домам!»

И уже в начале января, среди разъезжавшихся по домам казаков гвардейцев, нашёлся столь нужный Москве «свой человек» — подхорунжий 6-ой Донской гвардейской батареи Подтёлков.

Переворот в Каменской произошёл по-домашнему — без крови. Были сорваны погоны, «Центральная гостиница» заполнена арестованными офицерами, а казачий военнореволюционный комитет, под председательством Подтёлкова, обосновавшись в старом здании почты, послал Атаману Каледину телеграмму: «Капитулируй на нашу милость!»

Свидание Атамана Каледина с Подтёлковым в Новочеркасске не дало никаких результатов, и когда северный карательный отряд красной гвардии беспрепятственно передвинулся за спиной Подтёлковского Комитета от Черткова на Миллерово, — партизанскому отряду есаула Чернецова — единственной реальной силе Войска Донского — было приказано освободить Каменский район.

Оставив небольшой заслон на станиции Зверево, в сторону переполненного красногвардейцами Дебальцева, есаул Чернецов разбил налётом на разъезде «Северный Донец» пропущенных вперед Подтёлковских красных и на рассвете 17 января занял без боя станицу Каменскую.

Столкновения с казаками, чего так опасались в Новочеркасске, не произошло. Высланные на «Северный Донец» против партизан, «революционные» казаки остались равнодушными зрителями короткого разгрома своих «иногородних товарищей», а сам Подтёлков, со своим комитетом и частью арестованных офицеров, заблаговременно передвинулся на станцию Глубокую, где к этому времени уже находились главные силы северной группы красногвардейцев, во главе с товарищем Макаровым.

Местный казачий нарыв, казалось, был вскрыт, и у Чернецова были развязаны руки для привычной уже операции против очередного красногвардейского отряда.

Уже с утра 17 января в пустынной зале Каменского вокзала, около большой иконы Св. Николая Чудотворца, стояла очередь местных реалистов и гимназистов для записи в Чернецовский отряд. Формальности были просты: записывалась фамилия, и новый партизан со счастливыми глазами надевал короткий овчинный полушубок и впервые заматывал ноги в солдатские обмотки.

Здесь же, на буфетной стойке, где еще на днях армянин торговал окоченевшими бутербродами, каменские дамы разворачивали пакеты и кульки, это был центральный питательный пункт.

Штаб отряда поместился в дамской комнате, у дверей которой стоял с винтовкой партизан; но Чернецова я нашёл на путях, около эшелонов. Он легко и упруго шёл вдоль вагонов навстречу мне, всё такой-же плотный и розовый.

Моя вторая и последняя встреча с ним была длиннее: в отряде был пулемёт «кольт», но не было «кольтистов», а я знал эту систему.

Силы отряда, судя по двум длинным эшелонам с двумя трёхдюймовыми пушками на открытых платформах, показались бы огромными; но это был только фокус железнодорожной войны: большинство вагонов были пустыми.

Каменскую заняли две сотни партизан с несколькими пулемётами и Михайловско-Константиновской юнкерской батареей, переданной Чернецову от новорожденной Добровольческой армии. Батареей командовал полковник Миончинский, георгиевский кавалер, отец «белой» артиллерии, позже погибший под Ставрополем.

***

Движение на Глубокую было намечено на следующий день, но к вечеру было получено сообщение о занятии станции Лихой со стороны Шмитовской большими силами красногвардейцев. Каменская оказалась отре-

занной от Новочеркасска; надо было поворачивать назад и ликвидировать непосредственную угрозу с тыла.

Одно орудие с полусотней партизан было двинуто к Лихой сейчас же, а на рассвете 18 января был отправлен и второй эшелон, с орудием и сотней партизан. Состав из пустых вагонов был сделан особенно большим для морального воздействия на противника.

Я поместил свой кольт на тендере идущего задним ходом паровоза, впереди была открытая платформа с пушкой. Поезд тяжело брал большой подъём. Вправо и влево от пути, словно вымершие, чернели в снегах хутора. На разъезде Северный Донец, около семафора лежало десятка три мёрзлых трупов красногвардейцев в ватных стёганых душегрейках.

Около 12 часов подошли к Лихой и стали немного позади нашего первого эшелона. Бой под Лихой и по своей обстановке, и по своим результатам, очень характерен для Чернецовских боёв, хотя сам Чернецов и не был этот раз со своими партизанами, задержавшись в Каменской для подготовки глубокинской операции. Прямо перед нами, в полутора верстах, серело квадратное здание вокзала. Сейчас же левее, по пути в Шмитовскую, дымили паровозы трёх больших эшелонов. А вокруг станционных построек, точно муравейник, копошилась на снегу тёмная масса красноармейцев. Выгрузившиеся из вагонов партизаны рассыпались по обе стороны железнодорожного пути в редкую цепь и во весь рост, не стреляя, спокойным шагом двинулись к станции.

Какой убогой казалась эта цепочка мальчиков по сравнению с плотной тысячной толпой врага! Противник тотчас же открыл бешеный пулемётный и ружейный огонь, поддержанный артиллерией. Над нашей цепью вспыхнули дымки шрапнелей, гранаты взрывали снег около наших эшелонов.

Полковник Миончинский, вскочив на угол моего тендера, подал команду — первым же попаданием разбило паровоз у заднего эшелона противника: все его три состава остались в тупике.

Партизаны продолжали всё так же спокойно, не стре-

ляя, приближаться к станции. Было хорошо видно по снегу, как то один, то другой партизан падал, точно спотыкаясь. Наши эшелоны медленно двигались за цепью.

Огонь противника достиг высшего напряжения; но с нашей стороны редко стреляло одно или другое орудие, да захлёстывался мой кольт и максим с другого эшелона. Уже стали хорошо видны отдельные фигуры красногвардейцев и их пулемёты в сугробах перед станцией.

Наконец, наша цепь, внезапно сжавшись, уже в двухстах шагах от противника, с криком «Ура!» бросилась в штыки. Через двадцать минут всё было кончено.

Беспорядочные толпы красногвардейцев хлынули вдоль полотна на Шмитовскую, едва успев спасти свои орудия. На путях, платформах и в сугробах, вокруг захваченных двенадцати пулемётов, осталось больше сотни трупов противника. Но и наши потери были велики, особенно среди партизан, бросившихся на пулемёты. Был ранен руководивший боем поручик Курочкин. Уже в сумерках сносили в вагоны раненых и убитых партизан. А в пустом зале станционного здания, усевшись на замызганный пол, партизаны пели:

«От Козлова до Ростова
Гремит слава Чернецова!»

***

Утром половина отряда с ранеными и убитыми вернулась в Каменскую. Перед отходом эшелона приехали верхами с десяток казаков из соседних с Лихой хуторов. В это время переносили из одного вагона в другой раненого в живот подростка-партизана. Его глаза были закрыты, он протяжно стонал. Казаки проводили глазами раненого, повернули лошадей. «Дитё еще... И чего лез, спрашивается?..» бросил один из них.

Я вернулся на паровозе в Каменскую около двух часов, в надежде найти в местном арсенале недостающие нам орудийные снаряды. Каменский вокзал обстрели-

вался высланной с Глубокой на платформе пушкой; у вагона с трупами партизан стояла толпа, опознававшая своих детей, знакомых, а в вокзальном зале шла панихида. Около вокзала я встретил обезумевших от горя мать и отца — они бежали к вагону с мертвецами: им кто-то сказал, что я убит.

Вечером вернулись остававшиеся на Лихой партизаны и была получена телеграмма от Атамана Каледина: есаул Чернецов был произведён прямо в полковники; партизаны получили Георгиевские медали.

Поздно вечером, в дамской комнате вокзала, был составлен план завтрашней ликвидации глубокинской группы красногвардейцев. Сам Чернецов, с полутора сотней партизан, при трёх пулемётах и одном орудии, должен был, выступив рано утром 20 января походным порядком (это был первый случай отрыва от железной дороги), обойти Глубокую с северо-востока, испортить железнодорожный путь и атаковать станцию с севера. Оставшаяся часть партизан, с другим орудием на платформе, при поддержке офицерской дружины, должна была, продвигаясь по жел. дороге, одновременно атаковать Глубокую в лоб — с юга. Атаки приурочивались точно к 12 часам. Таким образом, операция рассчитывалась на окружение и полную ликвидацию противника. Его силы определялись приблизительно (в то время разведок не вели, а определяли численность врага уже в бою) в тысячу с лишним штыков. Но, повторяю, вопрос с Подтёлковским комитетом считался ликвидированным и возможности встречи с «красными» казачьими силами никто не допускал, так как не было даже слухов о их существовании.

Подъём среди партизан после блестящего дела под Лихой был огромен. Никто не спал в эту длинную январскую ночь. Залы и коридоры Каменского вокзала были заполнены партизанами, с возбуждёнными, блестящими глазами: всех чаровал завтрашний решительный и несомненно победный день. Сужу по себе: когда мне было предложено остаться с моим кольтом в Каменской для охраны вокзала, то какой острой, какой оскорбительной обидой показалось мне это предложе-

ние, и сколько отчаянного упорства я приложил, чтобы отстоять своё участие в обходной колонне Чернецова!

В мутном январьском рассвете колонна Чернецова двинулась от вокзала, проходя по пустынным улицам Каменской. Партизаны и пулемёты были погружены на реквизированных ломовых извозчиков. При орудии, запряженном шестёркой добрых лошадей, шла конная часть юнкеров и сам полковник Миончинский. В патронной двуколке поместились две сестры и врач. Мною же был взят принадлежавший директору завода автомобиль, на котором я приспособил свой кольт; со мною поместились два юнкера инженерного училища с ломом и с разводными ключами для разборки жел. дор. пути; динамитных шашек достать не успели.

Чернецов верхом, в фуражке мирного времени, в большом, крытом синим сукном, полушубке, с новенькими полковничьими погонами, нагнал отряд на деревянном мосту.

Перейдя замёрзший Донец и миновав Старую станицу, отряд не пошёл по шляху, а ударил степью, избегая населённых пунктов. В Старой станице бросилось резко в глаза неприязненное отношение к нам казаков. Автомобиль плохо шёл по гололедице — нужна была цепь для колёс, и когда, не найдя другой, мы сняли одну цепь с колодца-журавля, то вся станица подняла галдёж, точно мы убивали кого-то среди бела дня.

День начинался серый, промозглый; с неба падала мша и в степи стоял редкий холодный туман. Шли без дороги, обходя буераки — это удлиняло путь. И скоро стало очевидно, что проводник путает. Начали кружить. Чернецов пересел с коня в автомобиль, где был и проводник. Пошли по компасу.

Стало ясно, что к 12 часам, как было назначено, к Глубокой мы не выйдем, но я уверен, что в это время никто, не говоря уже о самом Чернецове, не сомневался в удачном исходе дела, в полном грядущем разгроме врага. Необычность движения походным порядком в ледяной глухой степи только поддерживала общую веру в победу.

Со стороны прозябших на ломовых извозчиках партизан раздалась новая песня:

Под Лихой лихое дело
Всю Россию облетело;
Мы в Глубокой не сдадим —
Это дело углубим.

Только около четырёх часов отряд вышел к господствующему холму, верстах в трёх северо-восточнее Глубокой. Чернецов поднялся на холм; автомобиль должен был продвинуться вперед на ж. д. путь, где юнкера-сапёры, испортив его, тем бы лишили эшелоны противника возможности отхода на север, к станции Тарасовка; но, едва двигавшаяся до этого, наша машина окончательно отказалась служить. Сгрузив с неё свой пулемёт, я присоединился к отряду.

Наша пушка становилась на позицию; Чернецов на скорую руку обучал 25-30 новичков-партизан обращению с винтовкой. В начинающихся сизых сумерках были видны прямо перед нами ветряные мельницы, дома и сады Глубокой, и за ними дымы паровозов на станции. Правее, внизу, темнела насыпь ж. д. пути на Тарасовку. Была тишина, какая бывает только в зимние сумерки. Наступали ли наши партизаны в 12 часов дня от Каменской на Глубокую, как было условлено, или, заняв исходное положение, ожидали нашей запоздавшей атаки? Никто этого не знал.

Чернецов приказал выдать продрогшим партизанам по полбутылки водки на четверых, и они, рассыпав цепь, скорым шагом начали спускаться к ветрякам. Ломовые извозчики были отпущены и, нахлёстывая кнутами своих лошадей, помчались назад, в Каменскую. Пушка была установлена, полк. Миончинский скомандовал — огонь! Но не успела наша первая граната разорваться в синих глубокинских вишняках, как оттуда мелькнуло четыре коротких вспышки, и над нашим орудием низко разорвались шрапнели. Два юнкера-артиллериста упали.Батарея противника (это была 6-ая Донская гвардейская), хотя и без офицеров, стреляла бе-

гло и удачно. На такого противника мы не рассчитывали.

Я подошёл к Чернецову и доложил относительно брошенного автомобиля, но едва кончил, как меня ударило точно обухом по голове. Я присел. По щеке и по затылку потекла кровь — папаха меня спасла: шрапнель вскользь сорвала только кожу на голове. Чернецов наклонился надо мной:

«Вы ранены?» спросил он, «... надеюсь, легко. Перевяжитесь и пытайтесь пешком пройти к полотну и испортить путь. Что делать! Каша здесь заваривается круче, чем думал...»

**
*

У меня в глазах шли красные круги, но, замотав бинтом голову, я, с ломом в руке, в сопровождении двух сапёрных юнкеров, начал спускаться вправо к полотну. Уже сзади был слышен нам голос Миончинского: «Наше орудие стрелять не может — испорчен ударник...» — и в ответ — крепкое слово Чернецова.

Влево же, в стороне Глубокой, разгоралась пулемётная и ружейная стрельба, горели огни на станции и всё так же полыхали вспышки орудийных выстрелов — 6-ая батарея била теперь по нашей цепи.

Мы подошли к насыпи. На полотне никого не было. Но только мы успели отвинтить одну гайку на стыке рельс, как со стороны Глубокой увидели идущий на нас эшелон. Бросив на рельсы две-три лежавшие вблизи шпалы, мы залегли в пахоту саженях в 50 от пути.

Эшелон, наткнувшись на шпалы, остановился; из вагонов раздалась ругань и беспорядочная стрельба в нашу сторону. Становилось совсем темно.

Освободив путь, эшелон продвинулся с полверсты и снова остановился. По шуму и крикам, доносившимся оттуда, было ясно, что красногвардейцы выгружаются из вагонов и рассыпают цепь, чтобы ударить нам в тыл.

Мы поспешили назад к бугру, дабы сообщить Чернецову о новом движении противника, но, немного пройдя, наткнулись на цепь красногвардейцев, идущих

со стороны Глубокой, лицом к только что выгрузившимся из эшелона. Понять что-либо было трудно. Нас в темноте приняли за своих, мы не разуверяли и спешили только выкарабкаться из этого сужающегося коридора идущих навстречу друг другу цепей.

Когда, наконец, нам это удалось и, низко пригибаясь к земле, чтобы лучше видеть на фоне ночного неба, мы набрели на холм, то нашли на его склоне наше орудие и у колёс его, над едва тлеющими углями костра, — Чернецова.

«Ну, что у вас хорошего?» обратился он ко мне.

Я стал докладывать. В это время внизу, откуда только что вернулись мы, раздалась пальба и грянуло «ура»: красногвардейские цепи не дотянули до нашего холма и, взаимно приняв друг друга за врагов, вступили в ночной бой.

Через полчаса всё стихло. Было слышно пыхтение паровоза, увозившего эшелон назад в Глубокую. Расчёт товарища Макарова зажать нас, остающихся на холме, своими цепями не удался. Но и наша атака Глубокой не удалась. Это была первая неудача за всё время существования Чернецовского отряда.

Партизаны, как всегда, шли в рост, дошли до штыкового удара, ворвались на станцию, но их оказалось мало — с юга, со стороны Каменской, никто их не поддержал, атака захлестнулась; все три пулемёта заклинились, наступила реакция — партизаны стали вчерашними детьми. Часть их, во главе с Романом Лазаревым, который руководил атакой, с разгона пробилась через Глубокую в сторону Каменской; остальные поодиночке возвращались теперь к исходному пункту — нашему бугру.

***

В этом неуспехе, как никогда, ярко вырисовалась способность Чернецова влиять на людей: двумя-тремя, оброненными как бы невзначай, словами он сразу превратил размякших в нервном упадке детей в солдат, по

доблести равных лучшим воинским частям, каких только знало Белое Движение.

Учесть наши потери было трудно: налицо, вместо полутора сотен штыков, едва 60 голодных, холодных и усталых партизан при трёх недействующих пулемётах и испорченной пушке. Запас патронов был мал, хлеба и консервов почти не было — всё было рассчитано на занятие Глубокой, о вторичной атаке которой нечего было и думать. Ночь была холодная, подул северо-восточный ветер. Партизаны дрожали, прижавшись друг к другу на ледяном бугре. В десятом часу Чернецов приказал подниматься — не замерзать же нам здесь!

Он повёл нас прямо на Глубокую, т. е. к противнику. Он был уверен в небрежном охранении противника и не ошибся: красногвардейцы сбились все на станции, а мы расположились на ночь в крайнем доме посёлка-враги ночевали в двухстах саженях один от другого.

В трёх комнатах, разделив последние десять банок консервов, на полу, под столами и скамейками лежали спящие партизаны; юнкера-артиллеристы возились с замком от орудия. У единственной кровати врач и сёстры милосердия перевязывали легко раненых — тяжело раненые не вернулись назад, остались на поле брани. У меня болела голова, встать я не мог. Чернецов всё время обходил часовых на дворе, бодрил людей: он всё надеялся, что со стороны Каменской наши еще пойдут в наступление.

Перед рассветом один партизан со сна нечаянно выстрелил в комнате и убил наповал спящего юнкера — я видел, как передёрнулось лицо Чернецова.

Заря была холодная, ясная, ветреная. Мы двинулись по шляху на Каменскую. Вправо, внизу, лежала Глубокая. Над станцией розово всходили дымы паровозов. Мой кольт ехал с другими пулемётами на подводе, а я с двумя юнкерами и доктором верхами шли в полуверсте, впереди отряда, как авангард. О каком-либо преследовании нас, тем более о встрече с противником в степи, никто не думал: в то время противник был прикован к рельсам. Впереди лежал чёрный обледенелый шлях на Каменскую. Степь была почти без снега —

вчерашний туман съел его — с белесым тонким льдом на лужах.

Шли медленно. Впереди верхами — Чернецов и Миончинский, за ними орудие, конные юнкера, пулемёты на подводе, двуколки с сестрами и не могшими идти ранеными и сзади, по три, партизаны.

Около 12 часов уже прошли половину дороги; перед нами лежал пологий подъём, за ним должен быть хутор Гусев.

Неожиданно справа, из-за трёх курганов, хлопнуло два выстрела, над нашими головами пролетели пули. Я со своими спутниками поскакали на выстрелы, стараясь обогнуть поглубже, с тыла, курганы. За ними мы увидели двух спешенных людей, спешащих сесть на коней. Нагнали их близко, стреляя из револьверов — один свалился с коня, другой ушёл. Убитый оказался казаком: шаровары с лампасами, на погонах шинели цифра 44, большой рыжий чуб из-под окровавленной папахи.

Один из юнкеров поскакал к Чернецову с донесением. Мы же двинулись вперед, но едва поднялись на перевал, как остановились, поражённые. На противоположном скате низины, верстах в двух, перерезав нашу дорогу, лицом к нам стояла тёмная масса конницы. Тонкая цепь конных дозоров была раскинута полукругом, охватывая нас. Из конной массы намётом вылетела батарея и, проскакав назад, к противоположному гребню, остановилась — устанавливали орудия.

Чернецов на рыси подъехал к нам.

«Что это? Откуда и кто?» воскликнул он. «Поезжайте скорее и узнайте», обратился он ко мне. «Если это казаки, предложите им немедленно нас пропустить: с казаками мы войны не ведём. Если же красногвардейцы — что ж, будем драться!»

Я тронул коня, спустился в низину и, поднимаясь к неизвестной коннице, стал махать белым носовым платком. Я уже хорошо видел, что это казаки. Но по мне начали стрелять, сначала из винтовок, потом из пулемёта, и несколько конных поскакало, стараясь отрезать меня от нашего отряда.

Я повернул коня. В это время со стороны казаков

раздалось четыре орудийных выстрела, и гранаты взрыли мёрзлую землю на том месте, где я оставил Чернецова и где теперь уже стояла наша, исправленная за ночь, пушка, и партизаны рассыпали цепь. Влево и впереди виднелся хутор Гусев, нас отделял от него малолесный крутосклонный буерак.

***

Начался бой. Наша пушка едва успела раз выстрелить, как была подбита: в двуколку угодило сразу две гранаты, и я видел, как в дыму разрыва мелькнули юбки сестер. Батарея (это была опять 6-ая Донская гвардейская) била прямой наводкой, не жалея снарядов, и через десять минут трудно было разобрать нашу жалкую цепь в чёрном дыму разрывов.

Казаки не стреляли, а расстреливали нас, как мишени на учебной стрельбе. Подо мной убило лошадь, сильно контузив мне правую ногу, но мне посчастливилось вскочить на другую, из-под только что убитого юнкера.

Казаки густой лавой — их было около 500 шашек — сначала рысью, потом намётом пошли на нас в атаку. Они были, очевидно, уверены, что с нами уже всё кончено; но когда с двухсот шагов их встретили залпы партизан под звенящую команду Чернецова, они так же быстро поскакали назад и, пропустив вперед свои четыре пулемёта на двуколках, начали нас выбивать.

Наша цепь ринулась в буерак во главе с Чернецовым, который слез с коня. Партизаны падали в убойном огне пулемётов и орудий. Я хотел также спешиться, но Чернецов мне крикнул:

«Скачите в хутор Гусев, соберите стариков. Что же это такое?... Я отхожу в буерак. Спешите, у нас нет патронов!»

Я погнал коня, стараясь проскочить в хутор ранее, чем поскакавший мне наперерез разъезд казаков. За мной скакал, пригнувшись к луке, враг. Гусев был от нас верстах в двух, казаки скакали вправо, крича и

стреляя на ходу, Было ясно: перехватить они нас не успеют. Наши лошади были в мыле, но шли крепким и широким махом.

Мы влетели в хутор. На его околице стояла толпа. Но едва мы подъехали к ней, сдерживая тяжело дышавших лошадей, как толпа ринулась к нам, окружила нас, схватив под уздцы наших коней. «Бей их! Валяй наземь!» — раздались крики, и десять рук вцепились в меня. Какой-то бурдастый старик с длинным железным прутом кричал: «Стой, братцы, я его сейчас!» Он размахнулся и ударил меня по голове, сбив папаху. Доктора уже стянули с лошади и, раскачивая за руки и ноги, били о землю. Мне засунули между ногой и седлом палку, старик вновь ударил меня прутом по голове и я упал, спрятав голову в согнутую руку. Меня били палками, плетьми, а у кого были пустые руки — били ногами. В голове мелькнула виденная в детстве сцена самосуда над конокрадом-цыганом, и остро хотелось одного: скорей бы потерять сознание, скорей бы конец!

В это время раздались крики: «Стой! Не моги добивать! Давай их сюда! Надо Голубову представить, потом порешим с ними!» — Это кричали прискакавшие казаки — те, которые гнались за нами.

Неохотно толпа, уже пьяная кровью, отхлынула от нас. Доктор едва мог стоять, у меня шла кровь из ушей, носа, рта.

Погоня была из девяти казаков. Передний — крупный, чубатый и рябой, переводя дух после скачки, приказал нам сесть на наших лошадей и, размахнувшись нагайкой, ударил через голову ближнего к нему доктора. Тот упал, но тотчас вскочил и, захлёбываясь, закричал:

«Я — социал-демократ! Что же это, товарищи, за что?!.. Я сотрудничал в Царицыне в рабочей газете...»

Толпа нахлынула вновь.

«Чего глядеть — это безземельный кацап! За землёй к нам пришёл? Земли хочешь? Кончай его, братцы!..»

Несчастный доктор, собрав последние силы, под градом новых ударов, взвалился на седло. Конные казаки

Полк. В. М. Чернецов

окружили нас и под улюлюканье толпы мы, едва держась в седле, двинулись обратной дорогой к буераку, где еще были слышны пулемёты. Рядом со мной ехал рябой казак, ударивший нагайкой доктора. Как и остальные, он непрестанно ругался и грозил нам обнажённой шашкой. Потом вдруг, неожиданно переменив тон, обратился ко мне:

«А коняку своего ты мне подари!»

Я ему ответил, что лошадь эта не моя и что он волен брать, что хочет.

«Нет, я так не хочу, это выходит — будто силком беру... Ты мне добром подари. Будет чем помянуть тебя». Я, конечно, удовлетворил его просьбу.

Мы подъехали к буераку, где стоял пулемёт и человек двадцать казаков. Нас встретили матерной бранью, а наших конвоиров упрёком:

«Чего муздыкаетесь с ними, гляди — чисто все в руде (в крови), добить их, и всё тут. Эй, слезай, братцы, да скидай одёжу!»

Мы с доктором слезли с лошадей и стали раздеваться; на мои шаровары и сапоги тотчас же нашлись охотники, ватное же пальто доктора отбросили в сторону. Нас поставили к глинистому обрыву и стали наводить пулемёт. В этот момент из-за поворота буерака показалась грузная, в защитном полушубке и заячьем капелюхе, конная фигура Голубова — всё было кончено, остатки нашего отряда сдались...

«Кто приказал? Что вы делаете?» — крикнул Голубов казакам, увидев нас. «Присоединить их к остальным пленникам!»

Наш конец был вновь отсрочен.

Рядом с Голубовым ехал на кляче, отставив раненую в ступню ногу, Чернецов. Рана была перевязана нижней рубашкой, снятой с убитого партизана. За ними толпой, таща волоком свои испорченные пулемёты, шли человек тридцать партизан — всё, что осталось от отряда. Партизаны были окровавлены от побоев, шли они в исподниках, в одних носках и босиком. Мы с доктором присоединились к ним.

***

Трудно выяснить — что руководило войсковым старшиной Голубовым в его странной и тёмной роли в те дни на Дону. Студент Томского университета, не скрывавший своего реакционного мракобесия, Голубов во время Великой войны проявил чудеса храбрости и весной 1917 года, в мятежном Царицыне, он серьёзно считал себя первым кандидатом на пост Донского Атамана. Попав позже в Новочеркасск, как пленник Атамана Каледина, Голубов поклялся ему в верности и был освобождён.

Знавшие Голубова по Великой войне, казаки ему верили и его любили; он собрал из них свою «казачью силу», с которой теперь нам и пришлось неожиданно столкнуться.

Чего хотел Голубов? Скорее всего — почестей и славы. В феврале, после самоубийства Атамана Каледина, он войдёт со своими казаками в Новочеркасск, разгонит Войсковой Круг, собственноручно сорвёт погоны с Атамана Назарова. Но уже в апреле он попытается пристать к восставшим против советской власти казакам и будет ими пристрелен в одной из станиц.

Теперь он ехал, как победитель, рядом с Чернецовым. Его мясистое лицо с белесыми бровями дышало торжеством. Нас гнали в Глубокую. За нами без строя шла революционная казачья сила: части 27-го и 44-го полков с 6-ой Донской гвардейской батареей. Но Голубову, видимо, хотелось, чтобы Чернецов и мы видели не разнузданность, а строевые части. Он обернулся назад и зычно крикнул: «Командиры полков — ко мне!» Два урядника, нахлестнув лошадей, а по дороге и партизан, вылетели вперед. Голубов им строго приказал:

«Идти в колонне по шести. Людям не сметь покидать строя. Командирам сотен идти на своих местах!»

Урядники-командиры что-то промычали; один из них сказал:

«А как я погляжу, так наш Голубь и один на один Чернецова порешит!»

И, обернувшись к Чернецову, добавил:

«Ух ты, гад проклятый, туда же с ребятишками суёшься!»

Но его намерение ударить Чернецова плетью Голубов остановил властным движением руки:

«Не сметь трогать! Чернецов был трижды ранен и имеет Георгиевское оружие. Не так ли, полковник Чернецов?»

И Голубов победно улыбнулся. Чернецов ехал молча, с высоко поднятой головой, глаза его были полузакрыты.

Нас гнали. Если кто из раненых и избитых партизан отставал хотя на шаг, его били, подгоняя прикладами и плетьми. Мы знали, что нас гонят на Глубокую для передачи красногвардейцам. Знали — что нас ожидает. Некоторые партизаны, из самых юных, не выдержав, падали на землю и истерически кричали, прося казаков убить их сейчас. Их поднимали ударами и снова гнали, и снова били. Это была страшная, окровавленная, с обезумевшими глазами, толпа детей в подштанниках, идущих босиком по январьской степи...

Мы прошли уже место боя, перерезали шлях и шли прямиком по степи на Глубокую, приближаясь к ж. д. полотну. В это время со стороны полотна к Голубову подъехали три казака и что-то ему доложили. Голубов повернулся к Чернецову:

«Ваши части ведут наступление по железной дороге на Глубокую. Это бессмысленно. Вы — в моих руках. Напишите приказание остановить это наступление и предложите очистить Каменскую. Я взамен этого не отдам вас и ваши войска (Голубов сделал насмешливый жест в нашу сторону) товарищу Макарову на Глубокой, а, посадив в Каменскую тюрьму, буду судить вас всех своим казачьим судом — он милостивее красногвардейского. Итак, торопитесь: назначьте от себя двух делегатов, я же дам четырёх своих».

Чернецов написал приказание на вырванном из записной книжки листе и приказал отправиться доктору и одному юнкеру. Наши делегаты, в сопровождении четырёх конных казаков, направились влево от нас, на юг; мы же продолжали путь. Боже, сколько глаз смо-

трело им вслед, безмолвно прося передать последнее «прости» родным и друзьям!

***

Мы подходили к ж. д. полотну; на нем стоял длинный эшелон с пушкой на открытой платформе; пушка стреляла по невидимым для нас нашим наступающим цепям. Вправо, в начинающихся уже сумерках, виднелась Глубокая. Нас повернули к ней и погнали параллельно железной дороге.

В это время со стороны эшелона, верхом на великолепном рыжем жеребце, в чёрной кожаной куртке, с биноклем на груди — плечистый, мордастый — подъехал к нам сам Подтёлков, глава революционного казачьего комитета.

Наши продолжали наступать. Голубов, оставив человек тридцать конвоя, передал нас Подтёлкову, а сам, со всеми своими казаками и батареей, повернул в сторону ведущегося наступления.

Подтёлков выхватил шашку и, вертя ею над головой Чернецова, крикнул: «Всех вас посеку на капусту, ежели твои щенки не остановят наступления!»

Прекратившие избиение (видимо, уже приелось) казаки начали вновь нас бить. Мне прикладом выбили зуб.

Эшелон медленно, параллельно нам, отходил к недалёкой уже Глубокой, стреляя из своей пушки. Мы подошли к речке Глубочке — ее берега были круты и покрыты гололедицей. Конвой с Подтёлковым поехал через мост; нас же погнали в брод. Лёд на речке был тонок и проломился под нами. По пояс в воде мы перешли Глубочку, но никак не могли вскарабкаться на её крутой обледенелый берег. Конвой начал по нас стрелять. Трех убил, остальные кое-как, срывая ногти, вылезли на кручу.

***

Сумерки становились гуще; на Глубокой уже горели огни. Я шёл рядом с Чернецовым, держась за его стре-

мя. Подтёлков продолжал угрожающе ругаться. Чернецов спокойно обратился к нему:

«Чего вы волнуетесь, я сейчас пошлю от себя еще приказание прекратить наступление». И, обратившись ко мне, добавил:

«Передайте моё категорическое приказание прекратить все действия против Глубокой!»

Но тотчас же, нагнувшись и как бы поправляя повязку на своей раненой ноге, прошептал: «Наступать, наступать, и наступать!»

Только Подтёлков собрался назначить проводника, как со стороны Глубокой навстречу нам показались три всадника. Это были, конечно, казаки Голубова. Никто из нас, я уверен, не обратил на них внимания. Но Подтёлков, находившийся всё время в каком-то экстазе, бросил ненужный вопрос:

«Кто такие?»

В этот момент Чернецов, не дожидаясь ответа казаков, молниеносно ударил наотмашь кулаком в лицо Подтёлкова и крикнул: «Ура! Это наши!»

Окровавленные партизаны, до этого времени едва передвигавшие ноги, подхватили этот крик с силой и верой, которая может быть только у обречённых смертников, вдруг почуявших свободу. Трудно дать этому моменту верное описание!...

Я видел, как широко раскинув руки, свалился с седла Подтёлков, как ринулся вскачь от нас во все стороны конвой, как какой-то партизан, стянув за ногу казака, вскочил на его лошадь и поскакал с криком: «Ура! Генерал Чернецов!» Сам же Чернецов, повернув круто назад, погнал свою клячу намётом. Партизаны разбегались во все стороны. Я бежал к полотну железной дороги, не чувствуя ни боли в ранах, ни усталости. Меня переполняла дикая радость, сознание, что я живу, что я свободен...

По ту сторону полотна, над мягким контуром холмов, тянувшихся до самой Каменской, едва тлел жёлтый закат. Сумерки густели. Я знал: за полотном, под холмами, идут хутора с густыми вишнёвыми садами, и

по этим садам можно скрытно пробраться к Каменской. Только бы перейти за полотно!

Вдруг в стоявшем вправо от меня красногвардейском эшелоне вспыхнуло «ура», раздались выстрелы и паровоз рванул эшелон к Глубокой. Это несколько наших партизан, решив почему-то, что эшелон — наш, вскочили на его платформу, где стояли пулемёты и, увидев ошибку, бросились с голыми руками на красногвардейцев. На следующий день были найдены трупы партизан и красногвардейцев, упавших в борьбе под колёса эшелона.

По полю раздавались уже крики: «Стой, не беги!» Наш конвой опомнился и бросился искать беглецов. Я едва успел перейти полотно, как увидел за собой двух скачущих казаков; выхода не было, и я бросился в узкую, очень глубокую, какую-то железнодорожную канаву. На дне было по колено воды; я, не раздумывая, лёг в неё. Над канавой послышались голоса казаков, им в наступившей темноте не было меня видно; нагнувшись с седла, они шарили по канаве шашками.

«Да ты слезь с коня, всё одно так не достанешь!» крикнул один.

«Сам и слезай, коли такой умный!» огрызнулся другой. «Говорю, что не сюда он сиганул... На пахоте надо искать!»

Казаки отъехали от канавы. Где-то недалеко раздались отчаянные крики и стоны: это казаки нашли партизана и рубили его. Потом всё стихло.

Я вылез из своей ледяной ванны. Над холмами стоял молодой месяц, ночь была тихая, звёздная, морозная.

* * *

Перейдя Глубочку, я пошёл левадами, вишняками и тернами хуторов на Каменскую. От недалёких куреней тянуло кизечным дымом. Иногда лаяли собаки — тогда я останавливался и ждал, когда они смолкнут. Нервный подъём прошёл, я чувствовал холод; меня знобило и мучительно хотелось спать. Но я знал: если поддамся и лягу, то больше не встану. И, напрягая послед-

ние силы, я шёл с детства знакомой, но теперь так трудно угадываемой, местностью.

Начались галлюцинации: на меня шли цепи, скакала казачья лава, я слышал шум шагов и фырканье лошадей. Останавливался, поднимал руки и сдавался... Противник, как дым, проходил, не задевая меня, а на смену шли новые толпы... Я чувствовал, что близок к помешательству, но продолжал механически шагать: жить, жить во что бы то ни стало!

Уже перед зарёй я подошёл к ж. д. мосту через Донец, но всё еще сомневался — Каменская ли это? Мне всю дорогу мерещилось, что я иду назад, на Глубокую.

На мосту меня встретила офицерская застава родных атаманцев.

На вокзале была толпа — ждала сведений о судьбе отряда. Всё в той же дамской комнате помещался штаб наших вооружённых сил... которых почти не было. Седой генерал Усачёв, Окружной Атаман, спросил меня: «Разве Голубов не получил моего требования неприкосновенно доставить вас всех в Каменскую, а раненым предоставить подводы?» Здесь же я нашёл и полковника Миончинского, который с несколькими юнкерами верхом пробился в Каменскую.

Меня спросили о Чернецове. Но что я мог ответить?

***

После я лежал в Областной больнице в Новочеркасске с забинтованной головой. Совершенно неожиданно для меня вошел в палату Атаман Каледин и подошел ко мне. Он был один. Спросил меня, каких я Туроверовых (рыжих или черных).

Я ответил. Спросил о драме под Глубокой. Я доложил что знал. Долго молчал Атаман. Поднялся со стула, перекрестил, поцеловал в лоб и очень усталой походкой ушел.

***

До этого я видел Атамана ещё раз.

В ночь на 6 декабря 17 года отряд юнкеров михайло-

во-константиновцев и Новочерк. воен. училища на тачанках захватил село Лежанку. Стоявшая в селе батарея 39-й пехотной дивизии была взята. Это были первые орудия Добров. армии. На рассвете 7-го декабря взятая батарея и отряд двинулись походным порядком в Новочеркасск. Я был послан с докладом атаману и, через только что взятый Ростов, по желез. дороге, 7-го вечером прибыл в столицу Войска. Атаман принял меня в своем кабинете, освященный стоявшей на столе лампой с большим абажуром. Отрапортовал о взятии батареи.

«Потери?»

— С нашей стороны ни одного человека.

Доложил, что взятые в плен ездовые ведут батарею.

«Это никчему: этой сволочи и без них у нас достаточно.»

Доложил, что взят и денежный ящик.

Атаман вскочил. «Это же разбой. Вон!»

Я летел вниз по лестнице, не считая ступенек.

На дворе была лютая метель.

Позже выяснился гнев атамана. Он дал разрешение сделать налет на Лежанку. Позже (оказались неприятности у атамана с Кругом) он свое разрешение отменил; но оно до нашего отряда не дошло. А, может, было скрыто. Я, в свои 18 лет, ожидал наград; но был позорно изгнан. Нашим отрядом комадовал, если не изменяет память, поручик Строев.

**
*

В апреле 1918 года, когда, вернувшись из Степного похода, мы с восставшими Мелеховцами и Раздорцами трижды пытались взять Парамоновские рудники и трижды не могли этого сделать, когда после каждой неудачи бабы ухватами выгоняли казаков из куреней снова на позицию, развозя потом по зеленеющим курганам каймак и галушки родным воителям, которые лениво постреливали в шахтёров и спали под апрельским

солнцем, — в дни Страстной недели я узнал о смерти Чернецова.

На хуторе Мокром Логу, на очередном митинге, когда генерального штаба полковник Гущин, стуча кулаком в вышитую грудь своей косоворотки и уверяя, что он расподлинный трудовой казак, уговаривал станичников на новое наступление, а казаки сопели и смотрели в землю, — я увидел того рябого чубастого казака, который всё просил меня, когда нас пленили, подарить ему лошадь и который взял мои сапоги.

Он также сразу узнал меня и застенчиво улыбнулся:

«Вы дюже не серчайте, господин сотник, за это... (он подыскивал слово) происшествие. Ошибка получилась! Кто ж его знал? Теперь оно, конечно, определилось, что к чему...»

Я прервал его, спросив, не знает ли он о судьбе Чернецова? Казак знал. Мы отошли в сторону. Закурили, и казак рассказал.

Чернецов поскакал не в Каменскую, а в свою родную станицу Калитвенскую, где и заночевал в отчем доме. Кто-то из станичников дал немедленно знать об этом на Глубокую. На рассвете Подтёлков с несколькими казаками схватил в Калитвенской Чернецова и повёз его в Глубокую.

По дороге Подтёлков издевался над Чернецовым — Чернецов молчал. Когда же Подтёлков ударил его плетью, Чернецов выхватил из внутреннего кармана своего полушубка маленький браунинг и в упор... щёлкнул в Подтёлкова: в стволе пистолета патрона не было — Чернецов забыл об этом, не подав патрона из обоймы.

Подтёлков, выхватив шашку, рубанул его по лицу, и через пять минут казаки ехали дальше, оставив в степи изрубленный труп Чернецова.

Голубов, будто бы, узнав о гибели Чернецова, набросился с ругательствами на Подтёлкова и даже заплакал...

Так рассказывал казак, а я слушал и думал, что самый возвышенный подвиг венчает смерть. Но жизнь казалась прекрасной — мне было восемнадцать лет.

***

ПРИЛОЖЕНИЕ. Донесения ген. Усачева, командующего войсками в Донецком Округе.

«Походному Атаману. Полковник Чернецов с утра 20-го по настоящее время ведёт бой в районе станции Глубокая. 21 января, 19 час. Каменская. Усачёв».

«Походному Атаману. Отходя от Глубокой 21 января, около 13 часов, полковник Чернецов с 30 дружинниками был захвачен казачьими частями 27 полка, 44-го и Атаманского под командой Войскового Старшины Голубова Николая. Полковник Чернецов ранен в ногу. Войсковой старшина Голубов прислал ко мне делегацию с просьбой прекратить кровопролитие, гарантируя жизнь полковнику Чернецову и дружинникам. Я посылаю делегацию с ультиматумом немедленно освободить пленных. Действия с моей стороны пока прекращены. Усачёв».

Делегации генералом Усачёвым приказано было передать письма командиру 27-го полка и полковому комитету. Командиру полка генерал писал:

«Полковнику Седову. 1918 г. 21 января, 24 часа, Каменская. Прошу вас употребить все усилия озаботиться о полковнике Чернецове и его людях, предоставив им медицинскую помощь, продовольствие и койки. Я надеюсь, что он будет немедленно доставлен вами в спокойном вагоне на станцию Каменская. Прошу сообщить казакам, что против казаков никто не помышляет вести войну. Правительство просит казаков отрешиться от наветов большевиков и защитить Дон, который сам хочет устраивать свою жизнь, без помощи посторонних. Генерал-майор Усачёв».

Такого же содержания было и обращение генерала к **полковому комитету 27-го полка**:

«Полковому комитету 27-го казачьего полка. 1918 г. 21 января, 23 часа, Каменская. Прошу вас, как казаков, приложить все усилия озаботиться о казаке полковнике Чернецове и его людях, предоставив им медицинскую помощь, продовольствие, покой. Я надеюсь, что он не-

медленно будет доставлен в спокойном вагоне на ст. Каменскую. Прошу сообшить казакам, что против казаков никто и не помышляет вести войну. Правительство просит казаков отрешиться от наветов большевиков и защитить Дон, который сам хочет устраивать свою жизнь, без помощи посторонних красноармейцев. Ввиду появления казаков на ст. Глубокой, я прекращаю действия, но прошу казаков занять Глубокую и обеспечить её от захвата красногвардейцами. Генерал-майор Усачёв».

В тот же день, 21 января, в 24 часа генерал Усачёв сообщил **в Штаб Походного Атамана:**

«Полковник Чернецов с 120 человеками предпринял обход с севера на ст. Глубокую, чтобы захватить эту станцию, и задача почти увенчалась успехом, но, благодаря подошедшим подкреплениям большевиков со ст. Миллерово, стал отходить в направлении на хутор Гусев-Каменскую и, не дойдя 7 верст до Каменской, был окружён конными частями, указанными в телеграмме, под командой Войск. ст. Голубова. Произошёл бой, и полковник Чернецов был захвачен раненым с 30 дружинниками в плен, а остальные дружинники были частью убиты, частью рассеяны; оставшиеся присоединяются к ст. Каменской. Пока еще не установлено, сколько таковых. А остальные дружинники находятся в ст. Каменской, которые с утра защищали станицу Каменскую, а двинутый отряд полк. Чернецова под командой Е. Лазарева был двинут по железной дороге на Глубокую, результатом чего ко мне явилась делегация и принесла записку с подписями полк. Чернецова и Войск. Ст. Голубова следующего содержания».

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ЧЕРНЕЦОВА. Доставил его в качестве делегата урядник 27-го полка Выряков. Написано оно карандашом, беспорядочно, торопливо, на листке, вырванном из записной книжки:

«1918 г. 21 января. Я, Чернецов, вместе с отрядом взят в плен. Во избежание совершенно ненужного кро-

вопролития, прошу вас не наступать. От самосуда мы гарантированы словом всего отряда и Войск. ст. Голубова. Полковник Чернецов».

Под подписью Чернецова — подпись Голубова характерным мелким почерком: «Войсковой старшина Н. Голубов. 1918 г. 21 января».

Глава 12-ая

«РЯДОМ...»

Елизавета Димитриевна Богаевская, вдова Митрофан Петровича, помощника Атамана А. М. Каледина, вспоминает о жизни в Новочеркасске в то время. Е. Д. имела возможность наблюдать Алексей Максимовича в частной жизни и её свидетельство ценный матерьял для того, чтобы создать цельный духовный образ покойного Атамана.

«Да, так оно и было, именно рядом прошло это время, рядом и с событиями, захватившими и уничтожившими Родину и рядом с дорогими мне людьми, которые жизнь свою положили за эту Родину.

1917 год. Февраль, революция. Я — у постели умирающей дочери, на политические события как-то мало реагирую; Митрофан Петрович следит за всем. В первых числах марта ушла от нас наша девочка, и мы остались вдвоём. Через несколько дней, вернувшись домой из гимназии, Митрофан Петрович сообщил мне, что станица Каменская избрала его делегатом на Общеказачий Съезд в Петрограде. «Поедем вместе?» — «А как же, конечно, вместе...» И вот началась новая и заключительная глава нашей жизни, полная встреч с людьми, полная тревог, волнений и наконец ужасов...

Одной из встреч была встреча с Алексеем Максимовичем Калединым и его женой, Марией Петровной. По-

сле Петрограда — Донской Съезд, на котором выработано было Положение о Войсковом Круге. Митрофан Петрович поспевает всюду, председательствует и там и там. В мае собирается Войсковой Круг для выработки конституции и выборов Донского Войскового Атамана и Войскового Правительства. Помню — очень дождливая была весна в тот год, реки вышли из берегов больше, чем обычно, причинили кое-какие разрушения. Когда мы с Митрофаном Петровичем ехали из Каменской, поезд наш шёл почти по воде. С большой тревогой посмотрел он в окно и промолвил: «Старики говорят — быть беде... Это перед бедой так погода разбушевалась...» Тяжело стало на душе, как от мрачного предчувствия. Кончалась жизнь, начиналась сплошная тревога.

Вот собрался Большой Первый Войсковой Круг, на котором председательствует Митрофан Петрович. Помню — как-то между сессиями, он говорит мне: «А знаешь, кто присутствует на Круге? Наш донской герой, Алексей Максимович Каледин. Посмотри на него, поедем вместе...»

Так я в первый раз увидела Алексея Максимовича. А через несколько дней подошли выборы Атамана, и единственным кандидатом оказался он. В то время он направлялся на Кавказ, на поправку после тяжёлого ранения и задержался в Новочеркасске, с которым его связывали многие воспоминания. Он вовсе не собирался и даже не хотел быть Атаманом, но настояли, уговорили. А потом — закончились выборы, и все разошлись с тем, чтобы на следующий день явиться на торжественное богослужение и вручение Атаману булавы. Вернулись мы с Митрофаном Петровичем домой, было это после полудня. Только он было прилёг отдохнуть, а тут звонок. «Барин, господин Атаман к вам...» Быстро одевшись, Митрофан Петрович бросил мне: «Выйди, пожалуйста, поскорее!» Как велико было тогда моё смущение — ведь приходилось принимать самого Войскового Атамана! Я робко вошла в гостиную. Навстречу мне поднялся тот, на кого еще так недавно я смотрела издалека с благоговением. Подошёл, покло-

нился, поцеловал руку и... улыбнулся. Должно быть, очень уже смущённый, если не жалкий, был у меня тогда вид, да и моя молодость — всё это вместе, пожалуй, и заставило его улыбнуться. Я подчёркиваю это потому, что всего лишь дважды я видела его улыбающимся, тогда и еще один раз, когда он возвратился из поездки по Области, но об этом потом. И вдруг как-то сразу я почувствовала себя в его присутствии так легко и просто, такой он был простой и доступный, как будто свой. Визит его был довольно коротким и официальным, как к Председателю Круга. А потом началась регулярная совместная работа Митрофана Петровича и Атамана. Вскоре я была приглашена его женой, Марией Петровной, в Атаманский дворец, или, как мы его попросту называли, Атаманский дом. Это знакомство произошло уже совсем легко и, не взирая на разницу лет, у нас нашлось много общих тем для разговора. Также вскоре последовало приглашение переселиться во дворец, но, несмотря на это приглашение, мы с Митрофаном Петровичем сначала решили не переезжать и остались жить в доме моего отца, на Ермаковском проспекте. Митрофан Петрович же зачастую с утра и до поздней ночи проводил время или во дворце или же в Областном Правлении. Но время становилось всё более тревожным, возвращаться домой ночью одному было уже небезопасно, и поэтому Алексей Максимович заявил однажды, и очень решительно, что мы должны переехать во дворец, так как он считает это совершенно необходимым для дела. Нас очень быстро перевезли, и мы поселились в нижнем этаже. С этого дня общение стало более близким. С Марией Петровной мы проводили много времени вместе за общей работой, а её у нас становилось с каждым днём всё больше и больше из-за наплыва беженцев, а потом и раненых. Часто приходилось видеть и Алексея Максимовича, хотя бы и на минутку, а если нет — так слышать от Марии Петровны и Митрофана Петровича о его настроении. Всегда серьёзный, сосредоточенный, но неизменно ласковый, забегал Алексей Максимович к нам, чтобы сказать не-

сколько слов жене или же расспросить нас о наших делах и заботах.

Политическая обстановка становилась всё мрачнее. Отречение Государя. Недовольство Временного Правительства казаками. Керенский отдаёт приказ о мобилизации двух военных округов против Дона. В то же время от Атамана требуют явиться с ответом в Ставку (в это время Алексей Максимович объезжал верховые станицы). Слышится клич:

«С ДОНУ — ВЫДАЧИ НЕТ!»

Экстренно собравшийся Войсковой Круг ждёт приезда Атамана, а Товарищ Атамана и его заместитель Митрофан Петрович шлёт за Атаманом взвод юнкеров. Телеграф, чуть ли не шаг за шагом, отстукивает маршрут Атамана. Вот должны уже скоро прибыть. Вот уже видны первые верховые. Собралось много народу. Мы на верхней ступеньке Атаманского дворца. Страшное напряжение от всего пережитого. Измученная событиями, Мария Петровна устало опирается на мою руку. Вдруг с Платовского проспекта быстро заворачивает конная группа — это идут юнкера, и среди них автомобиль с Атаманом. В толпе сильный вздох, чуть ли не крик, облегчения — слава Богу, Атаман с нами! Алексей Максимович быстро вышел из автомобиля, поднялся по ступенькам, поздоровался с женой, с нами. Вид утомлённый, форма измятая, лицо серое и небритое, но такое доброе, такое ласковое лицо, и на нём улыбка. Это вторая улыбка, которую я видела на лице Алексея Максимовича за всё время, прожитое в постоянном общении с ним. Больше улыбок на его лице я никогда не видала, оно было хмуро и сосредоточенно.

Немедленно же начались заседания... «Я должен ехать!» — «Но куда, на расправу?!.. С Дона выдачи нет! Круг будет судить Атамана!»

Круг выразил полное доверие своему Вождю, несмотря на некоторое брожение среди фронтовиков.

Снова потекла жизнь, теперь всё более и более тревожная. В Москве начинается Государственное Совещание, и Алексей Максимович уезжает. Выступление его там известно всем. Здесь, у нас — тревожное ожида-

Товарищ Войскового Атамана М. П. Богаевский, ближайший помощник А. М. Каледина

ние. И вот он возвращается, озабоченный, хмурый. Снова ожидают его члены Правительства, члены Круга и др. Молчаливый, он поднимается по лестнице, за ним Митрофан Петрович, о чём-то спрашивает его, а о чём — никто не расслышал. Буркнул что-то ему в ответ Атаман, но не расслышать и ответа. А поздно вечером Митрофан Петрович рассказал: «Спрашиваю его — как, мол, а он в ответ: сволочи!»

События, как в калейдоскопе. Каждый день — кто-нибудь с севера, нужно приютить поначалу. И вот ночуют, и у Калединых и у нас. Идут расспросы, рассказы, бесконечные разговоры... На душе мрачно. А тем временем началась и гражданская война. Прибывают вожди, прибывают офицеры. Надо одеть, накормить и вооружить, а запасов на Дону — никаких. Сокрушается Алексей Максимович, болеет душой, но всё еще надеется на рыцарскую закваску, на душу христианскую... Приезжала из Москвы делегация от города узнать, что там на Дону делается, и следует ли помочь деньгами. Посмотрели, поговорили, пообещали, но ничего не привезли. Ох, напрасные ожидания, напрасные недежды... А нужда-то всё растёт. Вот возвращаются с фронта казаки, всё больше пробирается на Дон одиночек. А Атаман наш всё больше мрачнеет...

Помню, любил, бывало, Атаман музыку. Серьёзную музыку, классическую. Сам не играл, не играла и Мария Петровна, но в гостиной стояло у них механическое пианино, и по вечерам после работы любил Алексей Максимович закладывать ленты со своими любимыми классиками — из русских композиторов Чайковский, а из иностранных Бетховен, Шопен и другие, сейчас не упомню. Усаживался он в кресло и внимательно, сосредоточенно слушал — музыка приносила временное успокоение его исстрадавшейся душе, убаюкивала, успокаивала. А возле него, у самых ног, удобно устраивался его черный пудель. Приходил и кое-кто из близких. Было тепло и уютно, хотя и несколько тревожно на душе. Но потом такие вечера становились всё реже и, наконец, прекратились совсем. Умолкло пианино, и Алексей Максимович больше уже не выходил в гости-

ную посидеть; только Мария Петровна принимала еще своих посетителей, да приходил еще посидеть с нами брат Алексея Максимовича, Василий Максимович, также генерал. Был он очень болезненный и слабый. Бывал и Гавриил Николаевич Каледин, племянник Атамана, быв. юнкер Новочеркасского военного училища, в этот описываемый мной период — один из адъютантов Атамана. Мы его звали Гаврюшей, я знала его еще реалистом в станице Усть-Медведицкой, а потом и в Новочеркасске, в бытность его в училище. Он бывал тогда в доме моего отца и был очен дружен с моей младшей сестрой. Он выделялся среди товарищей своей сердечностью, хорошими манерами и прекрасной выдержкой. С первого дня войны Гаврюша Каледин отправился на фронт и проделал всю войну. Да простит мне читатель эти отступления, но мне хотелось бы не упустить ни одной чёрточки, сохранившейся в памяти, чтобы не только воспроизвести образ покойного Атамана, таким, каким я его знала, но и показать окружение близких ему людей, с которыми он ежедневно общался и таким образом дать более полную картину. После смерти Атамана осталось много важных бумаг и фотографий. Всё это было приведено в порядок Марией Петровной, причём в этом ей помог ген. Сидорин; я застала их как-то, когда они разбирали бумаги и помню, что бумаги, лежавшие передо мной, касались брусиловского периода. Из этого составился целый архив, который был поручен Марией Петровной на хранение Гавриилу Николаевичу. Последний вывез его в Югославию, но, впоследствии, по настоянию членов нашего Правительства должен был передать его в Прагу в Донской Архив, судьба которого известна всем. Таким образом мы лишились того, что могло бы дать полную картину жизни и деятельности нашего любимого Атамана *.

Сама Мария Петровна по происхождению была швейцаркой, из одного из французских кантонов. Первым браком она была замужем за одним юрис-

---

* Есаул Г. Н. Каледин убит в г. Шабаце партизанами Тито.

том, русским, с которым разошлась, встретив и горячо полюбив Алексея Максимовича. Союз этот был крепким и Мария Петровна стала его верной подругой. Она прекрасно изучила русский язык, хотя говорила несколько замедленным темпом, и иногда в ее речи можно было уловить лёгкий акцент. В частной жизни Алексей Максимович называл ее «Маа», а она его Alexis, но при совершенно посторонних людях, а в особенности в официальных случаях, твёрдо выговаривала «Алексей Максимович». По отношению к жене А. М. был очень внимателен и заботлив, причём его заботливость часто граничила с нежностью; вообще же на проявление своих чувств он, даже в присутствии самых близких, был скуп, сдержан. Он изредка целовал ей руку, но зато его «Маа» всегда звучало как-то особенно нежно, интимно. Что бросалось в глаза при встрече с Марией Петровной и в разговоре с ней — это ее обаятельная простота и вместе с тем какая-то величавость, точно всю жизнь она была царствующей особой. И наряду с этим — исключительная скромность. Не раз приходилось слышать от казаков: «Вот это настоящая атаманша!» Для каждого казака доступ к ней был свободен.

Что касается самого Алексея Максимовича, он был необычайно деликатен и вежлив, не только по отношению к близким и жене, но и вообще ко всем людям. Он был истым джентельменом. Поражали в нем какая-то особенная честность, благородство и внимательность к окружающим. На первом месте у него всегда был долг и исполнение своих обязанностей. Помню, Митрофан Петрович часто рассказывал, что склонить его на компромисс было почти невозможно. Да это он и доказал своей смертью: потеряв веру в дело, которому служил, он не мог принять компромисса — уйти, спрятаться... Такие люди не жильцы на этом свете.

Рабочий день Каледина начинался иногда в 7, а чаще в 6 часов утра и продолжался до позднего вечера. Как бы поздно он ни лёг, ровно в 8 час. можно было видеть Атамана спускающимся из кабинета в приёмную к посетителям. Доступен он был для всех. В то

тревожное время близкие всегда беспокоились о его безопасности: Алексей Максимович не любил никакой охраны и даже поздней ночью, куда-нибудь уходя, не брал с собой никакой охраны, никогда не носил и револьвера. Возвращаясь во дворец ночью с затянувшегося заседания Войскового Круга или Правительства, всегда уходил один.

Вспоминаются мне грустные дни, когда с фронта привозили убитых партизан. На отпевании в Соборе неизменно присутствовал Атаман, он же провожал гробы юных борцов за правду на кладбище. Не раз в такие дни я бывала в Соборе и смотрела на Алексея Максимовича, на его серьёзное, сосредоточенное лицо. А потом — шли на кладбище, и он шёл обычно с опущенной головой, углубившись в свои невесёлые думы, и только по его фигуре можно было прочитать, как по книге, о тех чувствах, которые его обуревали. Как одинок был он в своей боли душевной!

Да и вообще немного людей было около Атамана в те дни... Вспоминается мне один характерный случай — иллюстрация вышесказанного. Когда в первый раз большевики наступали в направлении Каменской (дату я не могу припомнить, помню только, что в то время в этом районе еще действовал отряд Чернецова), как-то днём пришёл Митрофан Петрович и говорит: «Вот беда, некого нам послать в Каменскую, а нужно отвезти деньги и пакет с инструкциями. Так вот Алексей Максимович спрашивает, не могла ли бы ты это сделать. Ты женщина, а кроме того станицу знаешь...» — «Конечно, с удовольствием!» — «Тогда надо немедленно собираться, через час отходит поезд. А вернёшься с обратным».

С небольшим чемоданом я сейчас же отправилась в путь. Приехала по указанному адресу к одному из местных священников, а там уже были получены сведения, что красные совсем близко от станицы. После того, как я выполнила поручение, священник мне сказал, чтобы я обратилась на вокзале к офицеру, «нашему коменданту». Так я и сделала. Комендант предложил мне обождать в его комнате с тем, что он придёт за мной, чтобы усадить меня на поезд. Жду. На платформе пу-

сто. Отходят какие-то поезда, гремят колёся... Я волнуюсь, а коменданта всё нет. Заглянул сторож-старик, спросил, чего я жду. «Поезда на Лихую» — «Да все поезда уже ушли, и комендант тоже ушёл. Бегите скорее — вон отходит товарный, последний поезд...» Я едва успела вскочить на подножку и так доехала до Лихой. А «наш комендант» передался красным, да повидимому и меня хотел им передать. На меня лично это происшествие не произвело сильного впечатления, но, Боже мой, как переволновались Митрофан Петрович и Алексей Максимович, уже знавшие о занятии Каменской! Помню, как Алексей Максимович сказал мужу: «Нет, этого больше не должно быть!» Мне он ничего не сказал, а только пристально посмотрел в глаза и крепко пожал обе руки. Немногоречив был наш Атаман.

Вспоминается мне еще один день. Его я провела целиком в обществе Атамана. 1 октября 1917 г., в день Покрова утром, Митрофан Петрович поднялся, как всегда, наверх к А. М. и очень быстро вернулся. «Сегодня, как знаешь, парад на Монастырском Урочище. Поедем? А. М. предлагает нам ехать в его автомобиле. Поедет и Мария Петровна». Поехали. Всю дорогу А. М. молчал. Был чудесный день, солнце ярко светило. Приехали, началось богослужение, молебен, панихида, а затем на большой поляне — речи и парад. Над полем летали аэропланы. А потом началась общая казачья трапеза здесь же, на поляне. Подошёл лётчик Баранов, поговорили. Он предложил мне подняться в воздух. Раздалось властное: «Не разрешаю...» Все поняли, что вопрос закончен. Раздались стройные звуки: «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон», а затем полились и другие казачьи песни. Любил их Атаман, как и всё казачье, и слушал внимательно, как молитву. Да, пожалуй, за всё это время в первый раз мы и слушали песни —не до песен нам тогда было. Пели «Конь боевой с походным вьюком», «Поехал казак на чужбину далёку» и многие другие песни. Но не пришлось А. М. всё время наслаждаться казачьими песнями — его и Митрофана Петровича окружила толпа, жаждавшая услышать от

них самих о том, что творится в революционной России, о том, что будем делать дальше и т. д.

А время шло с головокружительной быстротой. Каждый день приносил новые события. С утра А. М. с мужем окунались в лихорадочную работу, не успевая иногда и поесть как следует. Вообще за столом Атамана разносолов не бывало, ели то, что удавалось тогда достать, но случалось, что и времени на еду не хватало. Помню, приехала большевистская делегация с Подтёлковым, и оба они, и А. М. и муж, не смогли прийти к завтраку. А я захотела в это время пойти туда и послушать, о чём говорится. Захватила с собой большой кусок домашней булки и, войдя в кабинет Митрофана Петровича, застала там и Алексея Максимовича. Я смутилась, не хотела мешать, но они уговорили остаться. Я развернула пакет, достала булку и предложила обоим попробовать. А. М. отломил солидный кусок и запросто съел его с удовольствием. Видно было, что он проголодался.

Подошли выборы в Учредительное Собрание. Казалось, не успели депутаты поехать на него, как оно уже было разогнано большевиками. А затем — восстание в Ростове. Кольцо вокруг сжимается, а бойцов на фронте не прибавляется. В городе с наступлением ночи тревожно, часто слышатся одиночные выстрелы. Добровольческая армия уже перешла в Ростов, и на улицах стало меньше военных. Казаки возвращаются с фронта в станицы. А. М. пытается произвести мобилизацию, но казаки не подчинились.

Ясно, что революционная волна захлестнула уже и их — самую дисциплинированную часть русской армии. Бедный Атаман чувствует, что остаётся всё более и более одиноким. Там, в Добрармии, его не понимают, упрекают. И вот в этот период уже стало как-то заметно, что Атаман думает какую-то свою особую думу...

Мария Петровна живет в постоянной тревоге. «Алексей Максимович почти совсем не спит, стал страшно нервным...» Помню, приходит ко мне однажды утром испуганная и подавленная: «Я видела сегодня такой страшный сон... Два жеребца бились, один чёрный, дру-

гой белый... Страшная была схватка, и чёрный убил белого. Так страшно было...» И в эту же ночь я также видела сон — идём будто мы с Митрофаном Петровичем по обледеневшему косогору, скользим, обрываемся... Вдруг он сделал усилие и быстро взобрался на поляну, а я всё еще карабкаюсь. Вот, наконец, и я попала на поляну, но Митрофана Петровича уже нет. Зову, бросаюсь во все стороны... Молчание, густые сумерки и вспышки зарниц...

Время шло. Последние силы защитников Дона таяли. Фронт приближался, Добровольческая армия металась, упрекала Атамана в слабости. И бедный Атаман всё более мрачнел. Какие уже там твердые меры, когда казаки не повинуются своему Атаману?!..

Митрофан Петрович сообщил мне, что мы не сможем даже иметь охрану в Атаманском доме. И действительно — наружного караула уже не было, а внутри сидел только дежурный офицер, и это было всё.

Приближалась роковая развязка. Впечатлительный и восприимчивый, Митрофан Петрович предчувствовал, догадывался, что Атаман что-то задумал. А я видела, что и Митрофан Петрович что-то надумал, но расспрашивать его мне не хотелось, так как в короткие моменты, когда он бывал дома, он был таким измученным и утомлённым, что просто падал на диван, чтобы хоть немного отдохнуть. До расспросов ли было!

Наконец, наступил роковой день...

Накануне было особенно тревожно. Митрофан Петрович куда-то уходил, на минутку забегал домой, неопределённо говорил о том, что я должна бы кое-что приготовить и себе и ему, что время тревожное, и что надо быть ко всему готовым. Наверху, у Атамана, он задержался до двух часов утра. Наконец, вернулся: «Боже, как я устал! Ты уж, пожалуйста, вставай, если будут телефонные звонки...» и заснул. Часов в шесть утра в коридоре послышался шум, быстрые шаги, голос Алексея Максимовича... Я выскочила... «Где он, где Митрофан Петрович? Скорее его будите и пусть немедленно поднимется ко мне...» Буквально в одну минуту Митрофан Петрович был уже готов и побежал к Алек-

сею Максимовичу. Стало страшно... Прошло совсем мало времени и я услышала, как по коридору уже обратно бежал Митрофан Петрович. «Вот тебе адреса и фамилии. Немедленно вызывай всех указанных там лиц в Атаманский дом на заседание...» И снова ушёл, а через некоторое время вернулся и сказал: «Слушай, положение катастрофическое... На фронтах всё катится. Получена телеграмма от Добровольческого командования о том, что Добрармия покидает Ростов и вообще уходит из Области. Приготовь смену белья: и еще, что знаешь. Вероятно, придётся уходить...» И ушёл опять, сказав, что скоро зайдёт.

Вскоре стали прибывать члены Правительства, Круга, должностные лица. Началось заседание. Мария Петровна спустилась ко мне. «Алексей Максимович распорядился, чтобы Маша (горничная) собрала для меня вещи. А для тебя, спрашиваю я его.» А мне — потом, главное, чтобы ты была готова. Что же это такое, Елизавета Дмитриевна?» Вскоре кто-то пришел к Марии Петровне, её вызвали, и она ушла в свою гостиную.

А дальше страшное развернулось быстро и неожиданно. Прошло собрание Правительства, на котором А. М. торопил всех подавать в отставку. Должна была произойти передача власти городу. Члены Правительства стали расходиться. Митрофан Петрович заглянул домой, попросил чистый носовой платок и не успел даже ничего сказать, как послышался крик Г. П. Янова у двери:

«Митрофан Петрович, Алексей Максимович застрелился!..»

Мы бросились наверх, вбежали через кабинет в комнату, в которой жил брат Алексея Максимовича.

На кровати лежал Алексей Максимович, уже мёртвый. Голова немного свесилась на правую сторону, слегка приоткрытый рот. Левая рука на груди, правая вытянулась, уронив револьвер.

Митрофан Петрович сложил руки на груди, поправил голову на подушке, обратился ко мне: «Сложи платок и подвяжи подбородок...» Я машинально повиновалась. Он осмотрел ранку в сердце, осмотрел ма-

трац... Пробит насквозь... Полез под кровать, нашёл пулю...

В это время распахнулась дверь и вбежала Мария Петровна с криком:

—«Alexis, Alexis, qu'est-ce que tu a fait?» («Что ты сделал?!»).

За нею вбежали денщик и горничная, и любимый пудель Алексея Максимовича, влетев стрелой, забился в угол под кровать. Вытащить его оттуда было невозможно...

Мы вышли. Митрофан Петрович вызвал по телефону архиепископа, доктора и оповестил похоронное бюро. Я спустилась к себе. Пусто и угрюмо кругом. Двери на улицу открыты, открыты и двери на двор, кругом — ни души. Через некоторое время на площади перед Атаманским дворцом стали появляться растерянные фигуры, всё больше и больше их... Тревожные вопросы, гул голосов... А наверху уже приступили к приготовлениям к последнему земному пути Донского Войскового Атамана. Очень быстро привезли гроб и, уложив в него тело, перенесли в большой зал. Приехал архиепископ Гермоген, началась первая панихида.

Я должна была оставаться возле Митрофана Петровича и думать, что с ним делать, так как последние события его совершенно доконали, и он был в полусне. Посмотрел на меня грустно и сказал: «Эх, догадался Атаман, что мы хотели его силой увезти и спасти... А ведь всё уже было готово с юнкерами!..» Мне пришлось увести Митрофана Петровича, который двигался, как автомат. Больше он уже в Атаманский дворец не возвращался... Я увела его после того, как офицер из разведки настоял на этом, уговорив также изменить его внешность. Его коротко постригли и побрили ему усы, несмотря на его протесты. Надо было спешно обдумать — где ночевать. Мы даже не присутствовали на отпевании и похоронах Алексея Максимовича. Сразу после похорон, вдова брата Митрофана Петровича, Петра Петровича, отвела Марию Петровну к себе, а потом, сговорившись с игуменьей монастыря на Крещенском спуске, устроила её туда, где она скрывалась под видом

монахини в тот период, покуда Новочеркасск находился в руках большевиков.

Страница перевёрнута, книга закрылась. И вот даже после стольких лет скитаний и лишений, в разлуке с навсегда ушедшими в иной мир дорогими мне людьми, всё еще стоят они перед моим мысленным взором, как живые... Стоит верный чести и долгу хмурый Русский Витязь с кристально чистой казачьей душой, наш дорогой Алексей Максимович и подле него — самое дорогое мне существо, не менее чистое и верное долгу и совести. Мир праху их!»

Глава 13-ая

КОНЕЦ А. М. КАЛЕДИНА

Много говорилось и писалось о причинах, заставивших А. М. Каледина покончить с жизнью. Зная хорошо Алексея Максимовича и учитывая всю обстановку тогдашнего кошмарного времени, я думаю, что его конец и не мог быть иным. Никакого письма, никакой записки он не оставил. Что он думал, что чувствовал в предсмертный момент — никто не знал и не знает, и обо всём этом мы можем строить только догадки.

Говорили об отчаянии в связи с безвыходностью создавшегося в январе 1918 года общего положения... Положение, действительно, было такое, хуже которого трудно себе и представить, но, по всему тому, что мы знаем об Алексее Максимовиче, этот мотив должен быть отброшен: генерал Каледин выходил и не из таких положений.

Писали о гордости, не позволившей Атаману старейшего Войска покинуть свой пост, о чувстве долга, которым всё его существо было проникнуто... Эту мысль прекрасно выразил генерал Н. В. Шинкаренко (писатель Н. Белогорский): «А. М. Каледин за всю свою военную жизнь привык во всякой своей власти видеть прежде всего долг и ощущал обязанность даже там, где была лишь тень права». Когда во время сражения под Ростовом была пролита первая «братская» кровь и когда

между Доном и советской властью фактически началась гражданская война, Каледин, поставивший вопрос о доверии и сложивший полномочия Атамана, был Кругом, подавляющим большинством голосов (526-ью голосами), переизбран; Атаман, лучше других, конечно, отдававший себе отчёт в более чем возможных последствиях, склонившись перед волею Круга, закончил свою речь такими словами: «Так значит, борьба не на жизнь, а НА СМЕРТЬ... Прошу верить — ДОЛГ СВОЙ ИСПОЛНЮ ДО КОНЦА.»

Слов своих Каледин на ветер не бросал...

Вспоминаются и слова Алексея Максимовича, сказанные им 18 июня 1917 года на Соборной площади в ответ на поздравление старого казака с избранием, заявившего при этом Каледину:

«Смотри, не измени, Атаман...»
— «Себе не изменю, станичник...»

Старый его боевой соратник ген. Н. В. Шинкаренко, знавший, что Каледин всегда шёл вперед и никогда не отступал, пишет по поводу самоубийства: «Это — единственное «отступление», при котором он не изменил ни самому себе, ни тем идеям, которые захотела воплотить в нём Судьба...»

При отсутствии точных данных, обращаюсь к своей памяти и роюсь в источниках, чтобы в прежних заявлениях Алексея Максимовича отыскать то, что может пролить свет на интересующий нас вопрос: чем вызван и с какой целью этот роковой выстрел? Приведу и мнения других лиц. Вот беседа А. М. Каледина с членом Войскового Круга Мефодием Яковлевичем Карасёвым, красочной фигурой и незаурядным оратором — если не ошибаюсь, старообрядческим начётчиком, «дорогим дедом», как называл его М. П. Богаевский. Встретились они вскоре после возвращения Атамана из северных округов, где охотились за ним Голубов и царицынские большевики. «Тревожные минуты пришлось мне пережить» — говорил Атаман — «когда за мной гонялись... То я узнал, что за мной пустился на

поиски Голубов, то, приехав в Константиновскую, прочитал там телеграмму о моём аресте. Но всего ужаснее было чувствовать, что я остался один среди своих казаков... Я торопился в Новочеркасск — увидеть семью, увидеть Правительство, Митрофана Петровича — у нас с ним у двоих одна душа... Я совершенно потерял веру в Казачество и в душе родился вопрос — стоит ли жить?.. В старых казаков я верил, но не во всех — есть и между ними нехорошие — а молодые, наша сила, наша опора — эти пропали. Подменили мне казаков... Зачем жить Атаману **таких** казаков?!..

Тяжкое время, и пулю в лоб мне пустить придётся... Недалеко то время...»

На уверения Карасёва, что фронтовые казаки опомнятся, Атаман ответил: «Вы сами ездили по полкам (Карасёв посылался туда Правительством. Н. М.), а что вы там видели? Помните, и Араканцеву (Я. П. Араканцев избранный Кругом Начальник Войскового Штаба. Н. М.) доказывали, что казаки — как казаки и сила реальная у нас есть, а что вышло?»

Ротмистр Скачков, офицер для поручений при Командующем 8-й армией, в своих записках отмечает: «В первых числах ноября 1917 года я приехал с фронта 8-й армии к генералу Каледину в Новочеркасск. В один из этих дней поздно вечером, когда Атаман был на заседании Правительства, его супруга Мария Петровна сказала мне, что она очень беспокоится за Алексея Максимовича, так как он сказал ей, что может наступить час, когда он должен будет принести себя в жертву».

М. П. Богаевский в своей речи на заседании Малого («Назаровского») Круга в феврале 1918 года говорил: «Я никогда не забуду, как унижался перед артиллеристами А. М. Каледин, прося их идти защищать Дон. Заслуженный генерал снимал перед ними фуражку... Умер он лютой смертью не потому, что боялся смерти. Его выстрел — предупредительный выстрел о гибели Дона и Казачества. Алексей Максимович уходил потому, что в нём поколебалась вера в Казачество и своего позора он не пережил...» (С этой последней мыслью М. П. Богаевского — о «позоре» — не могу согласиться: позор

был для тех, кто не поддержал Каледина и еще больший для тех, кто пошёл против него, а не для Каледина. **Н. М.**)

Генерал А. И. Деникин в своих «Очерках Русской Смуты» писал: «Русский патриот и Донской Атаман... В этом двойственном бытии — трагедия жизни Каледина и разгадка его самоубийства. Он мыслил и чувствовал, как русский патриот, жил в эти месяцы, работал и умер, как Донской Атаман».

(«Разгадка» не выдерживает критики: всей своей жизнью А. М. Каледин доказал, что можно быть и Донским Атаманом и Русским патриотом. На посту Донского Атамана он служил и Дону и России и ни одной минуты не мыслил себе Дона без России, как и Россию без Казачества, — и противоречия в этом у него не было и не могло быть. **Н. М.**)

В другом месте ген. Деникин пишет: «Когда пропала вера в свои силы и в разум Дона, когда Атаман почувствовал себя совершенно одиноким, он ушёл из жизни. Ждать исцеления Дона не было сил».

Профессор-историк П. Н. Милюков считал, что «моральная трагедия, приведшая к катастрофе этого сильного человека, была трагедией всей России».

Наряду с искренним стремлением серьёзных современников понять и объяснить жуткую трагедию, глубокие корни которой кроются в натуре этого большого человека, мы встречаемся с объяснениями легковесными, исходящими, главным образом, из тех эмигрантских кругов — противников исконного казачьего народоправства, для которых Каледин и мёртвый остаётся во многих отношениях живым укором. Они выставляют его человеком «потонувшем в коллективе», слабым и безвольным, связанным Войсковым Кругом и Войсковым Правительством. Будучи сами маленькими людьми, они и его считают человеком настолько маленьким, что и самое самоубийство склонны объяснить его обидчивостью: обиделся, видите ли, на то, что один из членов В. Правительства (некоторые называют даже его имя: С. Г. Елатонцев) сказал в последнем, предсмертном, заседании, что имя Каледина «одиозно»... О том, что всё

Войсковое Правительство и особенно Атаман и его Товарищ М. П. Богаевский одиозны в глазах большевиков и большевизанствующих фронтовиков, говорил прежде всего сам Атаман, а вместе с ним и другие, считая, что ввиду именно этой одиозности **все мы** должны отойти от власти, надеясь, что уход наш ослабит удар большевиков по населению.

Вот подлинные слова А. М. Каледина: «Чтобы смягчить участь жертв, всем нам надо уйти от власти», а в последнем своём приказе последним защитникам Дона Атаман сказал: «Я открываю фронт с единственной целью — не подвергать город всем ужасам гражданской войны». Чтобы понять душевное состояние А. М. Каледина в самый трагический момент его жизни, нужно вспомнить, хотя бы в самом основном, то, что пришлось ему пережить в последнее время и особенно в течение 1917 года...

Человек высокой культуры, бережно относившийся к судьбе и жизни своих воинов, Каледин возмущался и протестовал перед Главнокомандующим ген. Брусиловым, введшим бесчеловечный метод, получивший название «Стоход», когда людей вели, по выражению ген. Драгомирова, «не в бой, а на убой». Его, не переносившего напрасного пролития крови и душою страдавшего на фронте Мировой войны, злая судьба, вследствие отказа фронтовиков защищать родной Дон, заставила, после тяжёлой внутренней борьбы, с болью в сердце согласиться на разрешение юной учащейся молодёжи заменить старших... Другого выхода не было, а надежда на то, что в конце концов совесть у старших проснётся, пока еще теплилась... И с какой душевной болью Атаман каждый день с поникшей головою шёл за гробами юных самоотверженных героев, провожая их к месту последнего упокоения. И мы, его сотрудники, знали, что у нашего Атамана не раз возникал тяжёлый вопрос: не напрасны ли эти драгоценные жертвы? А они были драгоценны — Алексей Максимович прекрасно отдавал себе отчёт, какую тонкую плёнку на народной толще представляла собой интеллигенция... И вдвойне страдал... А что должен был перенести наш мученик на

фронте Великой войны, когда для него, лучшего героя Русской армии, которому Россия была в то время обязана самой большой победой, не нашлось места на фронте? Его, видевщего начало развала армии, предвидевшего полное её разложение и энергично и самоотверженно выступившего на борьбу со злом, Главнокомандующий Юго-Западным фронтом признал «не понявшим духа времени» и потребовал его увольнения. Требование Ставкой было исполнено. Попытки ген. Деникина, бывшего в то время Начальником Штаба Верховного Главнокомандующего, а также Главнокомандующего Румынским фронтом ген. Щербачёва, дать Каледину армию на других фронтах не увенчались успехом...

Всё перенёс... И в письме к жене написал: «Ты знаешь, какое обострённое положение было у меня, а теперь в моей скромной роли (члена Военного Совета. Н. М.) моё имя, сделавшее одно время Всероссийский шум (в связи с Луцким прорывом. Н. М.), очень скоро совершенно забудется. Я не буду в претензии... лишь бы был общий успех наших армий».

Сколько в этом скромности и, в то же время, благородства великого патриота!

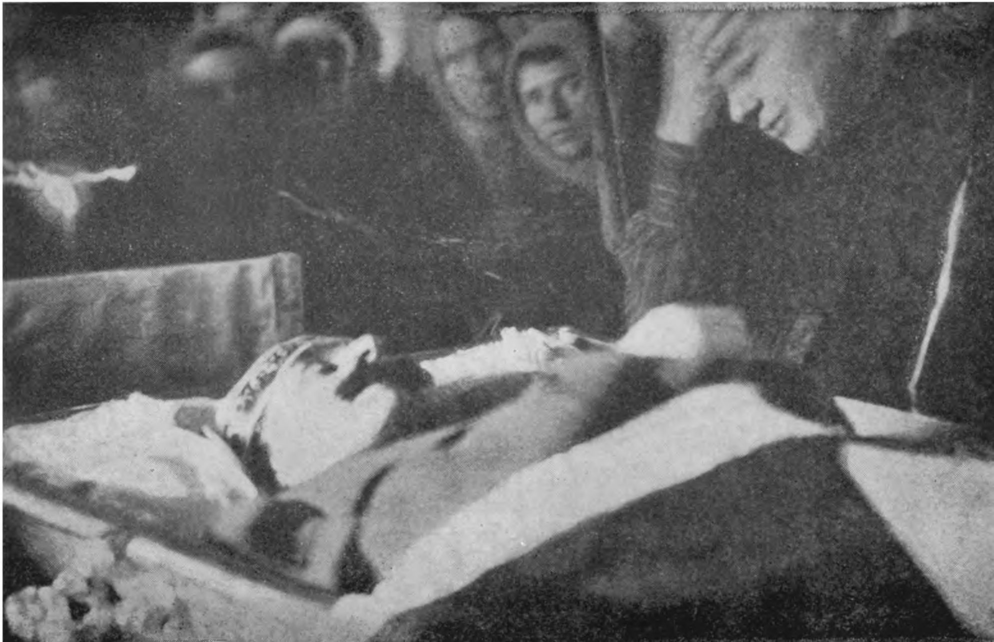
И в то же время — сколько тяжёлых переживаний...

Приезд на Дон... Настойчивые со всех сторон просьбы, упрашивания, мольбы взять на свои плечи тяжкий крест... «Я принял власть потому, что не считал себя вправе отказаться...» И снова жестокое разочарование — горшее, чем все прежние. Крушение всех надежд на спасение родного Дона и России...

И встал вопрос: «Зачем жить Атаману **таких** казаков?! Стоит ли?»

«Если не опомнятся — казачья песня спета». Не может быть, чтобы не опомнились... М. П. Богаевский уверен, что опомнятся, но это случится лишь тогда, когда «грабли, на которые наступил одураченный народ, больно ударят его по лбу». А они несомненно ударят, и ударят очень больно: уж слишком противоречат большевистские порядки всему казачьему быту...

И Алексей Максимович 15 января говорит делегации Каменского военно-революционного комитета: «Я вам

Январь 1918 г. Новочеркасск. Атаман Каледин в гробу. У гроба его вдова

говорю и предупреждаю: не ошибитесь! Порядки на Дону будут делать другие — не вы...»

Опомнятся... Но для этого нужно время, нужно, как говорил мне старый казак Садовского хутора Нижне-Чирской станицы Ремезков: «чтобы каждого большевик взял за ребро...» Ждать... А сил, после всего пережитого, прежних уже не было... Куда-то уходить, где-то, как преследуемому зверю, скрываться — не соответствовало характеру ген. Каледина и было противно его достоинству. Он сделал всё, что было возможно сделать в тех кошмарных условиях — и другого выхода он для себя не видел: уйти из жизни.

На случай, если казаки опомнятся, он старается сделать все, чтобы не углубить разлада между отдельными слоями казачества, чтобы устранить препятствия для будущего соглашения, отдаёт категорический приказ полковнику Чернецову и всем партизанам и отрядам ни в коем случае не вступать в бой с казаками, а перед самой смертью, заботясь о мирном населении, распускает все вооружённые силы: «Я открываю фронт — пишет он в последнем приказе — с единственной целью не подвергать город всем ужасам гражданской войны».

Резюмируя всё вышесказанное, полагаю, что выстрел Каледина был результатом зрело обдуманного решения, признанного им при создавшихся условиях единственно возможным для него выходом. За два месяца до своей смерти он предупредил свою супругу Марию Петровну, что «может настать час, когда он должен будет принести себя в жертву». В беседе с членом Круга М. Я. Карасёвым он два раза ставит вопрос; зачем жить Атаману **таких** казаков? Тяжко было разочарование Атамана не в одной только фронтовой молодёжи, не в одних рядовых казаках — позже прибавилось разочарование и в новочеркасском офицерстве. В то время, как на Сулинском фронте Донскую столицу защищали вместе с Донскими партизанами две офицерских роты Добровольческой Армии, в Новочеркасске, по свидетельству ген. С. В. Денисова в его «Записках», находилось около трёх тысяч генералов и офицеров...* Не пош-

* По другим данным — значительно больше. **Н. М.**

ли они с ген. П. Х. Поповым, не отозвались и на призывы ни полковника Чернецова, ни самого Атамана выступить на защиту Дона.

Каледин принёс себя в жертву в надежде, что враг в той или иной степени будет удовлетворён исчезновением одиозного для них вождя и с меньшей жестокостью обрушится на население.

С той же надеждой он открывает и фронт.

В то же время Атаман чувствовал, что для того, чтобы проснулась одурманенная казачья совесть, чтобы ярче осознали казаки страшную опасность, нависшую над самым существованием Казачества, необходим был шок, сильный толчок, способный встряхнуть и пробудить. И Каледин, хорошо знавший старых донцов — «дедов», не обманулся: не прошло и двух месяцев, как прокатившееся по всему Дону эхо выстрела, в связи с сильным ударом «граблей по лбу», предсказанным М. П. Богаевским и наглядно показавшим всю ценность Калединского завета: «Большевикам не верить», разбудило от дурмана станицы и хутора и вместе со стариками восстали и фронтовики.

Вот, что писал о самоубийстве А. М. Каледина один из доблестных соратников его по 12-ой кавалерийской дивизии, подписавшийся под статьёй именем Н. Белогорского:

«Для всех тех, кто Каледина в тот день не видел и не мог видеть, для всех офицеров и сражающихся мальчиков, кто его любил, эти подробности слились в сплошное траурное пятно, и ни одна из них не имеет значения. Важно лишь то, о чём все отдельные чёрточки свидетельствуют; важно то, что выстрел Атамана был обдуманным и крепко прочувствованным решением.

Но этих интимных дум и этих нажавших на пистолетную гашетку чувств не знает теперь — не знал и тогда — никто. Это осталось скрытым даже от того единственного человека, чья жизнь действительно была сращена с жизнью Атамана: человек этот — его жена, ныне

покойная, Мария Петровна Каледина, француженка, ставшая казачкой *.

О смысле и о причине решения можно только догадываться. Есть очень много людей, которые не могли понять самоубийства Каледина, и они, в сущности, порицали его, умея видеть в револьверном выстреле 29-го января (стар. стиля. **Н. М.**) только акт отчаяния, говоря, что Атаман мог уйти в степь, как сделали другие, и сохранить себя для дальнейшей борьбы.

Акт отчаяния?

Да, для отчаяния было много места. И уж, конечно, Каледин не был ни нежней, ни мягче любого из тех, кто ушёл в степи.

Так акт отчаяния... А вот еще житейски прозаичное для тех, кто, может быть, не знает: один из братьев Каледина, молодой артиллерист, застрелился когда-то давно, задолго до 1917 года.

Мне кажется, что Каледин был не только казачьим Атаманом, которому пришлось неудачно бороться против большевиков и не только номинально Главнокомандующим над русскими войсками на Дону. Он был гораздо больше, чем всякий другой Атаман, и много больше, чем Главнокомандующий.

Каледин являлся носителем верховной государственной власти, правда — только на небольшом Дону, но государственная идея, которую он воплощал, была того же порядка, что и идеи самых больших государств в мире, ибо она была родственна умученной государственной империи. Так закрутились узлы судеб, так переплелись и спутались понятия, что Дон оказался островком, на котором собрались последние остатки России, а в кустарных теориях о казачьем государстве теплились все, по тому времени, надежды на сохранение государства Российского. Поэтому и сущность власти Каледина глубочайшим образом разнилась от той антирусской сути, которая была в претензиях всех этих новообразо-

---

* Маленькая поправка: гражданка Швейцарии, уроженка одного из «французских» кантонов. **Н. М.**

ваний, что вспыли и лопнули, как пузыри в болотной мути нашего развала.

Дон же в то время заменял Россию. И потому на атаманском перначе Каледина догорали последние вечерние лучи той святости, которая сияла на императорском скипетре. Волею судьбы поставленный во главе своего народа и чуточку во главе России, Каледин как бы наследовал переставшим быть императорам и, имея лишь призрак власти и только иллюзию прав, нёс ту же огромную тяжесть долга перед страной. А он за всю свою военную жизнь привык видеть во всякой власти прежде всего долг и ощущал обязанность даже там, где была лишь тень права.

Я знаю, и после Каледина, после той ночи, которая вслед за его выстрелом опустилась на Дон, снова были Атаманы. Бессмысленно было бы сравнивать, в смысле сходства, Каледина с Корниловым и Алексеевым, или даже с Колчаком, хотя последний носил титул Верховного Правителя России. Все они боролись за восстановление государственности, Каледин же за её сохранение. Они — только служили идее, Каледин же, служа, её воплощал.

Корнилов и Алексеев в зиму с 1917 на 1918 год являлись лишь некоторой частью целого. Они прежде всего солдаты и вожди солдат. Поэтому, раз нельзя было победить под Ростовом и Новочеркасском, они не только могли, но и обязаны были идти на Кубань, в горы, в степи, куда угодно, — лишь бы там можно было победить. От этого ничто не менялось ни в их положении, ни в глубочайшем смысле начатой ими борьбы.

НО ДЛЯ КАЛЕДИНА УЙТИ ИЗ ДОНСКОГО НОВОЧЕРКАССКА ВСЛЕДСТВИЕ ТОГО, ЧТО ДОН ЕГО НЕ ПОДДЕРЖАЛ, ЗНАЧИЛО ПЕРЕСТАТЬ БЫТЬ ВОЖДЕМ ВСЕНАРОДНЫМ И СДЕЛАТЬСЯ ВОЖДЕМ КУЧКИ.

Гордость?

Пусть так: гордость героев...

И потому для него уйти в степи было — запрещённое. Теперь, когда пододвинулся конец, ему предстоя-

ло лишь выбирать между возможностью попасть в руки врагов — будущей участью Колчака — и свободной смертью.

Каледин избрал последнее — убил себя сам.

Отступил к Богу на небо — единственное отступление, при котором он не изменил ни самому себе, ни тем идеям, которые захотела воплотить в нём Судьба.

У его гроба, выставленного в нарядно-игрушечной церкви Атаманского дворца, перебывал весь Новочеркасск, и не приходили поклониться ушедшему Атаману лишь те, чью измену он испытал при жизни — казаки из полков...

Его хоронили 2-го февраля (по стар. стилю). В ночь перед погребением, в Войсковом соборе мне — единственному бывшему в ту пору в Новочеркасске офицеру любимой Калединым 12-ой кавалерийской дивизии — пришлось стоять часовым у гроба. В паре со мной — старенький полковник-донец.

Под лёгким покровом было видно очень спокойное лицо: он ушёл туда, куда хотел...

Цветущая гора венков... А рядом — другой простенький гроб с двумя бедными горшками бальзаминов в ногах и в изголовьи: гроб с телом убитого в последних боях юнкера, имени которого не помню даже я, стоявший там ночью. Один из тех гробов, которые за последнее время так часто провожал на кладбище Каледин.

Утром проводили и самого Атамана. Похоронили сейчас же возле кладбищенской церкви, под скромненьким крестом.

Позже, после того, как были прогнаны большевики, возникало предположение перенести тело в склеп Собора, но по разным причинам этого не сделали. И хорошо: Атаман Каледин должен был иметь могилу особую, которая бы говорила о его особой судьбе, не гармонирующей с условной торжественностью склепов.

А в 1919 году рядом с Атаманом, в той же ограде, легла его вдова; и над ними, над их общей могилой, из всех венков остался висеть тогда венок 12-ой кавалерийской дивизии — венок, траурная лента которого носит имена побед Каледина на Волыни и в Галиции».

***

У тех, кто близко стоял к А. М. Каледину и видел его настроение в двадцатых числах января, было достаточно оснований прийти к заключению, что Атаман кончит жизнь самоубийством, и они думали, как предотвратить несчастье.

Возник план увезти Атамана. Во избежание огласки, в подробности плана были посвящены очень немногие, причём переговоры с офицерами взял на себя М. П. Богаевский. Приехав в Новочеркасск 7 февраля, чтобы выступить на Малом, «Назаровском», Круге с отчётом о деятельности Калединского Правительства, Митрофан Петрович поздно вечером встретился на «конспиративной» квартире со старым депутатом Калединских Кругов Меф. Яков. Карасёвым, прекрасным оратором, другом, которого он всегда называл «дорогим дедом», и, рассказав ему подробности о самоубийстве Атамана, добавил: «Я, собственно говоря, не знаю, зачем я остался — мне нужно было умереть вместе с ним в один день, ведь всё равно я вскоре превращусь в крупную дичь, за которой станут охотиться, а поймав, будут издеваться и, в конце концов, пуля или верёвка закончит своё дело... Алексея Максимовича мы хотели было припрятать, назначены были верные офицеры и автомобили и самый день его похищения против его воли, так как согласия его на это ожидать было нельзя, но день выполнения плана был отложен, потому что Алексей Максимович, видимо, что-то заметил и стал с подозрением смотреть даже и на меня. Заметила, видимо, и Мария Петровна, и на неё особенно тягостно было смотреть, когда при ежедневной встрече на тебя устремляется взор женщины, полный страдания, мольбы, вопроса и недоверия... Чтобы успокить её, отложили отъезд на день, а я улучил минуту и сообщил ей наш план. Мария Петровна обрадовалась и с нами согласилась и стала торопить с выполнением плана. В ночь эту и было решено увезти Алексея Максимовича, но он, видимо, всё сообразил и, заподозрев в заговоре и Атаманшу и всех

нас, предупредил своим выстрелом... От судьбы, видимо, не уйдешь!»

Группа офицеров, которая должна была увезти Атамана, отправилась в этот день, назначенный для отъезда, в штаб Походного Атамана, чтобы поставить его в известность. Войдя в кабинет начальника штаба Походного Атамана, полковника В. И. Сидорина, возглавлявший группу полковник, плотный блондин, с широким энергичным лицом (к сожалению, фамилию его не помню) заявил: «Мы прибыли, г. полковник, с целью взять генерала Каледина, быть ему охраной и не дать ему возможность сделать что-нибудь над собой. Мы хотим знать ваше мнение». Полковник Сидорин ответил: «Это невозможно. С одной стороны, это, вероятно, уже поздно, а если и нет, то сам генерал Каледин на это не согласится — значит, пришлось бы прибегнуть к насилию или обману. Кто же из вас решится на это по отношению к нашему Атаману?» Наступило тягостное молчание, которое прервал полк. Сидорин: «Не будем решать здесь, пройдёмте вместе со мной к генералу Назарову — пусть сам Походный Атаман решит этот вопрос».

Внимательно выслушав сообщение офицеров об их намерении увезти Атамана, чтобы спасти его от врагов и от него самого, Походный Атаман задумался и затем сказал: «Нет, господа, это невозможно... У генерала Каледина осталось только одно — это его большое чистое незапятнанное имя, и этим именем может распорядиться только он сам, по собственному усмотрению, и никто не имеет права мешать ему в этом...»

Помолчав, А. М. Назаров добавил: «Если бы мы это даже и сделали, нужно помнить, что найдётся много мерзавцев, которые истолкуют это, как бегство, как заранее подготовленный ход уклониться. Нет, это невозможно...»

В этот момент поспешно входит офицер и докладывает Походному Атаману, что Атаман Каледин выстрелом из револьвера прекратил своё земное существование.

**
*

Закончу эту главу очерком С. Рытченкова — «Каледин» (Родимый Край» № 32).

В те дни далёкие
И жуткие как сон...

«Тихо опускалась ночь на взволнованную столицу Дона, — 29 января 1918 года.

Протяжно, по постовому гудел соборный колокол, созывая горожан помолиться о душе Атамана-мученика, брошенного всеми, никем не поддержанного, так неожиданно, так страшно покончившего с собой.

Бесконечные вереницы народа тянулись к собору. Траурные одежды, расстроенные лица, — ясно показывали, что то, что совершилось, — было ужасно.

Что за неожиданной смертью Атамана должно последовать что-то еще более ужасное для Дона.

В лице погибшего Атамана волнующийся от большевизма Дон — терял всё. Собор был переполнен молящимися...

Такое количество народу можно было видеть только под Св. Пасху.

Трудно было протиснуться вперёд.

Сверкали электрические паникадила, люстры... Масса духовенства, с двумя архиереями, в золотых облачениях, с полным хором войсковых певчих в голубых кунтушах, служили панихиду.

Торжественно, особенно молитвенно шла служба. Серебристые отголоски войскового хора терялись где-то высоко, в мрачной пустоте громадного купола. Горячо молились присутствующие, не одно заглушенное рыдание слышалось отовсюду; как от дуновения ветра всколыхнулась толпа и опустилась на колени при пении «Вечная память»...

Служба окончилась... Молчаливые, даже не перебрасываясь обычными фразами, выходили молящиеся из собора.

На площади было темно. Дул холодный ветер, срывался снежок с дождём... Хмуро, мрачно было небо...

**
*

Тело усопшего Атамана в первые дни после его смерти покоилось в небольшой нарядной церкви Атаманского дворца. И там усопший Атаман был окружён живыми цветами и слезами тех, кто искренно, горячо любил его. Там беспрерывно служили панихиды, и под грустные, печальные напевы кадильный дым мягкими клубами возносился вверх.

Как-то до жути казалось, что здесь, в гробу, лежит не Атаман Каледин, что здесь идёт панихида по ком-то другом, что Алексей Максимович где-то во дворце занят делами.

К вечеру 1-го февраля тело Атамана было торжественно перевезено в Войсковой собор. Бесконечные венки, цветы окружали металлический гроб Атамана. По обе стороны гроба стояли почётными часовыми два офицера с обнажёнными шашками, остриями опущенными вниз.

После панихиды огромные толпы народа покинули собор. Померкли люстры, как-то тихо стало в огромном соборе. Монотонно слышался старческий голос монахини, читавшей псалтырь...

**
*

Соборные часы пробили без четверти три часа ночи, когда я, вооружённый винтовкой, запорошенный снегом, подходил к собору, освещённому дуговыми электрическими фонарями. Через боковые полуоткрытые двери собора я вошёл внутрь.

Было тихо, таинственно жутко...

Горело несколько электрических паникадил. Около свечного ящика на скамьях спали церковные сторожа; сидело несколько офицеров, тихо разговаривавших между собой. А посредине стоял всё тот же гроб Атамана, да около него, на низких дубовых табуретах

стоял другой, простой деревянный гроб, оклеенный обоями. В нем покоился, умерший от ран в этот же трагический день, партизан-студент.

Я был назначен в почётные часовые к гробу Атамана от трёх до пяти часов ночи, и с подошедшим другим офицером мы сменили старых часовых.

Гулко раздались наши шаги по мраморным плитам собора, и потом опять всё стихло.

Я стоял у гроба Атамана и, глядя на его удивительно спокойное восковое лицо, думал о многом...

Я вспомнил, какими овациями Войскового Круга и публики было встречено согласие генерала Каледина принять пост Атамана. Я вспомнил его великолепную декларацию от имени всех казачьих Войск на Большом Московском Государственном Совещании. Его доклад Войсковому Кругу о «Калединском мятеже». Его высокую, немного сгорбленную фигуру, с непокрытой головой, с грустным, задумчивым лицом, следовавшую за гробом умершего от ран или убитого партизана. Шёл такой же одинокий, как и жил, — для счастья Дона. И каждого умершего партизана сопровождал Атаман на место вечного упокоения и особенно чтил их светлую память. Какие думы роились в голове Атамана при виде погибших юных героев, положивших жизнь свою за счастье Дона?..

И теперь рядом с ним покоится партизан-студент. Несколько скромных цветочков покоилось на груди юноши, с приколотой запиской: «Виктор».

Меня крайне удивило, что монахиня, поминая усопших, произносит имена Алексея и Владимира. И когда после смены я заметил это ей, то монахиня ответила: «И батюшка, что же тут такого, что я ошиблась. Лежат, родненькие, как отец с сыном... Он и при жизни был всегда с ними, с детьми, которые умирали за нас. Бог знает, что я ошиблась и не осудит меня за это». И по изнеможённому лицу монахини покатились слёзы.

Наступило бледное сырое утро 2-го февраля. К девяти часам утра собор был снова переполнен молящимися. Шла торжественная заупокойная обедня, а затем отпевание.

Похороны Атамана Каледина

Бесконечная вереница людей тянулась к гробу Атамана, воздать ему «последнее целование».

Вынос тела... Печально-торжественные звуки «Коль славен» и затем похоронного марша Шопена. Траурная колесница... и мягко покачиваясь на рессорах, тело усопшего Атамана медленно двигалось к месту вечного упокоения, куда при жизни своей он провожал десятки убитых одиноких партизан.

Шлёпая по грязи, перемешанной со снегом, кутаясь от сырого холодного ветра, молчаливо двигалась за гробом огромная толпа. Большая часть членов бывшего Донского Правительства после смерти Атамана сейчас же покинула Новочеркасск. За гробом Атамана из всего состава шло всего семь человек... Грустно перекликались колокола кладбищенской церкви...

Маленькая лития у зиявшей вырытой могилы и на верёвках, быстро, цепляясь о стенки могилы, спустился гроб Атамана в холодную жуткую могилу.

«...Со духи праведных скончавшихся душу усопшего раба Твоего упокой», скороговоркой пели уставшие, продрогшие голоса хора. Гулко ударяясь о крышку футляра-гроба, падали полузамёрзшие комья земли и скоро возник новый могильный холм около Кладбищенской церкви.

Так закончил свою жизнь боевой генерал, первый выборный Атаман Донского Войска -- Алексей Максимович Каледин.»

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЗЫВ КАЛЕДИНА

«Граждане казаки! Среди постигшей Дон разрухи, грозящей гибелью Казачеству, я, ваш Войсковой Атаман, обращаюсь к вам с призывом — может быть, последним.

Вам должно быть известно, что на Дон идут войска из красноармейцев, наёмных солдат, латышей и пленных немцев, направляемых правительством Ленина и Троцкого. Войска их подвигаются к Таганрогу, где подняли мятеж рабочие, руководимые большевиками. Такие же части противника угрожают станице Каменской и станциям Зверево и Лихой. Железная дорога от Глубокой до Чертково в руках большевиков.

Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и, в союзе с вторгшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами, сделали нападение на отряд полковника Чернецова, направленный против красногвардейцев, и часть его уничтожили, после чего большинство полков, участников этого гнусного и подлого дела, рассеялось по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество.

В Усть-Медведицком округе вернувшиеся с фронта полки, в союзе с бандой красноармейцев из Царицына, произвели полный разгром на линии железной дороги Царицын-Себряково, прекратив всякую возможность

снабжения хлебом и продовольствием Хопёрского и Усть-Медведицкого округов.

В слободе Михайловке, при станции Себряково, произвели избиение офицеров и администрации, причём погибло до 80 одних офицеров.

Развал строевых частей достиг последнего предела и, например, в некоторых полках Донецкого округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение. Большинство из остатков уцелевших полевых частей отказываются выполнять боевые приказы по защите Донского Края.

В таких обстоятельствах, до завершения начатого переформирования полков, с уменьшением их числа и оставлением на службе только четырёх младших возрастов, Войсковое Правительство, в силу необходимости, выполняя свой долг перед Родным Краем, принуждено было прибегнуть к формированию добровольческих казачьих частей и, кроме того, принять предложение и других частей нашей Области — главным образом учащейся молодёжи — для образования партизанских отрядов.

Усилиями этих последних частей и, главным образом, доблестной молодёжи, беззаветно отдающей свою жизнь в борьбе с анархией и бандами большевиков, и поддерживается в настоящее время защита Дона, а также порядок в городах и на железных дорогах части Области. Ростов прикрывается частями особой Добровольческой организации.

Поставленная себе Войсковым Правительством задача — довести управлеие Областью до созыва и работ ближайшего (4-го февраля) Войскового Круга и Съезда неказачьего населения — выполняется указанными силами, но их незначительное число и положение станет чрезвычайно опасным, если казаки не придут немедленно в составы добровольческих частей, формируемых Войсковым Правительством.

Время не ждёт, опасность близка, и если вам, казакам, дорога самостоятельность вашего управления и

устройства, если вы не желаете видеть Новочеркасск в руках пришлых банд большевиков и их казачьих приспешников — изменников долгу перед Доном — то спешите на поддержку Войсковому Правительству посылкой казаков добровольцев в отряды.

В этом призыве у меня нет личных целей, ибо для меня атаманство — тяжёлый долг. Я остаюсь на посту по глубокому убеждению необходимости сдать пост, при настоящих обстоятельствах, только перед Кругом.

28 января 1918 года

Войсковой Атаман
Каледин

Последнее приказание Атамана от 29 января 1918 г.

В 11 час. утра Начальник Штаба Походного Атамана полковник В. И. Сидорин выслушивает последнее приказание. Глаза Атамана опущены вниз, он, как всегда, спокоен, но содержание приказания указывает на близость рокового конца. Полк. Сидорин записывает:

«Части Добровольческой Армии сосредоточиваются в районе города Ростова, перед Донскими партизанами на Сулинском фронте встаёт роковая необходимость стрелять в своих же Донских казаков... Это недопустимо ни при каких условиях. Объявите моё приказание, что каждый партизан, каждый отдельный партизанский отряд может считать себя свободным и может поступать с собой по своему усмотрению. Кто из них хочет, может присоединиться к Добровольческой Армии, кто хочет, может перейти на положение обывателя и скрыться. Этим я открываю фронт с единственной целью: не подвергать город всем ужасам гражданской войны».

Глава 14-ая

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ОТЦА-АТАМАНА

Генерал Т. М. Стариков, последний командир 4-го Донского конного корпуса, писал о Каледине:

«В каждом народе в моменты высокого напряжения и духовного подъема выдвигались замечательные люди... Таких людей имело и Донское казачество: Ермак Тимофеевич, Степан Разин, Кондратий Булавин, граф Платов, историк Сухоруков и другие.

В современную эпоху Великой войны, необычайного напряжения страны, революционного порыва, Казачество выдвигает на первое место казака героя-полководца, казака гражданина-демократа — Алексея Максимовича Каледина.

Войско Донское своим коллективным разумом и чувством выдвигает на высокий пост Атамана человека с большими воинскими и гражданскими доблестями, самыми высокими устремлениями которого были: свобода, порядок, государственность.

А. М. Каледин явился тем фокусом, в котором сосредоточилось всё казачье миропонимание. Он наилучшим образом отразил переживаемую эпоху, моральную и культурную высоту казачества, его духовную сущность. Он — воин и гражданин, борец за свободу и порядок.

Что Казачество видело в Алексее Максимовиче идеал своих стремлений, доказывается всей последующей

борьбой его за истинную свободу, равноправие, народоправство, за казачью самобытность, за Казачество в целом, за русскую государственность — т. е. за то, к чему звал Атаман.

***

Казачество переживало зарю свободы. Лучи её брызнули по всей Донской земле и пробудили радость, вдохновение и подъём. Загорался новый день, нужно было строить и новую жизнь. Станицы и полки посылали своих депутатов на Первый Войсковой Круг, который стал центром-пульсом казачьей жизни и отразил все лучшие казачьи традиции, заветы старины, надежды и стремления. В нём собралось всё самое ценное, что было в Казачестве и что должно было создать новую жизнь на началах свободы.

В России в это время шёл идейный спор о сущности самой свободы, о том понятии, которое вкладывалось в это слово. Разные классы, партии, сословия понимали это слово по своему. Из-за различного понимания свободы там предстояла жестокая кровавая борьба.

Казакам не было нужно ни споров, ни борьбы. Понятие о свободе выросло и окрепло у них в течение прошлых веков. Идея свободы жила в них всегда, текла в их крови и передавалась из поколения в поколение до наших дней, и теперь нужно было только претворить её в жизнь, нужна была только практическая, а не идеологическая, работа. И она началась, закипела. Подводился прочный фундамент под новую жизнь.

В правом углу театра, где заседал Круг, в ложе возле самой сцены, сидел генерал с двумя георгиевскими крестами и спокойно, казалось бесстрастно, наблюдал эту работу. Он оставался спокойным и в моменты самых бурных заседаний Круга. Это и был Алексей Максимович. Первое появление его в ложе вызвало бурю аплодисментов. Круг, стоя, долго несмолкавшими рукоплесканиями приветствовал героя Луцкого прорыва. А когда, наконец, председатели окружных совещаний объявили ему от имени округов просьбу выставить свою

кандидатуру для баллотировки в Войсковые Атаманы, он спокойно выслушал и сказал так: «Я не искал этого избрания. Здесь я случайно. Я ехал на Кавказ. Моя остановка в Новочеркасске совпала с работами Войскового Круга, и я не мог побороть стремления узнать — чем живут в данный грозный час казаки. Целый месяц я наблюдаю вашу работу. От моего внимания не ускользнула ни одна мелочь. И я заявляю вам, что вы стали на правильный путь. Образ ваших мыслей, ваших действий и решений как нельзя больше соответствуют и духу времени и идеалам Казачества. Я вижу и понимаю, что работать с вами можно. Нам придётся пережить многое... Но я твёрдо смотрю в будущее. Ваша работа, ваше направление являются залогом успеха. Ваши идеалы — мои идеалы. Ваш путь — мой путь. И я смело пойду по нему. Я согласен баллотироваться на высокий пост Войскового Атамана!»

Гром аплодисментов покрыл слова Алексея Максимовича. А на другой день Круг вручил ему атаманский пернач и возложил на него тяжкий крест.

***

Время шло. Атаман Каледин завладел не только казачьей мыслью, но его имя становилось всё популярнее и популярнее и вне Казачества. Он стал опасен для тогдашних вождей революционной демократии. Его объявили изменником и стали готовить два военных округа, чтобы двинуть войска на Дон и уничтожить эту растущую опасность.

Но потом оказалось, что никакой измены не было, да и быть не могло, ибо Каледин был не только сыном Дона и Казачества, но и России.

Круг не выдал своего Атамана и не нашёл в его поступках даже тени намёка на какое-либо преступление. Приехавший для расследования мнимого преступления министр Временного Правительства Скобелев показался казакам по сравнению с Калединым — мелким ничтожеством. Алексей Максимович вырос во мнении казаков в огромную величину общероссийского государственно-

го масштаба. Вера в него стала беспредельной. Атаман превратился в светлую, честнейшую личность, в идеал, которому должны были следовать казаки, верные сыны Дона. Уважение к нему было безграничным.

Войсковой Круг с жадностью ловил каждое его слово, каждый намёк. Алексей Максимович становился кумиром. Такая любовь, почтение, уважение, вера в человека бывает разве в сто лет один раз. Тайна этого заключалась в том, что он воплощал в себе всё самое ценное, что было в Казачестве, лучшие традиции, лучшие казачьи идеалы.

Митрофан Петрович Богаевский, певец казачьей души и казачьей свободы, говорил: «Алексей Максимович — истинный демократ, искренний народоправец!» И это чувствовали казаки и преклонялись перед ним.

* * *

Но вот в России власть захвачена большевиками. Атаман становится для них уже смертельным врагом. Он должен быть уничтожен. Казачество должно быть сломлено! В России не было ни партии, ни класса, которые могли бы сопротивляться большевикам. Единственными грозными врагами были казаки... Можно было мириться с немцами, можно было пустить их в Россию до пределов Дона. Но — казаков, но Атамана Каледина нельзя было терпеть...

Большевики направляют все свои силы и средства на разложение Казачества, на уничтожение Каледина. Они ведут наступление на Дон. Ростов уже занят ими.

В третий раз собирается Круг. Атаман руководит операциями под Ростовом и берет его. Помню момент. Открывается ближайшая к президиуму дверь. Входит Алексей Максимович. Как один человек — Круг встаёт. Восторгу и рукоплесканиям не было конца. Проявленная Атаманом при взятии Ростова решимость, искусство и необыкновенная личная храбрость захватывает Круг. Казалось — овациям не будет конца...

Наконец, депутаты успокоились.

«Господа», сказал Атаман, «положение серьёзное.

Момент в высшей степени ответственный. Мы находимся на положении войны с советской властью. Нужно, чтобы я в этот ответственный час чувствовал под собой почву. Я хочу знать — приемлема ли для Казачества линия моего поведения?»

Новые рукоплескания покрыли слова Атамана. Круг был на его стороне. Теперь нужно было формально подвердить это.

Атаман и Товарищ Атамана Митрофан Петрович Богаевский подали в отставку. Произошло переизбрание, и они снова были избраны. Когда закончился подсчёт голосов, Алексей Максимович сказал своей жене, сидевшей в ложе: «Какое замечательное совпадение! Получил ровно столько голосов, сколько и при первом избрании».

Старики торжествовали. Многие плакали: дело в том, что при этом избрании присутствовало много фронтовиков, которые, как казалось, могли не пойти за Калединым. Но этого не случилось, и старики плакали от радости.

Когда мы пришли на ночлег в здание Духовной семинарии и, усевшись на кроватях, стали делиться мыслями о сегодняшнем дне, то один депутат сказал: «Господа, не радуйтесь уж очень. Вы знаете, насколько тяжело положение. Казачество раскалывается на две части — фронтовиков и стариков — и неизвестно еще, какая часть возьмёт верх. Неизвестно еще, победим ли мы большевиков и большевизм... Поэтому вы должны знать, какой страшной опасности мы подвергаем наших замечательных людей. Мне плакать хотелось, но не от радости, как плачете вы, а от отчаяния, ибо я знаю, что мы приносим их в жертву...» — «Да, но где же выход?» спрашивали старики. И в этом вопросе было столько горя, столько отчаяния, столько боязни за почитаемых и любимых Вождей.

* * *

Дела пошли всё хуже и хуже. Фронтовиков успели за это время распропагандировать, посеять недоверие к

Кругу и Атаману и расколоть Казачество искусственно на трудовое и нетрудовое, на фронтовиков и на стариков. В конце концов они отказались поддерживать Атамана. И Атаман остался один.

Когда у него оставалось всего лишь несколько десятков штыков для обороны столицы Дона, Новочеркасска, он решил, что казаки пошли за большевиками, изменили Казачеству, и оно перестало существовать. Погибло то, чему он служил. Погибло, добровольно отказавшись от своей самобытности, вековой истории, традиций, идеалов. Смысл жизни пропал. И Атаман пустил пулю в своё большое казачье сердце. Погиб великий сын Дона, краса и гордость казачьего имени...

Опомнились казаки... Большевики несли им рабство, нищету, растление. И они пошли по пути, указанному им Атаманом Калединым.

О, если бы у него был хоть один верный, сохранивший дисциплину, полк и он, по его собственному мнению, разгромил бы тогдашних, неорганизованных и трусливых большевиков, способных только на грабёж и на борьбу с невооружёнными людьми. Только один полк! Может быть, совсем иначе сложилась бы жизнь на Тихом Дону! Тяжкий грех приняло на себя Донское казачество. Море крови, мук и страданий потребовалось для того, чтобы искупить свою вину, свою ошибку, чтобы доказать, что они — казаки, что идеалы их остались теми же, какими представлял их себе Атаман-Мученик.

Атаман умер, но память о нём не умрет до тех пор, пока жить будет хоть один казак».

ЧАСТЬ III

СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ АТАМАНУ КАЛЕДИНУ

Трагическая судьба Атамана Каледина, да и сам его образ, не могли не вдохновить поэтического творчества. Много зарубежных поэтов, казаков и неказаков, посвятили свои произведения покойному Атаману. Их можно было бы издать целую книгу.

Говорить и писать там, за железным занавесом, ещё, конечно, нельзя. Даже научные исторические труды о 1-ой Мировой войне избегают упоминать имя командующего 8-ой Армией и героя Луцкого прорыва. Но память о нём жива и там: в Новочеркасске, от могилы Атамана ничего не осталось, но место, где он был похоронен, обрамлено четырьмя тополями, и местное население знает и говорит о том, что здесь похоронен Каледин.

ОНИ СОЙДУТСЯ...

Они сойдутся в первый раз
На обетованной долине,
Когда трубы звенящий глас
В раю повторит крик павлиный,
    Зовя всех мертвых и живых
    На суд у Божьего Престола,
    И станут парой часовых
    У врат Егорий и Никола;
И сам архангел Михаил,
Спустившись в степь, в лесные чащи,
Разрубит плен донских могил,
Подняв высоко меч горящий.
    — И Ермака увидит Бог
    Разрез очей упрямо смелый,
    Носки загнутые сапог,
    Шишак и панцырь заржавелый;
В тоске несбывшихся надежд,
От страшной казни безобразен,
Пройдет с своей ватагой Разин,
Не опустив пред Богом вежд.
    Булавин промелькнет Кондратий;
    Открыв кровавые рубцы,
    За ним, заплата на заплате, —
    Пройдут зипунные бойцы,
Кто Русь стерег во тьме столетий,
Пока не грянула пора
И низко их склонились дети
К ботфортам грозного Петра.

В походном синем чекмене
Как будто только из похода,
Проедет Платов на коне
С полками памятного года;
За ним, средь кликов боевых,
Взметая пыль дороги райской,
Проскачут с множеством других
Бакланов, Греков, Иловайский,
— Все те, кто славу казака,
Сплетя со славою имперской,
Донского гнали маштака
В отваге пламенной и дерзкой
Туда, где в грохоте войны
Мужала юная Россия, —
Степей наездники лихие,
Отцов достойные сыны;
Но вот дыханье страшных лет
Повеет в светлых рощах рая,
И Каледин, в руках сжимая
Пробивший сердце пистолет,
Пройдет средь крови и отрепий
Донских последних казаков.
И скажет Бог:
— «Я создал степи
Не для того, чтоб видеть кровь».
— «Был тяжкий крест им в жизни дан»,
Заступник вымолвит Никола:
«Всегда просил казачий стан
Меня молиться у Престола».
— «Они сыны моей земли»,
Воскликнет пламенный Егорий:
«Моих волков они блюли,
«Мне поверяли свое горе».
И Бог, в любви изнемогая,
Ладонью скроет влагу вежд
И будет ветер гнуть, играя,
Тяжелый шелк Его одежд.

Н. Туроверов.

АТАМАН КАЛЕДИН

В те дни тяжёлые за честь родного Края
Шли умирать за Дон не грозные полки,
А горсти юношей. Но жертва их святая
Была не понята — молчали казаки.

Я вижу, как теперь: вот в сумраке собора
Стоят ряды гробов погибших партизан,
А среди них один, один, в те дни позора,
Смиренно молится Страдалец — Атаман.

И тихо было всё. Лишь кроткое сиянье
Лампадка робкая бросала в этот мрак.
Он был готов на муки и страданья...
Молчали казаки. И шёл победно враг.

Герой не пережил паденья нашей славы,
И весь позор потомков Ермака,
Продавших Край родной за песни лжи кровавой,
И у него не дрогнула рука.

Погибли лучшие, избраннейшие Края
В те дни кошмарные от братской же руки,
И поняли тогда, под «их» ярмом страдая,
Своё падение донские казаки.

И вспомнили они тот грозный зов набата,
Раздавшийся в те дни, тот выстрел роковой,
Каледина унёсший без возврата,
И встал пред ними он — усопший, как живой.

Восстал родимый Дон и смыл своею кровью
Вину позорную и тяжкую свою
И жертвы страшные принёс, горя любовью,
В борьбе за Край родной в неравном том бою.

И шли на Тихий Дон бесчисленные силы,
И бились против них геройски казаки.
В степях раскинулись безвестные могилы —
Они зовут к борьбе, горят как маяки.

Мы верим всей душой: взойдёт посев кровавый,
Восстанут, как тогда, Казачества сыны,
И разгорится вновь заря казачьей славы
И в прах рассыпятся кумиры сатаны.

Мы помним чистый лик Страдальца-Атамана,
Мы помним имена героев тех святых,
Отдавших жизнь свою за Родину святую
В родных степях, их кровью политых.

Б. П. Богаевский

НА СМЕРТЬ КАЛЕДИНА

Уходил в небесные скиты
Из царства неправды один —
Без войск, без победы, без свиты —
Войсковой Атаман Каледин.

Вокруг гроба плакали свечи,
Недвижим лежал Атаман...
Не нужны прощальные речи,
В них бы был затаённый обман.

Порошилася снегом дорога,
Дети шли в бою умирать.
Над городом билась тревога
И рыдала, не знаю чья, мать...

На Дону распяли свободу
И спас Атаман только честь —
Ушёл к Чернецовскому взводу,
Чтоб жалобу Богу принесть.

И в волнах церковного звона
Вошёл Атаману вослед
К подножию Божьего трона
Весь венок Галицийских побед.

Н. Шинкаренко
(В литературе **Н. Белогорский**)

АТАМАН — ПЕЧАЛЬ

О чём ты думал, Атаман?
О ком твоя душа болела,
Когда с степей сошёл туман
И ночь в глаза твои глядела?..

Был тяжек, безысходен час
Последнего с собой разлада,
И ты решил за Дон и нас...
И ты поверил — так вот надо:

Нажать курок, порвав с землей,
Окончить жизнь на благо внуков...
И вот теперь, как часовой,
Стоит в сердцах с тобой разлука.

С тех пор прошло немало лет,
Но ты, как совесть, перед нами;
И не один донской поэт
Тобой болеть не перестанет.

О, Атаман... Забудь наш грех,
И малодушье, и измену...
Мы твёрдо помним красный смех,
Мы для тебя готовим смену.

О, Атаман-Печаль, прости!
Я знаю — тяжек час разлуки —
Тебя достойные расти
В Земле Донской начали внуки.

Н. Кузнецов

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ

В старом соборе — гулкие плиты,
Звонок случайный отзвук шагов....
Двадцать семь стоит открытых
В старом соборе простых гробов...

Дряхлый священник поёт глуховато,
Косится на вздутые раны...
В гробах опочили Донские орлята —
Чернецовцы... Партизаны...

В дальних углах колышутся тени...
У гробов нет родных... Лишь один
Преклонил перед ними колени
Донской Атаман — Каледин...

Ветер холодный над городом свищет,
Ветер степною тоской обуян....
Строем везут двадцать семь на кладбище...
Скорбный за ними идёт Атаман.

М. Н. Залесский

ХМУРЫЙ ВИТЯЗЬ

По ком тоскует колокол большой?
Кто там в гробу под сводами собора,
Что прожил жизнь без страха, без укора —
Тот хмурый витязь с белою душой?

Ступайте тихо, берегите сон.
Пусть витязь дремлет, он ведь так устал!
Сна не тревожь его, проспавший Дон —
Не ты ли сам на клич его не встал?!..

Но верю я, что вот пройдут года,
И ты, наш Дон, свои поднимешь веки,
Расправишь плечи, и с тобой тогда
Поднимутся заспавшиеся реки.

Благословит тебя Россия-Мать,
И ты пойдёшь с мечом, а над тобой
В высоких будет облаках витать
Твой Хмурый Витязь с белою душой.

Н. Воробьёв

ПАМЯТИ АТАМАНА-СТРАДАЛЬЦА

Спустилась тёмная степная ночь на Дон. Жестокий и коварный враг ступил ногой
На степь широкую, притихшую в печали.
Немногие бойцы вели последний бой.
... В Сóборе Войсковом стоят гробов ряды — за честь и за свободу вольного их Края,
Шепча: «За Дон!», бесстрашно умирая, легли в них партизаны и деды.
Над ними наклонясь, стоял один — сам Атаман-Страдалец Каледин,
Молясь без слов у мёртвого святого тела, и на глазах его слеза блестела.
Не могут свечи разогнать церковный полумрак. И, кажется, покинув свой гранит, Ермак,
Смотря на мёртвых долгим-долгим взглядом, стал тенью с Атаманом рядом.
Там где-то пушек близкая гроза, а здесь покой, и светлый и жестокий.
И капнула на труп нависшая слеза, и думал Атаман, покинутый и одинокий:
«Долг свой исполнил до конца. И жаль тебя, Отчизна близкая и дорогая,
Тебя, которая, детей на гибель посылая, покорно ждёт тернового венца.
Свободы трудно хмель стряхнуть с казачьей головы. Забыли, видно, как их предки добывали
Себе свободу у Петра и Матушки-Москвы, как головы казачьи за свободу клали...

Надвинулась свободная Россия без оков, что триста лет висели и бряцали.
Идёт принудить вольных казаков отдать меня, себя и Дон на милость ей. Едва ли
Тем казакам, что сладко дремлют в куренях, грядущие несчастья сны веселые навеют.
О, вспомнят о былых и невозвратных днях! Вздохнут, покорно голову согнув, и горько пожалеют,
Когда на спины их опустится своя же плеть. Здесь — казаки, а те — пусть Родина их судит,
А я хочу для счастья Дона умереть. Быть может, смерть моя их наконец пробудит.»
Казалося, что после этих слов зареяли тенями легкими герои-Атаманы,
Что сгладились морщины меж бровей дедов и улыбнулись светлою улыбкой партизаны.
«Мне было тяжко вас на смерть пускать. Своею кровью вы алтарь Отчизны окропили.
Быть может, проклянет меня от горя чья-то мать, но чашу скорби вместе мы допили.
Дай, Господи, покой и счастье Родине моей! И меньше ей тревог и злой печали,
И пробуди уснувших сыновей, чтоб, как один, в защиту Дона встали
И не срамили имя славное Донского казака». Вот крест творит усталая рука,
И слышен до рассвета вздох глубокий — всё молится в последний раз страдалец одинокий.
Как крепом даль завил предутренний туман в печали и ненастьи близкого рассвета.
Идет к дворцу задумчив Атаман. И знает: песня до конца уже допета.

**
*

В гробу страдалец непробудно спал,
Когда спустилась ночь на Дон степная.
Последний вдалеке шумел девятый вал.
Выл ветер за окном, горюя и стеная.

М.

КАЛЕДИН

Я помню зимний день тоскливый,
Седые тучи над землей.
Сжималось сердце сиротливо —
Что ожидает Край родной?

Вокруг разруха и бессилье.
Сражались дети за отцов...
Лишались будто крепких крыльев
И честь и совесть казаков.

Раздался выстрел. Рыцарь долга
Казачью совесть всколыхнул.
Бесстрашной смертью он надолго
Казачью честь в сердца вернул.

И поднялись без страха разом
И малолеток и старик,
И счастлив был бессмертный Разин
За волю слышать крик и гик.

Был Дон очищен казаками,
И красный Кремль в тоске дрожал,
И Каледин был наше знамя —
За счастье Родины он звал.

Судьба решила всё иначе,
Погибло много казаков,
Но калединский дух казачий
Пройдёт чрез тернии веков.

Казачий дух пусть оказачит
Россию — родину в слезах...
Да будет так, а не иначе —
Довольно жить ей в лагерях.

Николай Евсеев

ДВОРЦОВЫЙ ВЫСТРЕЛ

Осиротел казачий стан
В столице вольности донской:
Ушел из жизни **Атаман**,
Как жертва слепоты людской.

Былинный словно исполин,
Привыкший меряться с бедой,
Погиб великий **Каледин**,
Боряся с красною звездой.

Раздался выстрел роковой
В палатах царственных свобод,
Чтоб пробудить к борьбе святой
Лжецом обманутый народ.

Чтоб веру, вольность уберечь,
Заветы правды вековой,
Призвал нас вынуть острый меч
Дворцовый выстрел громовой.

Бессмертный дух богатырей
Проснулся в честных казаках,
И от Хопра до вод морей
Восстал народ с мечом в руках...

Вздымились волны на Дону
Могучей грозною грядой,
И, потрясая всю страну,
Начался долгий страшный бой...

Бой не окончен и теперь,
Неравный тяжкий с злобой бой;
Сражен в нем будет бездны зверь!
С проклятьем рухнет красный строй!

И... царством мудрой красоты,
Эпохи тяжкой великан,
Прославлен будешь громко ты,
Наш славный вождь, наш Атаман!

Юшкин Котлубанский

ПАМЯТИ АТАМАНА КАЛЕДИНА

(Из цикла «Богатыри и Витязи Земли Русской»)

*

Когда над Родиной сплетались
Измена, трусость и обман, —
Твои слова в Москве раздались,
Родной наш Белый Атаман.

*

Чтоб уберечь Русь от паденья,
Не допустить её развал, —
Живые силы к единенью
На подвиг жертвенный Ты звал.

*

Ты смертью разбудил Дон Вольный,
«Исполнив долг свой до конца».
Твой выстрел был не самовольный,
А по велению Творца.

*

Ты был одним из самых славных
Сынов России скорбных лет.
По благородству нет вам равных,
По доблести вам равных нет.

*

Порыв ваш долга, крепче стали,
Был изумительный пример! —
За вами шли и умирали
И гимназист и офицер.

*

Ты был из самых честных, смелых,
Прославивших наш темный век.
В скрижалях правды к слову Белый
Припишется: Сверхчеловек.

Вячеслав Б.

ПАМЯТНИК

Яркий свет. Звон колокольный. На душе восторг невольный —
Праздник праздников престольных озаряет Даль,
И ликует Дон свободный, что теперь у них народный
Атаман Донской природный... Атаман-печаль.

Дни бегут, и злой кудесник, предсказатель и предвестник,
Мчится жуткий буревестник — никого не жаль...
С грустью тихой в сердце нежном, перед страшным неизбежным
Он прощает всем мятежным, — Атаман-печаль...

В вражьем стане ликованье... У пилатов — умыванье,
А за братским целованьем — и свинец и сталь...
Ладан. Пенье. Погребенье. Без проклятья, без презренья,
Он ушёл, как Искупленье, — Атаман-печаль...

Снова свет. Свет обновленья. В свете гаснут все сомненья,
И зарёю Воскресенья озарилась Даль...
Дни... Года... Звучат преданья... И как символ покаянья
Вырастает изваянье — Памятник-печаль.

Михаил Борисов

КАЛЕДИН

Проверив последние силы,
Себя ты увидел бескрылым
Средь горсти своих казаков...
А чёрные птицы кружили
Над кровью родимой страны...
Какие ужасные были,
Какие кошмарные сны!

. . . .

Ты, зная свой путь обреченный,
Давно себя в жертву принёс:
И в Крае, безумьем сражённом,
Пернач свой тяжёлый понёс.
Всегда молчаливый и скорбный,
Пред чернью бушующей гордый,
Ты видел грядущую даль:
Недаром нас всех поражала,
До боли в душе потрясала,
В глазах твоих чистых печаль!

Доран

КЛЯТВА

Есть на кладбище Дона могила,
По ночам она светом горит,
То с Казачеством тайною силой
Атаман Каледин говорит.
Он лежит под крестом погребённый,
Но не спится душе удалой;
По степям она ночью гуляет
И зовёт на решительный бой.
Сердце Дона залитое кровью,
Стоны вольных окраин донских
Не дают Атаману покоя,
Он душой изнывает за них.
Гэй, донские орлы боевые!
Поклянитесь мне в ваших сердцах,
Что вернём мы степи родные,
Успокойте мой прах!
Поклянитесь вы мне, Атаману,
Что не даром я жизнь загубил,
Что воротим иль рано, иль поздно
Наших предков покой у могил.
Поклянитесь, что игом позора
Не позволим мы Дон запятнать,
Что казачьего гордого взора
Не придётся к земле опускать.

В день его одинокой кончины,
Крестным знаменем грудь осеня
И молитвой великой помины,
Помолись, вся Донская земля!
Да простит ему Бог-Вседержитель
Самовольный греховный конец —
Да введёт во святую обитель
И наденет терновый венец!
Спи спокойно, наш мученик славный!
Пусть легка тебе будет земля!
Не забудет народ православный
Помянуть на молитве тебя.
Мы не склоним Донские знамена,
Мы ворвёмся во вражеский стан,
Мы воротим все степи Донские.
Спи спокойно, Донской Атаман!

П. С. Ветров, ст. Усть-Медведицкой

СТИХОТВОРЕНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ А. М. КАЛЕДИНУ, ПО СЛУЧАЮ ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНЫ ЕГО СМЕРТИ, ОФИЦЕРОМ АХТЫРСКОГО ГУСАРСКОГО ПОЛКА ЕРОФЕЕВЫМ, ДОНСКИМ КАЗАКОМ, УБИТЫМ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГЕ РОССИИ.

Перед могилою святой,
Где год уже Донской герой
Спит сном могильным,
Сегодня — день святых молитв,
И заменён дым прежних битв
Дымком кадильным...

И полночь лишь часы пробьют,
Легенду-сказку мысли вьют
Об Атамане:
Как бы он прежде смел и бодр,
Летит любимый Вождь на смотр
В ночном тумане.

И перед ним в немых рядах
Застыли, павшие в боях,
Кто с ним служили,
Кто жизнь свою все, как один,
Как научил их Каледин,
За Русь сложили.

Из них ведь каждый умирал
И знал, что вёл их генерал
Стезёй победы,
Что близок славы луч ему,
Что помнил Вождь их то, чему
Учили деды...

Но вот, ушами поводя,
Остановился конь вождя
И нервно дышет...
И Вождь команд родную речь
И полковых знакомых «встреч»
Напевы слышит.

То сбором леня мундштуки,
Родной дивизии полки
Покрыты славой,
Сверкая бранною красой
И пик стальною полосой,
Застыли лавой.

Стародубовцев синий строй —
Быть впереди им не впервой
Так все походы...
Вот Белгородцев жёлтый стан,
Застыв, стоят немых улан
Лихие взводы...

А там, за кивером улан,
Мелькнул вишнёвый доломан —
Строй богатырский.
И в нём в гусарских киверах,
С семьёй Панаевых в рядах,
То полк Ахтырский.

На левом фланге трёх полков
Строй Оренбургских казаков...
Колонна ждала —

Все, чьих штандартов седина
В дыму атак Каледина
Сопровождала.

Ответы дружные гремят,
Глаза бойцов огнём горят...
Но вот — светает —
И нет Вождя, и сказки нет...
Но шторм совсем недавних лет
Всё не стихает...

Ерофеев

ПИСЬМО К ДРУГУ

Каждый год казаки отмечают церковной службой «День Казачьей Скорби», приуроченный обычно к ближайшему воскресению дня смерти Атамана Каледина. Так было у нас в Париже в этом году.

Перед началом панихиды войсковая старшина переносит образа Покрова Пресвятой Богородицы и Донской Божьей Матери на тяжелых дубовых подставах из правого притвора собора на середину. Казачки украшают их цветами.

Вот началась служба.

Отличный хор Парижского собора поет: «Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды». Лик Богородицы заволакивается кадильным дымом.

Вероятно, такая же икона в 1641 году во время «Азовского сидения» заволакивалась дымом пожарищ, и «беглый» греческий поп тоже пел: «не имам мы иныя помощи, не имам мы другие надежды». Сколько молитв к ней было обращено от Атамана до последнего из «голытьбы»!.. А сколько материнских слез пролито! И не оставила там, в Азове, Богородица казаков, видела их веру, услышала их молитвы.

В 1813 г. перед битвой под Лейпцигом атаман Платов молился перед таким же образом. Лихой был Атаман, никого не боялся, а образ Божьей Матери чтил, а Богородицу наверно и побаивался.

За полтора века казаки, а с ними вероятно и образа Донской Богоматери, второй раз в Париже. В 1813 г. конечно, было не так... Бунчуки... Литавры... Слава!.. Второй раз в Париже икона Богородицы попала беженкой.

«Вечная память... — могуче басит протодиакон — Атаманам Алексею, Петру, Африкану...» Стою на коленях... перед глазами проходят атаманы, доблесть и верность казачья...

Не покидала Пречистая казаков. И теперь не покинет их Она... Верю в это. Многие еще может быть сложат свои головы в «заграничном сидении», но вернется слава казачья и сыны Дона донесут свой образ Богоматери, созданной в зарубежьи, до Родной Земли...

Я не казак, но чувствую какую то кровную, родную связь с ними, особенно с донцами. Может быть, это потому, что поход свой мы сделали из Ясс на Дон, и Дон стал колыбелью борьбы с большевиками и Добровольчества. Может быть, потому, что кровью своей мы тоже полили донские степи. А может быть потому, что, несмотря иногда на внешние разногласия, они дружнее нас между собой и крепче в изгнании... Не знаю.

Но вот это твердо помню. Конец октября 1917 года. Я после ранения, правдами и неправдами, больше конечно неправдами, пробираюсь из столицы в полк в Румынию. Какой то полустанок Подольской губернии. Товарный поезд, на тормазной площадке которого я приспособился, стоит долго. Рядом стоит эшелон. Стоит тоже долго. Проходят какие то фигуры, в шинелях, без поясов, многие без погон. «Донцы домой уходят»... «Чаво домой. На Москву их гонют..,»

В конце эшелона запиликала гармошка «яблочко». Молодой веселый голос подхватил:

«Афицерик молодой,
Куда торопишься,
На «Алмаз» попадешь,
Не воротишься...»

Хорошенькое дело, думаю. Вдруг через минуту раздалось совсем тихо:

«Не за Троцкаго,
Не за Ленина,
За донского казака,
За Каледина...»

Так на всю жизнь это в голову мне и врезалось. И не то, чтобы стало моим девизом, но синонимом того, где белое, где черное. Где правда и где ложь.

И часто, когда нужно было принять ответственное решение или когда «гайка начинала откручиваться», или когда по слабости человеческой боялся смалодушничать, я сам себе напевал: «Не за Троцкого, не за Ленина, за Донского казака, за Каледина». Все сразу становилось на свое место.

Прости, дорогой, я отнимаю у тебя время, но хочется кому то душу свою открыть и так мало вокруг людей, твердо помнящих, что Родина жива и надо для нее что то делать. Все как то уходят в зарабатывание копеек, их все больше и больше надо, жить всем хочется всё лучше и лучше. А копейки ведь на тот свет не унесешь. Как то забывают, что жить то осталось три, пять, ну может быть 10 лет.

Н. П. Чижов
(Первопоходник-Дроздовец)

ПРИЛОЖЕНИЯ

PRO DOMO SUO *

Считаю необходимым — особенно для читателя-неказака и для тех, кто вообще меня не знает — рассказать вкратце, где, когда и при каких обстоятельствах я имел возможность встречаться с Алексеем Максимовичем Калединым и хорошо его узнать, а также и о том, как он сам относился ко мне.

Судьба дала мне счастье стать одним из самых близких сотрудников этого большого человека в последний период его жизни, когда ему, одному из самых талантливых полководцев, не нашлось места в Русской армии.

⁂

Не считавший возможным, пока его присутствие и работа на фронте были нужны Родине, заняться серьёзным лечением последствий своего тяжёлого ранения, полученного в рядах наступающих войск, Каледин, оказавшись не у дел, едет лечиться на Кавказ. Попутно он останавливается в Новочеркасске на короткое время. С Новочеркасском его связывало столько воспоминаний с того времени, когда он был тут Помощником Начальника Войскового Штаба и затем Начальником юнкерского училища.

В это время в Новочеркасске открылась сессия Донского Войскового Круга, созванного, впервые после бо-

---

* О самом себе.

лее чем двухсотлетнего перерыва, Исполнительным Комитетом, оставленным в Новочеркасске в апреле Первым Донским Казачьим Съездом со специальной целью созыва Круга по выработанным Съездом правилам.

А. М. Каледин, Донской казак, видевший развал фронта, не мог не заинтересоваться настроением населения и его представителей на Дону, их думами и надеждами — стал посещать заседания Круга.

Будучи Товарищем Председателя Круга, я в то же время был, по избранию Круга, Председателем Комиссии по выработке нового «Положения по Управлению» — революция, опрокинув старые «Положения» и возродив упразднённый Петром Первым парламент-Круг, — естественно вызывала необходимость в переустройстве органов власти и в Новочеркасске и в округах.

Круг, признав особую срочность этого вопроса, поставил его на повестку первой очереди, и мне, в качестве председателя и докладчика комиссии, пришлось в течение нескольких дней не покидать трибуны, защищая выработанный комиссией проект. И каждый день, справа от трибуны, в ближайшей ложе для почётных гостей, я видел генерала, украшенного двумя Георгиевскими крестами, внимательно прислушивавшегося к горячим прениям по вопросу, живо интересовавшему депутатов. В перерыве одного из заседаний Председатель Круга М. П. Богаевский предложил мне пройти вместе с ним в ложу и представил меня генералу А. М. Каледину.

С этого — на почве чисто деловой — началось моё знакомство с будущим Войсковым Атаманом. И в дальнейшем, после избрания Каледина Атаманом, а М. П. Богаевского его Товарищем, когда я был выбран Председателем Малого Войскового Круга, а затем, в сентябре 1917 г., Председателем Большого Круга, наши взаимоотношения с Алексеем Максимовичем долгое время, до трагических дней декабря и января, не выходили из рамок деловых, официальных. Поэтому в своих воспоминаниях я не могу поделиться тем, о чем мог бы — если бы не оборвалась преждевременно и так жестоко его жизнь — рассказать нам Митрофан Петрович Богаевский, бывший интимно близким к Алексею Максимо-

вичу. Давая после смерти Атамана на заседании 7 февраля 1918 г. Малого — «Назаровского» — Круга отчёт о деятельности Калединского Правительства, М. П. Богаевский сказал: «С Алексеем Максимовичем мы виделись ежедневно, иногда даже по несколько раз в день — то я поднимусь к нему наверх (М. П. Б. жил в нижнем этаже Атаманского дворца. Н. М.), то он сойдёт ко мне вниз. В немногие свбодные минуты мы толковали с ним о том, что делать... Тяжело мне говорить о нём... Любил я Алексея Максимовича, как отца родного...»

Знаю, что и Атаман, узнав в процессе совместной работы своего Помощника ближе, относился к нему, как к родному сыну — отделить их нельзя.

МОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БЫЛО ИНОЕ. Его правильно определил талантливый Донской журналист Вениамин Алексеевич Краснушкин, писавший под псевдонимом «Виктор Севский»: «Николай Михайлович Мельников», написал он под моей фотографией в № 3 «Донской Волны» от 24 июня 1918 года, «хронический председатель заседаний Войскового Правительства». После того, как по соглашению с Донским Крестьянским Съездом в декабре 1917 года было создано паритетное **Объединённое** Донское Правительство и М. П. Богаевский стал его председателем, ему пришлось посвятить себя решению дел общего краевого характера, касавшихся и неказачьего населения. С согласия и по указанию — как говорил М. П. Б. — А. М. Каледина, он выдвинул мою кандидатуру на пост Заместителя Председателя **Войскового** Правительства — ведать делами чисто казачьими, **Войсковыми.**

О том, что Атаман относился ко мне с полным доверием, свидетельствует и такой факт: когда после избрания Каледина Войсковым Атаманом, Круг, в заседаниях Окружных Совещаний, в мае месяце приступил к предварительному обсуждению кандидатур на пост Товарища Войскового Атамана, депутатами были выдвинуты два кандидата: М. П. Богаевский и пишущий эти строки. За М. П. Богаевского высказались Черкасский округ (заседавший всегда совместно с небольшими округами Таганрогским, где была лишь одна станица, и Ростов-

ским), Донецкий, Сальский и Первый Донской. За Мельникова — весь Второй Донской и значительное число депутатов Усть-Медведицкого и Хопёрского округов. Несмотря на мои заявления в этих совещаниях, что М. П. Богаевский, лучше меня знающий историю Дона и обладающий другими ценными качествами, необходимыми для переживаемого революционного момента, будет на посту Помощника Атамана более на месте, чем я, Второй Донской Округ, а затем и северяне, еще не знавшие тогда хорошо М. П. Богаевского, продолжали настаивать на баллотировке обоих кандидатов. Ввиду создавшегося положения председатели Совещаний некоторых округов — в частном порядке — обратились к избранному Атаману с вопросом, с кем из двух он лично предпочитал бы работать, и А. М. Каледин, неизменно присутствовавший на пленарных заседаниях Круга и уже знавший обоих кандидатов по их выступлениям, ответил, что он не возражает ни против одного, ни против другого и готов работать с каждым из них. Ответ Атамана стал известен во всех округах и было решено баллотировать обоих и притом одновременно: было поставлено две урны, одна с надписью «Богаевский», другая — «Мельников». Каждый депутат, проходя мимо двух урн, просовывал руку в каждую из них, но шар свой опускал в урну того кандидата, которого он предпочитал. «Черняков» не было. При подсчёте голосов оказалось, что за Богаевского было подано 400 с чем-то, а за Мельникова — 300 с чем-то. Точных цифр не помню — они были указаны в газетах того времени, печатавших со всеми подробностями отчёты заседаний Круга.

Прежде, чем поздравить избранника, я с трибуны обратился ко всем тем, которые голосовали за меня и подчеркнул, что, по парламентским законам-традициям, получивший большинство считается избранником всего Круга и, следовательно, всего Донского казачества, что в тревожное революционное время избранники должны чувствовать за собой поддержку всего народа, необходимую для общего дела, и просил выдвигавших мою кандидатуру разрешить мне и от имени всех их поздравить Митрофана Петровича и заверить его в на-

шей полной поддержке в предстоящей ему тяжёлой работе.

Когда весь Круг, апплодируя, поднялся со своих мест, мы расцеловались с М. П. Богаевским, а А. М. Каледин, как всегда сидевший тут же, рядом с Председателем, пожал мне руку.

Невольное моё соперничество ни на минуту не испортило наших дружеских отношений с М. П. Богаевским и не внесло ни малейшего разъединения на Войсковом Круге.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ КЛЕВЕТЫ

Выступая 7 февраля 1918 г. на Малом «Назаровском» Круге с отчётом о деятельности Калединского Правительства, М. П. Богаевский заявил: «... Никаких Войсковых сумм на руках у Алексея Максимовича не было... Одному из членов Войскового Правительства А. М. Каледин передал благотворительные суммы, о которых никто не знал, которые передавались ему лично на дела благотворительности, для расходования по его личному усмотрению. Передал и сказал — ну, слава Богу, от этого очистился! **Теперь эти суммы переданы новому Войсковому Атаману»**. (Подчёркнуто мной. Н. М.) Слова эти были сказаны на Войсковом Круге и в присутствии нового Атамана, получившего деньги — таким образом, грязное обвинение ген. Денисовым и другими отпадает.

Считаю долгом добавить, что кроме того члена правительства, о котором говорил М. П. Богаевский, часть денег благотворительного фонда была вручена Атаманом и мне. Об этом не знал абсолютно никто — ни Председатель Правительства, поэтому и не сказавший ничего об этом на Круге, ни кто либо другой. За несколько минут до смерти Алексея Максимовича я уходил из его кабинета последним (бывший до этого вместе со мной М. П. Богаевский спустился вниз, в свою квартиру). Перед тем, как проститься со мной, Атаман, что-то вдруг вспомнив, на минуту вышел в соседнюю с

кабинетом комнату и, сейчас же возвратившись с закрытым конвертом в руке, передал его мне, сказав: «Оказывается, я не всё передал правительству — вот тут еще остаток...»

Уехавши тогда же из Новочеркасска, я вынужден был скрываться и вернулся туда уже при Атамане ген. П. Н. Краснове, которому и передал лично пакет. Деньги эти — 40.000 рублей — были Атаманом зачислены в «Атаманский фонд на выдачу пособий раненым офицерам и казакам, а также семьям убитых в борьбе с красногвардейцами». Так сказано в полученной мной из Атаманской Канцелярии квитанции, которую я случайно, к счастью, сохранил и, вместе со всеми моими отчётными книгами по израсходованию Войсковых сумм заграницей, где в течение 15 лет я был Помощником Донского Атамана ген. А. П. Богаевского, сдал на хранение в Русский Архив при Колумбийском Университете в Нью-Йорке. Фотокопию расписки прилагаю к этой монографии.

По адресу членов Калединского Правительства брошено обвинение — как всегда совершенно голословное — в расхищении денежных сумм... Люди с мелкой душой, мерящие «на свой аршин», не могущие, очевидно, себе представить, чтобы, находясь у власти, да еще в революционный период, при отсутствии строгого контроля, можно было бы не украсть!

Сотрудники Каледина, вступая в состав его Правительства, ненавидимого большевиками, захватившими власть над всей необъятной Россией, активно на верхах включаясь в неравную борьбу, знали, на что они идут и чем рискуют... Как далеки они были в своих помыслах и идеалах от той грязи, которой пытаются их забрызгать! И всё же — приходится защищать их память: почти все они давно уже отошли в лучший мир...

Считаю своим нравственным долгом задержаться несколько на этом вопросе и выступить на защиту оклеветанных калединцев и, в то же время, и самого покойного Атамана-Мученика. Выпуская свои ядовитые стрелы, якобы по адресу только Правительства Каледина, противники великого вождя всего Казачества метят

фактически в него самого. Не осмеливаясь выступить открыто и прямо, они, зная, как глубоко чтит Казачество Каледина, идут окольными путями, тихой сапой стремясь подорвать престиж Атамана, уронить его в глазах тех, кто не знает Каледина и той обстановки, в которой ему пришлось работать. Его «вина» в их глазах — в том, что он убеждённый сторонник казачьего (и не только казачьего) народоправства.

Генералы С. В. Денисов и его сотрудник ген. И. А. Поляков — первый в своих «Записках», а второй в своих воспоминаниях «Донские казаки в борьбе с большевиками» — стараясь в глазах будущего историка гражданской войны возвеличить самих себя и унизить ген. Каледина, изображая его человеком слабым, безвольным, связанным по рукам и ногам Войсковым Кругом и Войсковым Правительством, которые в их глазах являются чуть ли не совдепами и презрительно называются «коллективом»: «... личность Каледина тонула в коллективе... Каледин не решался выступить против течения, подвергаясь разнообразным и противоположным влияним, не находя в себе сил изменить курс и продолжал задыхаться в атмосфере переживаний и колебаний...» «Правительство враждебно относилось к Каледину...» «Выборные представители разбирали портфели после того, когда были уже выбраны», «В атаманство Каледина органа исполнительной власти не существовало!», «Разошлись по карманам и деньги казачьи и достояние добрых людей, средствами своими помогавших Атаману», «Правительство опубликовало 10 января амнистию большевикам», «27 января Правительство требовало снятия военного положения в Ростове», «... требовало ареста Атамана по повелению Керенского...». Сотрудник Каледина ген. П. Х. Попов «покинул Новочеркасск с единственной и ясной целью спастись в привольных степях Задонья»...

Память А. М. Каледина в моей защите не нуждается и подробно опровергать перечисленные выше выпады, исходящие от противников народоправства, нет надобности — все те, кто прочтёт монографию и отзывы людей, заслуживающих полного доверия, заклеймят кле-

ветников презрением. Благодаря своему глубокому уму и обаянию своей личности, Атаман Каледин пользовался безграничным авторитетом и доверием на Войсковом Кругу и в Войсковом Правительстве, и не было случая ни на Круге, ни в Правительстве, чтобы какое-либо его предложение — а они всегда были строго обоснованы — не было бы принято. Приведу свидетельство Помощника Атамана, Председателя Калединского Правительства М. П. Богаевского, душу свою положившего «за други своя», за светлые идеалы Вольного Казачества и Свободной России — оставленное им перед смертью в незаконченной статье «Ответ перед историей»: «А. М. Каледин хорошо относился ко мне, он был на двадцать лет старше меня, а потому не могло быть и речи о моём влиянии на него. Все, кто знал его, могут подтвердить, насколько он был самостоятельным и твёрдым человеком. Влияние его на Казачество было очень велико, и с его голосом считались всегда. Не я оказывал на него влияние, а он оказывал его на меня, и на Круге бывали случаи, когда мне приходилось выступать по его указанию».

«В военном деле Каледин был полным хозяином».

Через полгода после смерти Каледина наш талантливый журналист В. Севский, расстрелянный потом большевиками, писал в «Приазовском Крае»: «Теперь, когда его нет, когда есть свидетельские показания, записки современников и исторические документы, повернётся ли у кого язык бросить упрёк Каледину, мёртвому, но живущему в умах и сердцах честных?»; «Не «белый генерал», а гражданин в белой тоге независимости мысли. Гражданин, каких мало. Россия гибнет потому, что нет Калединых».

То, что Войсковое Правительство якобы «опубликовало в январе амнистию большевикам», что 27 января 1918 года (за два дня до смерти Каледина?!) « **требовало** снятия военного положения в Ростове» — даже нет смысла и опровергать... У кого же Правительство требовало снятия военного положения? Им, Правительством, оно было введено, оно его могло само и снять, если бы у него явилась эта нелепая мысль...

Сотрудник Каледина, ген. П. Х. Попов «покинул Новоркасск с единственной и ясной целью спастись в привольных степях Задонья» — это могут говорить лишь те из тысяч офицеров, которые не «покинули» Новочеркасска вместо со Степняками и не отозвались на призыв Каледина и Чернецова пополнить ряды таявших партизан и вскоре явились на регистрацию по приказу большевиков.

«Выборные представители разбирали портфели», пишет ген. Денисов — «после того, как были уже выбраны...», «При Каледине органов исполнительной власти не существовало...» И после того, как члены Калединского Правительства уже были избраны, они не разбирали портфелей по той простой причине, что этих «портфелей» — «министерств» тогда не существовало: «Управляющие Отделами» правительства появились лишь в атаманство ген. П. Н. Краснова, в эпоху А. М. Каледина, в первый период до декабря, они назывались не министрами или управляющими, а «Старшинами Войска Донского», и отдельными ведомствами никто из них не заведывал. Старшины были фактически как бы членами «думы», поддерживая постоянную связь со своими округами, они были в курсе настроений и нужд населения, руководили же всем фактически Атаман и его Товарищ.

Вопреки утверждению ген. Денисова, все органы исполнительной власти были налицо: в станицах и хуторах это были свои Атаманы, в округах — выборные Окружные Атаманы, в «столице» — остававшиеся на своих местах Советники Областного Правления. Прежний казачий аппарат не был разрушен — в него был лишь влит новый дух. Было то, что существует в Западной Европе: министры сменяются, уходят — «бюро» остаются... И интересы дела нисколько не страдали. В помощь Атаману и Правительству в ноябре 1917 года был создан Донской Экономический Совет под председательством известного Донского промышленника и крупного общественного деятеля Н. Е. Парамонова. Существовавший раньше для содействия нуждам фронта Военно-Промышленный Комитет прекратил к этому вре-

мени свою деятельность и Войсковое Правительство использовало его силы, опыт и знания, пригласив наиболее ценных работников бывшего Комитета войти в состав Донского Экономического Совета. Были образованы отделы финансовый, сельско-хозяйственный, горно-промышленный, фабрично-заводской, юридический и другие. Отделы Экономического Совета давали Войсковому Правительству заключения на его запросы, составляли по поручению Правительства законопроекты, члены Совета приглашались в качестве экспертов на заседания Правительства. Все члены Экономического Совета работали безвозмездно. В состав Совета входили общественные деятели и профессора Донского Политехнического Института и лучшие силы судебного ведомства и адвокатуры.

К А Н Ц Е Л Я Р И Я
ВОЙСКОВОГО
А Т А М А Н А
Войска Донского

—

С т о л
9 июля 1918 г.
г. Новочеркасск.

Получено от Николая Михайловича Мельникова в Атаманский фонд на выдачу пособий раненым офицерам и казакам, а также семьям убитых в борьбе с красногвардейцами, всего СОРОК ТЫСЯЧ РУБ. (40.000), переданные ему, Мельникову, бывшим Войсковым Атаманом А. М. Калединым в день его кончины.

Деньги сорок тысяч руб. получил и на хранение в Новочеркасское Отделение Государственного Банка на текущий счёт за № 44832 сдал.

(ВОЙСКОВАЯ ПЕЧАТЬ)

Вр. И. об. Казначея Канцелярии:
Г. Ларионов

«КАЛЕДИНСКИЙ МЯТЕЖ»

Донской Большой Войсковой Круг, в сентябрьской сессии, под председательством Н. М. Мельникова, рассмотрев дело по обвинению Войскового Атамана генерала от кавалерии А. М. Каледина Временным Правительством в мятеже, принял следующее постановление:

«Донскому Войску, а вместе с ним и всему Казачеству, нанесено тяжкое оскорбление.

Правительство, имевшее возможность по прямому проводу проверить нелепые слухи о Каледине, вместо этого ему предъявило обвинение в мятеже, мобилизовало два военных округа, Московский и Казанский, объявило на военном положении города, отстоящие на сотни ворст от Дона, отрешило от должности и приказало арестовать избранника Войска на его собственной территории при посредстве вооруженных солдатских команд.

Несмотря на требования Войскового Правительства, оно однако не представило никаких доказательств своих обвинений и не послало своих представителей на Круг.

В виду всего этого Войск. Круг объявляет, что дело о мятеже — провокация или плод расстроенного воображения.

Признавая устранение народного избранника грубым нарушением начал народоправства, Войсковой Круг требует удовлетворения: немедленного восстановления Атамана во всех правах, немедленной отмены рас-

поряжений об отрешении от должности, срочного опровержения всех сообщений о мятеже на Дону и немедленного расследования, при участии представителей Войска Донского, виновников ложных сообщений и поспешных мероприятий, на них основанных.

Генералу Каледину, еще не вступившему в должность по возвращении из служебной поездки по Области, предложить немедленно вступить в исполнение обязанностей Войскового Атамана».

ПОПЫТКА ДОНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА СВЯЗАТЬСЯ СО СВЕРГНУТЫМ ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

По вопросу о попытке установления связи со свергнутым большевиками Временным Правительством удалось найти лишь один документ — в книге советских историков профессоров М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева-Эпштейна — «Разложение армии в 1917 году» (Центрархив — «1917-ый год в документах и материалах»), на стр. 157, документ № 165, радио-телеграмма Донского Войскового Правительства (принята в 12 часов 31 минуту 29 октября 1917 года): «Ставка. Верховному Главнокомандующему. Всем армиям, корпусам, дивизиям... Донское Войсковое Правительство приглашает Временное Правительство и членов Совета Республики прибыть в Новочеркасск, где возможна организация борьбы с большевиками и гарантируется личная безопасность и тех и других.»

Там же 2 октября 1917 года, за № 62, напечатан отклик на призыв Донского Войскового Правительства одного из корпусов: «Четвертый кавалерийский корпус, состоящий из Терских и Кубанских казаков, приветствует почин Донского Войска, предлагает свою мощь для борьбы с большевиками и царящей в стране анархией и готов до одного положить свои головы за спасение России. Комиссар корпуса Башмаков. Председатель корпусного комитета Тарасов.»

ВЫПИСКА ИЗ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

«Каледин Алексей Максимович — 1861-1918 — генерал царского времени, заклятый враг советской власти, лидер донской контр-революции. Окончив в 1882 году Михайловское Артиллерийское училище, служил в разных военных штабах. С первых дней Мировой войны Каледин находился на фронте, командовал до мая 1916 года двенадцатым корпусом, потом до февраля-марта 1917 г. восьмой армией. После ряда поражений восьмой армии, Каледин 6-го мая 1917 года был отстранён от должности командующего восьмой армией и переведён для работы в Военный совет.

Однако скоро Каледин уехал на Дон в Новочеркасск, где 26 мая на первом же Войсковом Круге Дона был избран Войсковым наказным атаманом Войска Донского. После Великой Октябрьской пролетарской революции Каледин начал гражданскую войну против Советов и входил в состав «Триумвирата Алексеев-Корнилов-Каледин», который должен был возглавить области будущего стратегического влияния Добровольческой армии. Под влиянием краха своего контр-революционного выступления Каледин 6-го января 1918 года кончил жизнь самоубийством».

ПОПРАВКА

Как извращается большевиками история...

В Советской Энциклопедии не указаны ни окончание Калединым Академии Генерального Штаба, ни блестящие успехи 12-й Кавалерийской дивизии, которой командовал ген. Каледин. Очевидно, к числу «ряда поражений» Каледина большевики относят разгром Восьмой армией, руководимой Калединым, 4-й австрийской армии ген. Лизингена, когда было взято в плен колоссальное количество пленных и захвачено множество орудий, пулемётов, снарядов, патронов и другого военного имущества целой армии?

Замалчивается блестящая подготовка и проведение Калединым операции Луцкого прорыва, за которые Георгиевская Дума присудила Каледину Орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия ТРЕТЬЕЙ степени, в дополнение к имевшемуся Кресту ЧЕТВЕРТОЙ степени...

Большевистские «историки» не понимают даже разницы между ВЫБОРНЫМ ВОЙСКОВЫМ и НАКАЗНЫМ Атаманами, именуя Каледина «Наказным». Путают и даты: Каледин избран Войсковым Атаманом не 26 мая, а 18 июня 1917 года, а застрелился не 6-го, а 29-го января 1918 г. Неверно и то, что Каледин «начал гражданскую войну»: начали её большевики, охватившие Дон с трёх сторон отрядами красной гвардии и приславшие в Таганрог и Ростов военные суда и матросов Черноморского флота, захвативших Ростов.

Н. М. М.

РЕЗОЛЮЦИЯ СОВЕТА СОЮЗА КАЗАЧЬИХ ВОЙСК, ПРИНЯТАЯ НА ЗАСЕДАНИИ 7-го ДЕКАБРЯ 1917 г. В ПЕТРОГРАДЕ, В ОТВЕТ НА ОБРАЩЕНИЕ СОВНАРКОМА КО ВСЕМ СОВДЕПАМ ПО ПОВОДУ «КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ АТАМАНОВ КАЛЕДИНА И ДУТОВА»

«Казачество издавна представляет собой демократическую земельную общину, где проведено полное народовластие. Казачество не делится на классы угнетателей и угнетённых. В Казачестве вся земля с её недрами принадлежит всему Войску, как целому. Установившийся казачий общественно-экономический быт с его идеями подлинного демократизма не должен возбуждать агрессивных действий со стороны центральной государственной власти, кому бы она ни принадлежала, хотя бы, как ныне, представителям большевизма. Казачество, направившее всю свою энергию в данное время на устроение краевых дел, не питает намерений вторгаться в область борьбы за государственную власть и никаких шагов вне своих областей в этом направлении не делает. Введение военного положения в Области Войска Донского еще 25 октября, т. е. до свержения Временного Правительства, было вызвано, несомненно, целями безопасности и сохранения общественного порядка в хлебородном и углепромышленном районе юга и в интересах обеспечения нормального подвоза к ар-

мии и к центру продовольственных и угольных грузов, но отнюдь не стремлением к борьбе за центральную власть. Вместе с тем, отсутствие центрально-государственной власти, всенародно признанной и правомочной действовать от имени всей страны, Казачество считает недопустимым и заключение мира с германцами без согласия на то союзных с нами держав также считает недопустимым.

В виду изложенного, Совет Союза Казачьих Войск, как объединённый орган Всероссийского Казачества, обсудив вопрос о непрекращающихся толках о посылке военно-революционным комитетом воинских эшелонов, для тех или других действий большевиков, в казачьи области и, присоединяясь к резолюции Донского Правительства Донской Области, а также фронтового казачьего съезда, заявляет:

1. Что Казачество ничего для себя не ищет и ничего себе не требует вне пределов своих Областей; но в то же время, руководствуясь демократическими началами самоопределения народностей, оно не потерпит на своей территории иной власти, кроме народной, образуемой свободным соглашением местных народностей без всякого внешнего и постороннего давления.

2. Что посылка карательных отрядов против казачьих областей, а в частности против Дона, перенося гражданскую войну на окраины, где идёт энергичная работа по водворению общественной безопасности и общественного порядка и по беспрепятственной доставке грузов, угля и нефти к городам России, вызовет расстройство транспорта и тем ухудшит продовольственное дело, приведя к расстройству житницу России.

3. Что Казачество протестует против всякого введения посторонних войск в казачьи области без согласия Войсковых или Краевых казачьих правительств.

4. Что Казачество, неисчислимо жертвуя по защите Отечества, не может принять на себя последствий такого мира, который будет заключён без согласия народа в лице Учредительного Собрания.»

Эта резолюция была представлена 8 декабря Председателю Совнаркома Ленину.

В ответ на резолюцию Совета Союза Казачьих Войск от 7-12-1917 г. появился декрет Совнаркома от 25 декабря:

«КО ВСЕМУ ТРУДОВОМУ КАЗАЧЕСТВУ!

Властью революционных рабочих и крестьян Совет Народных Комиссаров объявляет всему трудовому казачеству Дона, Кубани, Урала и Сибири, что рабочее и крестьянское правительство ставит своей ближайшей задачей разрешение земельного вопроса в казачьих областях в интересах трудового казачества и всех трудящихся на основе Советской программы, принимая во внимание все местные и бытовые условия и в согласии с голосом трудового казачества на местах.

В настоящее время Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Отменить обязательную воинскую повинность казаков и заменить постоянную службу краткосрочным обучением при станицах;
2. Принять на счёт государства обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу;
3. Отменить еженедельные дежурства казаков при станичных правлениях, зимние занятия, смотры и лагери;
4. Установить полную свободу передвижения казаков;
5. Вменить в обязанность соответ. органам при народном комиссаре по военным делам по всем перечисленным пунктам представить подробные законопроекты на утверждение Совета Народных Комиссаров».

Совнаркомом также было выпущено особое Обращение к трудовым казакам:

ОБРАЩЕНИЕ

Братья казаки, **вас обманывают!** Вас натравливают на остальной народ!

Вам говорят, будто Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов ваши враги, будто они **хотят отнять вашу казацкую волю, вашу казацкую «вольность».**

Не верьте, казаки, вам лгут. Вас преступно обманывают. Ваши собственные генералы и помещики обманывают вас, чтобы держать вас во тьме и в кабале. Мы, Совет Народных Комиссаров, обращаемся к вам, казаки, с этим словом. Прочитайте его внимательно и судите сами, где правда, а где злой обман.

Жизнь и судьба казаков была всегда неволей и каторгой. По первому зову начальства казак был обязан садиться на коня и выступать в поход. Всю воинскую «справу» казак должен был создавать на свои кровные трудовые средства. Казак — в походах, а хозяйство расстраивается и падает.

Справедлив ли такой порядок? Нет, он должен быть отменён навсегда! Казачество должно быть освобождено от кабалы. Новая народная Советская власть готова прийти к трудовому казачеству на помощь.

Нужно только, чтобы сами казаки решились отменить старые порядки, сбросить с себя покорность крепостникам — офицерам, помещикам, богачам — скинуть со своей шеи проклятое ярмо.

Поднимайтесь, казаки, объединяйтесь! **Совет народных комиссаров призывает вас к новой, более свободной, более счастливой жизни.** В октябре и ноябре происходил в Петрограде Всероссийский Съезд Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов. Он передал всю власть на местах в руки Советов, т .е. в руки выборных от народа людей. Отныне не должно быть на

Руси никаких правителей и чиновников, которые сверху командуют народом и помыкают им. Народ сам создает свою власть. У генерала не больше прав, чем у солдата. Все равны.

Рассудите, казаки, дурно это или хорошо?

Мы призываем вас присоединиться к этому новому народному порядку и создавать ваши собственные Советы Казацких Депутатов. Этим Советам должна принадлежать на местах вся власть. Не Атаманам в генеральских чинах, а выборным представителям трудового казачества, своим доверенным, надёжным людям.

Всероссийский Съезд Солд., Раб. и Крестьян. Депутатов постановил все помещичьи земли передать в пользование трудового народа. Разве же это несправедливо, казаки?

Каледины, Корниловы, Дутовы, Карауловы, Бардины * — всей душой стоят за интересы богачей и готовы утопить Россию в крови, только бы отстоять земли за помещиками. Но, трудовые казаки, разве же вы сами не страдаете от бедности, гнёта и земельной тесноты? Сколько есть казаков, у которых не больше 4-5 десятин на двор? А рядом с ними — казаки-помещики, у которых тысячи десятин своей земли и которые, сверх того, прибирают к рукам войсковые земли и угодья. По новому советскому закону земли казаков-помещиков должны без всякой платы перейти в руки казаков-тружеников. Вас пугают тем, будто Советы хотят отнять у вас ваши земли. Кто вас пугает? Казаки-богачи, которые знают, что Советская власть хочет передать помещичьи земли в ваши собственные руки.

Выбирайте же, за кого вам встать: за Калединых и Корниловых, за генералов и богачей, или же за Советы. Избранный Всероссийским Съездом Совнарком предложил всем народам немедленное перемирие и честный демократический мир без обиды и ущерба для какого-либо народа. Все капиталисты-помещики, генералы-

---

* Бардижы? Н. М.

корниловцы восстали против мирной политики Советской власти. Им война давала барыши, власть и чины. А вам, казакам?

Вы гибли без смысла и без цели, подобно вашим братьям солдатам и матросам. Вот уже скоро три с половиной года, как тянется эта проклятая бойня, которую капиталисты и помещики всех стран затеяли из-за своих выгод, из-за мировых грабежей. Трудовому казачеству война принесла только разоренье и гибель. Из казачьего хозяйства война высосала все соки. Единственное спасение — скорый и честный мир.

Совнарком заявил всем правительствам и народам: «Мы не хотим чужого и не хотим отдавать своё. Мир без аннексий и контрибуций! Каждый народ сам должен решать свою судьбу». И первый результат налицо: на русском фронте уже установлено перемирие. Там уже не льётся солдатская и казацкая кровь.

Теперь, казаки, решайте сами — хотите ли вы дальше вести эту пагубную, бессмысленную, преступную бойню. Тогда поддержите кадет, врагов народных, поддержите Чернова, Церетелли, Скобелева, которые бросили вас в наступление 18 июня, поддержите Корнилова, который ввёл на фронте смертную казнь для солдат и казаков. А если хотите скорого мира — тогда становитесь в ряды Советов и поддержите Совнарком.

Ваша судьба, казаки, в ваших руках. Наши общие враги помещики, капиталисты, корниловцы, офицеры, буржуазные газетчики обманывают вас и толкают на путь гибели.

Каледин угрожает Советам на Дону. В Оренбурге Дутов арестовал Совет и разоружил гарнизон. Каледин объявил на Дону военное положение и стягивает туда войска. Караулов расстреливает туземцев на Кавказе. Кадетская буржуазия снабжает их своими миллионами.

Наши революционные войска двинулись на Дон и на Урал, чтобы положить конец преступному восстанию против народа. Начальникам революционных войск отдан приказ: ни в какие переговоры с мятежными гене-

ралами не входить, действовать решительно и беспощадно.

Казаки! От вас зависит теперь, будет ли дальше литься братская кровь. Мы вам протягиваем руку. Объявите Каледина, Корнилова, Дутова, Караулова и всех их сообщников врагами народа, изменниками и предателями! Арестуйте их собственными силами и передайте в руки Советской власти, которая будет их судить гласным революционным судом.

Казаки! Объединяйтесь в Советы Казачьих Депутатов. Отбирайте земли у богачей. Передавайте их зерно, их инвентарь на обработку земель трудового казачества, разорённого войной! Вперед, казаки, на борьбу за общенародное дело! Да здравствует трудовое казачество!

Да здравствует союз казаков, солдат, крестьян и рабочих!

Да здравствует власть Советов Казачьих, Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов! Долой войну! Долой помещиков и генералов-корниловцев!

Да здравствует мир и братство народов!»

Вот какими коварными обещаниями большевики одурманивали и вскружили головы фронтовиков...

В самый критический момент существования всего казачества изменив своему выборному Войсковому Атаману, призывавшему «большевикам не верить», фронтовики — мощь и надежда Дона — отвернулись от Каледина и потом на горьком опыте убедились, что Атаман был прав, увидели, чего стоят обещания «новой, более свободной, более счастливой жизни», обещания «не отнимать казацкую землю», «казацкую вольность»...

И все те, которые пошли к Голубову и Подтёлкову, вступили в ряды частей Миронова, Буденного и других, лишились и земли и вольностей и погубили казачество.

ИСТОЧНИКИ

1. Мои личные воспоминания и статьи, напечатанные прежде в казачьих органах печати: «Казачьи Думы», газета, впоследствии журнал, изд. в 20-ых г. г. в Софии, «Вестник Казачьего Союза» и Журналы «Родимый Край» и «Казак», издававшиеся Казачьим Союзом в Париже в г. г. 1924-1934.
2. «Донская Летопись» т. 1-ый и 2-ой, изд. Донс. Историч. Комиссии, Белград. 1923 и 1924 г. г.
3. «Донская Волна» 1918 г. Ростов на Дону.
4. Ген. А. И. Деникин. «Очерки Русской Смуты», т. 1-ый и 2-ой, изд. «Медный Всадник», Берлин, 20-ые годы.
5. Проф. ген. Н. Н. Головин. «Галицийская Битва»: Париж. 20-ые г. г.
6. Ген. Н. Н. Головин. «Российская Контр-революция», изд. «Иллюстрированной России». Париж. 1937 г.
7. Полковник Рождественский. «Луцкий прорыв». Москва. 1924 г. Изд. ВВРС.
8. А. Белой. «Галицийская Битва». Москва. 1929 г. ГИЗ.
9. Ген. А. А. Брусилов. «Мои воспоминания». Изд. «Мир.» 20-ые г. г.
10. Ген. Людендорф. «Воспоминания».
11. М. Палеолог. Мемуары быв. франц. посла в Петербурге.

12. Ген. Н. В. Шинкаренко. «Воспоминания» — рукопись.
13. Ротмистр В. К. Скачков. Дневник — рукопись.
14. Полковник Э. Г. фон Валь. «Кавалерийские обходы Каледина».
15. «Военная Быль», журнал № 42. 1960 г. Париж.
16. «Наши Вести», журнал. 1966 г.
17. Ген. С. В. Денисов. «Записки». 1921 г. Константинополь.
18. «Список генералам по старшинству». 1910 г. Петербург. Изд. Главного Штаба.
19. Д. С. Бабичев. «Участие донских казаков в войне 1914-1917 г. г.» Ростов н-Д. 1962 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
1. От Комиссии по увековечению памяти А. М. Каледина	5
2. Предисловие	7
ЧАСТЬ I. А. М. Каледин до революции . .	**11-97**
Глава 1-ая — Биография А. М. Каледина. .	13
Глава 2-ая — Характеристика А. М. Каледина — полководца и человека .	18
Глава 3-ья — А. М. Каледин — военачальник и стратег	29
Глава 4-ая — А. М. Каледин — командующий 8-ой армией. Луцкий прорыв.	39
Глава 5-ая — Почему грандиозный тактический успех ген. Каледина не дал соответствующих стратегических результатов. Ген. Брусилов и ген. Каледин	53
Глава 6 ая — Каледин на войне	63

стр.

Глава 7-ая — Ранение ген. Каледина . . . 77
Глава 8-ая — Письма ген. Каледина и к нему. Его отношение к начинающейся смуте 81
Глава 9-ая — Отзывы о А. М. Каледине . . 85

ЧАСТЬ 2-ая. А. М. Каледин — Донской Атаман 99-310

Глава 1-ая — Калединский период донской истории, как он запечатлелся в моей памяти ко дню 50-ти летия кончины Атамана . . . 101
Глава 2 ая — А. М. Каледин и Московское Государственное Совещание . . 138
Глава 3-ья — Политический облик А. М. Каледина 155
Глава 4-ая — Донское правительство эпохи Атамана Каледина 161
Глава 5-ая — Поездка А. М. Каледина по Донской Области в августе 1917 г. 167
Глава 6-ая — Ген. Каледин и Добровольческая Армия. Триумвират . . 182
Глава 7-ая — Поход Каледина на Ростов . . 199
Глава 8-ая — Первый казачий мятеж . . 206
Глава 9-ая — Делегация Каменского Военно-Революционного Комитета в Новочеркасске 214
Глава 10-ая — Полковник Чернецов, Василий Михайлович 230
Глава 11-ая — Гибель Чернецова 242
Глава 12-ая — «Рядом...» 269

стр.

Глава 13-ая — Конец А. М. Каледина . . . 283
Глава 14-ая — «Светлой памяти Отца-Атамана». 305

ЧАСТЬ 3-ья. Стихи, посвященные памяти Атамана Каледина 311-342

Н. Н. Туроверов — «Они сойдутся...» . . . 315
Б. П. Богаевский — «Атаман Каледин». . . 317
Н. Белогорский (Н. В. Шинкаренко) — «На смерть Каледина». . . . .- 319
Н. Кузнецов — «Атаман-печаль» 320
М. Н. Залесский — «Двадцать семь» . . . 321
Н. Н. Воробьев — «Хмурый витязь» . . . 322
М. — «Памяти Атамана-страдальца» . . . 323
Н. Н. Евсеев — «Каледин» . . . . . .- 325
Юшкин-Котлубанский — «Дворцовый выстрел». 327
Вячеслав Б. — «Памяти Атамана Каледина» . 329
М. Борисов — «Памятник» 331
Доран — «Каледин» 332
П. С. Ветров — «Клятва» 333
Б. Ерофеев — «Каледин» 335
Н. П. Чижов — Письмо к другу 339

ПРИЛОЖЕНИЯ 343-368

Pro domo suo 345
Опровержение клеветы 350
«Калединский мятеж» 357
Попытка Донского Правительства связаться со свергнутым Временным Правительством . 359
Выписка из советской энциклопедии . . . 360

стр.

Резолюция Совета Союза Казачьих Войск 7 дек. 1917 г. и ответный Декрет Совнаркома от 25 дек. 1917 г. 362
Список источников 369